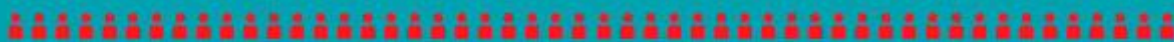

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 5, № 3, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ РОЖДАЕМОСТИ:
СЕМЬЯ, ГОСУДАРСТВО И МИР-СИСТЕМА
МИХАИЛ КЛУПТ

ОТНОШЕНИЕ К МЕРАМ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ
ПО ДАННЫМ МИКРОПЕРЕПИСИ 2015 Г.
ОЛЬГА ИСУПОВА

РОЖДАЕМОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА:
ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
ОЛЬГА ГАГАУЗ

НОРМАТИВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СЕМЬЮ И ГЕНДЕР: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖИТЕЛИ ЛАТВИИ
И ЭСТОНИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ 2008 ГОДА)
МАРГАРИТА ФАБРИКАНТ, ВЛАДИМИР МАГУН

ОЦЕНКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ
С ПРИМЕНЕНИЕМ МОДЕЛИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ-СМЕРТНОСТЬ
РУСТАМ ТУРСУН-ЗАДЕ

АРМЯНЕ РОССИИ – ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОШЛОГО,
СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СЕРГЕЙ СУЩИЙ

Рецензии

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН
СЕРГЕЙ ШУЛЬГИН

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПУЛЬСАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
НИКИТА МКРТЧЯН

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ
ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА
И.Е. КАЛАБИХИНА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
А.И. КУЗЬМИН
А.Р. МИХЕЕВА
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
М.С. САВОСКУЛ
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

*Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA
I. KALABIKHINA

M. KLUPT
A. KUZMIN
A. MIKHEYEVA
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
M. SAVOSKUL
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

**All manuscripts are obligatory peer-reviewed.
Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Октябрь 2018, Т.5, №3

Оригинальные статьи

- ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ РОЖДАЕМОСТИ: СЕМЬЯ, ГОСУДАРСТВО И МИР-СИСТЕМА** **6-24**
Михаил Клупт
- ОТНОШЕНИЕ К МЕРАМ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ ПО ДАННЫМ МИКРОПЕРЕПИСИ 2015 г. ...** **25-56**
Ольга Исупова
- РОЖДАЕМОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА** **57-80**
Ольга Гагауз
- НОРМАТИВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СЕМЬЮ И ГЕНДЕР: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖИТЕЛИ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ 2008 ГОДА)** **81-102**
Маргарита Фабрикант, Владимир Магун
- ОЦЕНКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МОДЕЛИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ-СМЕРТНОСТЬ** **103-126**
Рустам Турсун-заде
- АРМЯНЕ РОССИИ – ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОШЛОГО, СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ...** **127-152**
Сергей Суций

Рецензии

- ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ**
Рецензия на книгу «Демографическое развитие постсоветского пространства» **153-160**
Сергей Шульгин
- ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПУЛЬСАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
Рецензия на коллективную монографию «Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» **161-165**
Никита Мкртчян

Новое в зарубежных журналах

- Демографический Дайджест** **166-192**
Илья Кашницкий, Анна Бурмистрова, Никита Ганжа, Ирина Замищак, Галина Манькова, Вадим Хрюков

CONTENTS
October 2018, 5(3)

Original papers

- RETHINKING THE CONTEMPORARY HISTORY OF FERTILITY: FAMILY, STATE, AND THE WORLD SYSTEM** **6-24**
Mikhail Klupt
- ATTITUDES TO PRONATALIST POLICY MEASURES ACCORDING TO THE DATA OF THE 2015 MICRO-CENSUS** **25-56**
Olga Isupova
- POPULATION FERTILITY IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: EUROPEAN TRENDS AND NATIONAL PARTICULARITIES** **57-80**
Olga Gagauz
- NORMATIVE ATTITUDES TO FAMILY AND GENDER: RUSSIAN-SPEAKERS IN LATVIA AND ESTONIA IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE (BASED ON THE 2018 SURVEYS)** **81-102**
Marharyta Fabrykant, Vladimir Magun
- AN EVALUATION OF THE PREVALENCE OF MALIGNANT NEOPLASMS IN RUSSIA USING AN INCIDENCE-MORTALITY MODEL** **103-126**
Rustam Tursun-zade
- ARMENIANS OF RUSSIA: GEO-DEMOGRAPHIC TRENDS OF THE PAST, MODERN REALITIES AND PROSPECTS** **127-152**
Sergeiy Sushchiy

Reviews

- DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE POST-SOVIET STATES**
Review of the book "Demographic development of post-Soviet space" **153-160**
Sergey Shulgin
- SPATIAL PULSATIONS OF THE POPULATION OF MODERN RUSSIA**
Review of the book «Between home and... home. Recurrent spatial mobility of the population in Russia» **161-165**
Nikita Mkrtchyan

New in foreign journals

- DEMOGRAPHIC DIGEST** **166-192**
Ilya Kashnitsky, Anna Burmistrova, Nikita Ganzha, Galina Mankova, Vadim Khrukov

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СОВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ РОЖДАЕМОСТИ: СЕМЬЯ, ГОСУДАРСТВО И МИР-СИСТЕМА

МИХАИЛ КЛУПТ

Статья освещает «забытые» теорией движущие силы современной истории рождаемости в развитых странах: фундаментальные изменения мир-системы после Второй мировой войны и на рубеже 1980-х и 1990-х годов; конкурирующие представления о «правильной» семье и семейной и демографической политике; центр-периферийные отношения и их влияние на ресурсные возможности такой политики. Периоды, на протяжении которых ранжирование стран по величине суммарного коэффициента рождаемости оставалось устойчивым, нарушались, как свидетельствует статистический анализ, перерывами постепенности, во время которых это ранжирование существенно менялось. Дважды, после Второй мировой войны и при распаде СССР и советского блока, такие перерывы совпадали с фундаментальными сдвигами в мировой системе. Кроме того, в странах Запада такой перерыв наблюдался на рубеже 1980-х и 1990-х годов при смене обратной зависимости между женской занятостью и рождаемостью напрямую, а затем в России, странах Центральной и Восточной Европы и бывшей Югославии в период «восстановительного» роста рождаемости в 2000-е годы. Современная динамика рождаемости в развитом мире направляется «гравитационными полями» четырех аттракторов. Три первых представляют собой институциональные ловушки, связанные либо с низким уровнем жизни, либо с противоречием между «новой» экономикой и «старой» организацией семейных отношений, либо, в определенных пропорциях, тем и другим. Четвертым аттрактором является идеальное состояние, при котором щедрая семейная политика и участие мужчин в домашних заботах обеспечивают уровень рождаемости, необходимый для простого замещения поколений. Ближе всего к нему находятся в настоящее время Франция и скандинавские страны. Вопрос о том, смогут ли приблизиться к этому состоянию страны полупериферии развитого мира или из-за ресурсных ограничений оно останется привилегией, доступной только странам ядра, остается открытым.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, семейная политика, центр-периферийные отношения, мир-система.

Различные, порой полярно противоположные интерпретации событий – характерная черта исторической науки. В отличие от этого интерпретации современной истории¹ рождаемости не столь вариативны – все они, по выражению Д. Ван де Каа [Van de Каа 1996], «привязаны к якорю» теории демографического перехода. Цель данной статьи – представить иную трактовку изменений рождаемости, отчасти альтернативную этим теориям, а отчасти дополняющую их.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЛУПТ (klupt.m@unecon.ru), САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ.

Статья поступила в редакцию в июле 2018 г.

¹ Под современной историей в данной статье понимается период от окончания Второй мировой войны до наших дней.

Главным «мотором» и «интригой» современной истории рождаемости в нашей интерпретации выступит стремление государства примирить экономические и демографические функции семьи. В основе политики, направленной на достижение этой цели, лежали, как мы покажем ниже, конкурирующие между собой идеи о том, какими должны быть взаимоотношения семьи и государства. Сами же эти идеи и результаты их реализации в немалой степени определялись ходом политической истории и ее важнейшим элементом – центр-периферийными отношениями в мир-системе, а если смотреть на ход событий еще шире, – фрагментацией мира, в том числе развитого, на качественно различные и нередко находящиеся во взаимной конфронтации части.

ИНЕРЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРЕРЫВЫ ПОСТЕПЕННОСТИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Периодизация истории – один из канонических подходов к ее изучению. В нашем случае мы построим такую периодизацию, разделяя исторический поток на два типа периодов: стабильное развитие и перерывы постепенности. Вначале мы проведем такое разделение методами статистического (главным образом, корреляционного) анализа, а затем интерпретируем полученные результаты, поместив их в более широкий исторический контекст.

Наш статистический анализ охватывает две совокупности стран, относящихся к развитому миру. Первая состоит из 22 стран, которые на протяжении всего послевоенного периода либо входили в возглавляемый США военно-политический блок, либо, будучи формально нейтральными (как, например, Австрия и Швеция), неоспоримо принадлежали тем не менее к западному культурному ареалу². Вторая (из 19 стран) включает Россию, европейские страны, ранее входившие в состав СССР или советский военно-политический блок, а также государства, ранее составлявшие Югославию³. В сумме обе совокупности включают 41 страну.

Первая совокупность стран включает только страны ядра и полупериферии развитого мира. Вторая до распада СССР и его геополитического блока представляла собой относительно обособленную часть мир-системы. В 1990-е годы и в начале XXI столетия некоторые из этих стран стали периферией, а некоторые – полупериферией развитого мира⁴. Временной горизонт анализа охватывал период с 1950 по 2016 г. В качестве

² Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, США, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария, Южная Корея, Япония. Ввиду отсутствия в используемой нами базе данных необходимой информации по ГДР при проведении корреляционного анализа мы использовали временной ряд суммарных коэффициентов рождаемости с 1950 г. по 2016 г. по Германии в целом.

³ Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Литва, Латвия, Македония, Молдавия, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Черногория, Чехия, Хорватия, Эстония.

⁴ Как видно из сказанного, мы используем некоторые понятия мир-системной теории И. Валлерстайна, но не стремимся к копированию его классификации государств. На наш взгляд, в развитом мире также можно выделить свое ядро, полупериферию и периферию. Среднедушевой доход в периферийных странах развитого мира намного уступает его ядру и полупериферии, но в то же время заметно превосходит значения этого показателя в наименее развитых (по классификации ООН) государствах планеты. Не менее важно и то, что для периферии развитого мира свойственны отрицательные темпы роста населения.

исходных использовались данные о суммарных коэффициентах рождаемости для условного поколения (далее СКР), размещенные в электронном издании «Демоскоп Weekly» [Приложение Демоскоп Weekly 2018].

Перерывы постепенности в исторической динамике рождаемости проявляются в том, что места, занимаемые странами по уровню рождаемости в общей совокупности этих стран, подвергаются существенным изменениям. В силу этого анализ диагональной матрицы коэффициентов корреляции между СКР в рассматриваемых совокупностях стран позволяет выявить место перерывов постепенности на исторической оси⁵. Иными словами, полученные вышеописанным способом матрицы коэффициентов корреляции показывают, насколько сильно распределение стран на лидеров, «средняков» и аутсайдеров рождаемости, сложившееся к определенному году, детерминировано их предшествующей историей. Высокие значения коэффициентов корреляции свидетельствуют о том, что порядок, в котором выстроились страны, мало вариативен, а низкие – о его существенном изменении. Статистическая значимость коэффициентов корреляции (в случае, если она имеет место) позволяет отклонить нуль-гипотезу о том, что сходство в расположении стран в рассматриваемые годы носит случайный характер.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что расположение стран по величине СКР обнаруживало, как правило, сильную зависимость от предшествовавшего развития (рисунок 1). С 1950 по 1980 г. в обеих совокупностях коэффициенты корреляции между СКР текущего года и СКР, наблюдавшимся десятилетием ранее, заметно превышали свои критические значения. Зависимость показателей рождаемости от предшествующего развития в этот период объясняется, на наш взгляд, сочетанием трех факторов: стабильностью формальных и неформальных институтов, тесно связанных с рождаемостью, стабильностью внешних по отношению к ним обстоятельств и отсутствием (за некоторыми исключениями) демографической политики, направленной на радикальное изменение тех и других. «Возмущения», обозначившиеся к концу данного периода (демографическая политика Венгрии, ГДР и Чехословакии, запрет на аборт в Румынии, падение испанской и португальской диктатур и последовавшее за ним снижение рождаемости) оказались, как показывает статистический анализ, недостаточно сильными, чтобы поколебать эту стабильность.

В то же время периоды инерционного развития, на протяжении которого расположение стран по величине суммарного коэффициента рождаемости менялось весьма медленно, несколько раз нарушались «перерывами постепенности», приводившими к существенному изменению в таком расположении. При этом совокупность из 22 стран в целом отличалась большей по сравнению с совокупностью из 19 стран стабильностью.

⁵ Исходные данные для расчетов представляли собой матрицу значений СКР, строками которой являлись страны, а столбцами – годы. Рассчитывались коэффициенты корреляции между столбцами такой матрицы. Результатом расчетов является матрица, элементы которой представляют собой значения коэффициентов корреляции $r(СКР_t, СКР_{t-k})$ между СКР в году t и году $t-k$, отстоящем от года t на k лет назад. Коэффициенты корреляции в такой матрице представляют собой меры близости между годами, а не между странами.

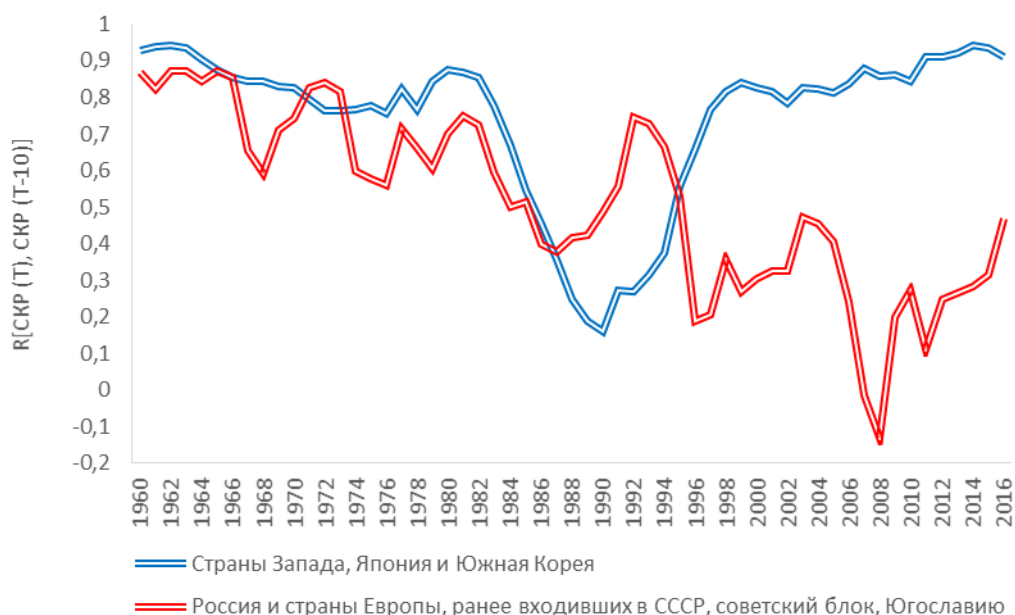

Рисунок 1. Коэффициенты корреляции $r[СКР(t), СКР(t-10)]$ между величиной суммарных коэффициентов рождаемости в годы t и $(t-10)$

Источник: Расчеты автора на основе [Приложение Демоскоп Weekly 2018].

В совокупности из 22 стран период наиболее слабой зависимости от предшествующего развития приходится на 1987-1994 гг., когда коэффициенты корреляции между СКР, наблюдавшимися в текущем году и десятилетием ранее, опускались ниже своего критического значения на 5%-ном уровне (0,42). Во все остальные годы коэффициенты корреляции, рассчитанные подобным образом, были статистически значимы на 5%-ном уровне.

Средняя величина СКР для рассматриваемых 22 стран в 2015 г. оставалась практически той же, что и в 2000 г. (соответственно 1,62 и 1,61). Почти не изменилось и их расположение по величине данного показателя: коэффициент корреляции между значениями СКР в 2000 и 2015 г. составил 0,83.

В совокупности из 19 стран коэффициенты корреляции между СКР, наблюдавшимися в текущем году и десятилетием ранее, опускались ниже своего критического значения на 5%-ом уровне (0,46) трижды: в 1986-1989, 1996-2002 и 2006-2015 гг. Наиболее выраженными были при этом перерывы постепенности, связанные сначала с резким снижением СКР в ходе трансформационного шока, а затем в ходе их «восстановительного» роста, особенно быстрого в России⁶.

Для двух совокупностей вместе взятых (41 страна) различия между периодами, когда зависимость от предшествующего развития была достаточно сильной, и периодами, когда

⁶ С 2000 по 2015 г. средняя величина СКР в этой совокупности стран (без учета данных по России) выросла с 1,36 до 1,51. В России значение СКР росло гораздо быстрее – с 1,20 до 1,78. При этом в вышеназванной совокупности из 19 стран зависимость от значений СКР, зафиксированных в 2000 г., начиная с 2007 г. уже не была статистически существенной.

она нарушалась, хорошо видны на рисунке 2. Статистически значимая зависимость от величины СКР, наблюдавшаяся в 1950 г., сохранялась не только в 1965 г., но и в 1980 г. (соответственно $r=0,61$ и $r=0,51$). В отличие от этого зависимость СКР от их значений, зафиксированных в 1980 и 1990 г., исчезала значительно быстрее и уже через 10-12 лет переставала быть статистически существенной.

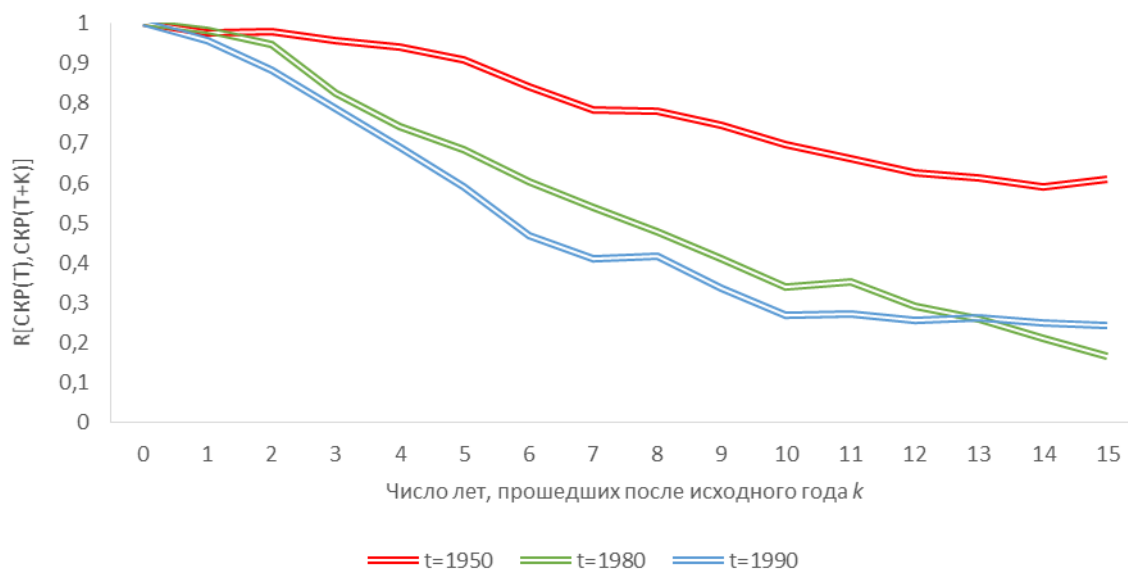

Рисунок 2. Коэффициенты корреляции $r[СКР(t), СКР(t+k)]$ между величиной суммарных коэффициентов рождаемости в году t и годом, отстоящим от него на k лет вперед, для 41 развитой страны

Источник: Расчеты автора на основе [Приложение Демоскоп Weekly 2018].

Зависимость от предшествующего развития наблюдается и в случае, когда в качестве показателя рождаемости используется среднее итоговое число рождений в когортах на одну женщину. Так, для 23 стран ОЭСР коэффициенты корреляции между средним числом рождений на 1 женщину в соответствующих когортах составили: для когорт 1950 и 1960 годов рождения 0,816; 1960 и 1970 годов рождения 0,898; 1950 и 1970 годов рождения 0,623. Все названные коэффициенты корреляции статистически значимы на уровне $\alpha=0,01$ ⁷.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ БЭБИ-БУМ

Рассмотрим теперь вышеприведенные данные в более широком контексте, включающем, наряду с политическими событиями и экономическими потрясениями, также и соревнование идей, лежавших в основе демографической и семейной политики государства. Данные идеи (их комплекс мы будем называть также семейной доктриной)

⁷ Расчеты автора на основе [Family Database 2018: data for Chart SF 2.1.B]. Заметим также, что преимущественное использование в нашем анализе СКР для условных поколений, а не когортных показателей, обусловлено тем, что последние значительно труднее привязать к определенным политическим событиям, поскольку каждая из когорт на протяжении своего жизненного пути проходила через многие из них.

можно разделить на два крупных класса. Идеи, относящиеся к первому из них, основываются на предположении о том, что семья способна обеспечить приемлемый для общества уровень замещения поколений и без достаточно щедрого государственного поощрения рождаемости. Подобная доктрина связывает помощь семье прежде всего с борьбой с бедностью и не считает необходимым уделять особое внимание материальному стимулированию рождаемости. Второй комплекс идей, альтернативный первому, состоит в том, что «просто» семейной политики, направленной на борьбу с бедностью, недостаточно и демографические цели общества могут быть достигнуты только при активном стимулировании рождаемости государством. В период послевоенного бэби-бума обе идеи нашли свое выражение в политической практике.

Динамика рождаемости в этот период была в немалой степени обусловлена комплексом факторов, хорошо описываемых теорией демографического перехода. Другим фактором, на который обычно обращают меньше внимания, были итоги Второй мировой войны. Опосредующим звеном влияния этих итогов выступала демографическая политика, вследствие которой Франция, в период между двумя мировыми войнами уступавшая по уровню рождаемости Германии и Италии, в послевоенный период вышла вперед.

В западном мире идейный контекст бэби-бума включал две противоположные семейные доктрины. Одна из них господствовала во Франции, другая – в ФРГ и Италии, а крайних формах – во франкистской Испании. Франция продолжала довоенную демографическую политику, характерными чертами которой был официально декларируемый пронатализм и щедрая помощь семьям с детьми. Генерал де Голль заявил в программной речи 2 марта 1945 г. о том, что «французское население не увеличивается, и Франция может превратиться в гаснущий великий светоч. Но и в этой области еще ничего не потеряно, если только мы хотим действовать. Нам нужно, чтобы в ближайшие десять лет на свет появилось 12 миллионов здоровых младенцев» [Де Голль 2004: 502-503].

Разгром фашизма во Второй мировой войне сделал проведение в ФРГ и Италии пронаталистской демографической политики невозможным, поскольку в нацистской идеологии поощрение рождаемости «истинных арийцев» было неразрывно связано с геноцидом других народов. В основе семейных доктрин Италии и ФРГ лежали теперь религиозно-консервативные принципы. Предполагалась, что «естественная семья», в которой отец является добытчиком и кормильцем, а мать – домохозяйкой и воспитательницей детей, вполне способна обеспечить достаточный уровень рождаемости и без щедрых пособий, подобных французским. Министр труда ФРГ полагал, например, что размеры французских пособий отбивают у отцов семейств желание работать [Niehus 1995: 311]. Если во Франции в 1957 г. появление третьего и последующих детей снижало (по сравнению с бездетной семейной парой) уровень жизни семьи лишь на 9%, то в ФРГ такое снижение составляло при рождении третьего ребенка 36%, четвертого – 39%, пятого – 43%, шестого – 46% [Niehus 1995: 311].

Семейная доктрина испанского франкизма была крайним проявлением религиозно-консервативных взглядов на семью. Труд женщин за пределами семьи трактовался как социальное зло, отвлекающее женщину от ее естественного предназначения – рождения и воспитания детей. До перехода франкизма к более либеральной экономической политике

трудовое законодательство узаконивало дискриминацию женщин в сфере занятости. Только в 1961 г. были отменены правовые акты, в соответствии с которыми женщины, вне зависимости от их желания, при вступлении в брак могли быть уволены с работы. Женщинам запрещалось занимать руководящие посты, замужним женщинам разрешалось работать по найму или заниматься коммерческой деятельностью только с согласия супруга [Nielfa Cristóbal 2003; Morago Garcia 2008: 247].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И РОЖДАЕМОСТЬ В 1970-Е И 1980-Е ГОДЫ

СССР и страны советского блока. Свойственная периоду послевоенного бэби-бума стабильность расположения стран по уровню рождаемости начала нарушаться уже в 1970-е годы. Пришедшийся на них перерыв постепенности был во многом обусловлен двойкой фрагментацией мира в ту эпоху: с одной стороны, на Запад и противостоящий ему советский блок, с другой – на ядро, полупериферию и периферию самого Запада. Противостояние Запада и советского блока, охватывало в тот период едва ли не все сферы общественной жизни. Активизация демографической политики в СССР и странах советского блока в немалой степени была вызвана этим противостоянием.

Т. Фрейка писал тогда в журнале, отнюдь не склонном к пропаганде достижений советского блока, о том, что «молодые люди в Чехословакии живут, вероятно, в условиях демографической политики в области рождаемости, являющейся наиболее широкой, всеохватывающей и затратоемкой в мире» [Frejka 1980: 89]. Как когда-то во Франции, проведение такой политики было в немалой степени следствием внешнеполитических факторов. Население стран, образывавших в то время «западный форпост» социализма, неизбежно сравнивало свой уровень жизни с уровнем жизни капиталистических соседей. Чтобы выжить в постоянном соревновании с географически и культурно близким Западом, правительства Венгрии, ГДР и Чехословакии должны были поддерживать достаточно высокие жизненные стандарты; демографическая политика была одним из методов решения этой задачи. Определенную роль играл, вероятно, и идеологический фактор: трактовка низкой рождаемости как свидетельства упадка всей социальной системы никогда полностью не исчезала с политико-демографической арены; она остается на ней и сейчас.

В результате мер демографической политики, принятых в 1970-1973 гг., СКР в Чехословакии вырос с 2,07 в 1970 г. до 2,46 в 1975 г., однако затем начал снижаться и к 1980 г. уже не превышал значений десятилетней давности. Сходный характер носила и динамика СКР в Венгрии и ГДР. Подобный характер динамики нередко трактуется как хрестоматийный пример эфемерности эффекта демографической политики. Однако, если рассматривать результаты демографической политики этих стран сквозь призму «соревнования двух систем», охватывавшего тогда все сферы общественной жизни, картина получается иной. Чехия, занимавшая в 1970 г. 39-е место по величине СКР среди 41 вышеперечисленной страны, к 1990 г. поднялась на 16-е место; Словакия с 16-го переместилась на 7-е, а Венгрия – с 36-го на 20-е.

Демографическая политика СССР в 1980-е годы определялась в основном теми же мотивами, что и в вышеназванных странах советского блока. Кроме того, в России с ее огромной территорией тезис о необходимости роста населения всегда (за исключением, может быть, короткого периода 1990-х годов) воспринимался и «низами», и «верхами» как нечто естественное и не в последнюю очередь обусловленное необходимостью защиты территории от внешних вторжений. СКР в России увеличивался в этот период быстрее, чем в развитых странах. Если в 1980 г. Россия занимала по этому показателю 28-е место среди вышеназванной 41 страны, то в 1985 г. – 13-е. В условиях постоянных информационных войн и «соревнования двух систем» это обстоятельство, вне зависимости от того, было ли оно в действительности связано с демографической политикой государства или нет, воспринималось как несомненное достижение⁸.

Демографическая политика СССР и стран, входивших в советский блок, была, таким образом, вполне адекватной той общественной системе, для которой создавалась, и тем политико-идеологическим задачам, которые решала. Резкое снижение рождаемости в 1990-е годы уже не имело отношения к этой политике и было вызвано трансформацией всей общественной, да и повседневной жизни.

Страны Запада. В период послевоенного бэби-бума влияние семейных доктрин на рождаемость в странах Западной и Южной Европы казалось несущественным. Однако, начиная с 1970-х годов это влияние стало проявляться все более явно. Различия между рангами 22 вышеназванных стран по величине СКР в 1975 и 1990 г. были разительными: статистический анализ свидетельствует о том, что оба ряда практически независимы друг от друга ($r=0,02$). Значительный вклад в это различие внесло опережающее снижение рождаемости в странах Южной Европы (Греции, Испании, Италии и Португалии), которые (за исключением, может быть, Италии) находились в тот период на полупериферии развитого мира. СКР в этих странах снизился соответственно на 0,94, 1,44, 0,84 и 1,19 пункта при среднем снижении по рассматриваемой совокупности 22 стран на 0,40 пункта. Испания, занимавшая в 1975 г. 3-е место по величине СКР среди названных стран, к 1990 г. переместилась на предпоследнее 21-е место, Италия – с 7-го на последнее 22-е.

Современная история рождаемости в странах Южной Европы имеет как свои особенности, так и общие черты. В Испании и Португалии быстрое снижение рождаемости было тесно связано с переходом от автаркии к тесной интеграции в западный мир и его составную часть – Европейский Союз. В Испании процесс осторожного сближения с западным блоком наблюдался уже в 1960-е годы; можно предположить, что этот же процесс исподволь создавал предпосылки и для последующего снижения рождаемости. Однако триггером такого снижения стала смерть в 1975 г. испанского диктатора Ф. Франко и последовавшее вслед за этим принятие в 1978 г. новой Конституции, узаконившей равенство полов (рисунок 3).

⁸ Отметим обычно не замечаемую демографами и статистиками параллель между СКР для условного поколения и индикаторами финансовых рынков. И те, и другие, независимо от того, что в действительности отражают и правильно ли интерпретируются пользователями, влияют на их поведение, а следовательно, и на политическую и экономическую жизнь.

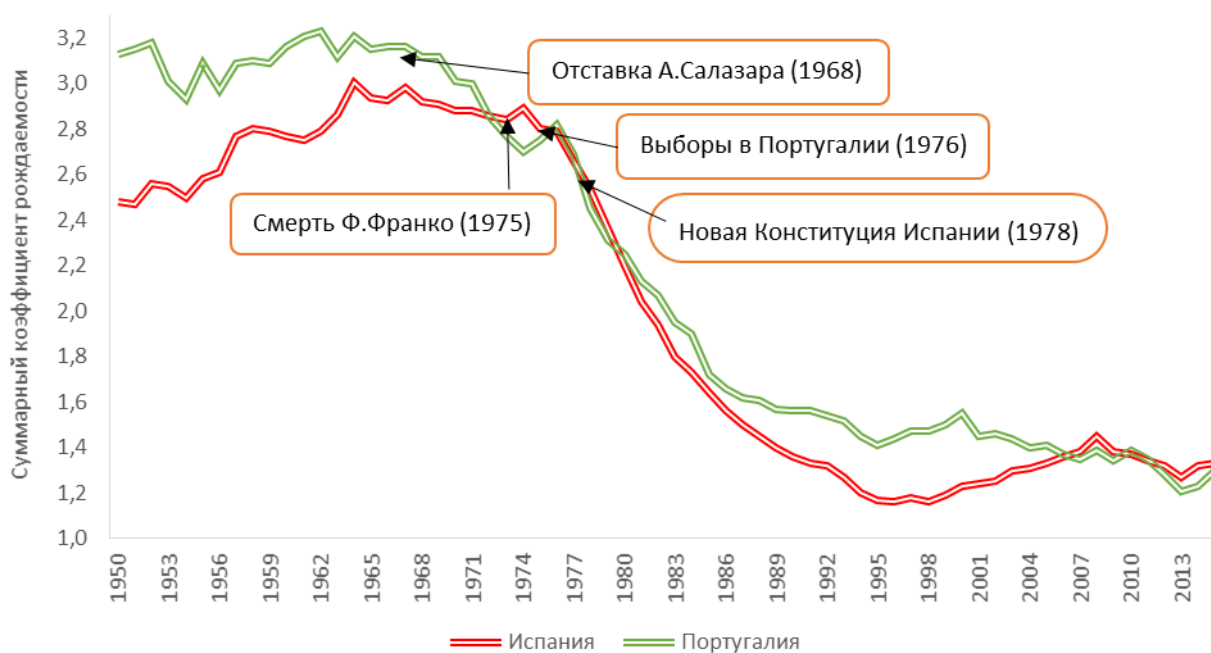

Рисунок 3. Суммарный коэффициент рождаемости в Испании и Португалии, 1950-2015

Следует также учитывать, что переход Испании к новой форме правления и интеграция этой страны в Европейский Союз происходили в условиях, когда «старой» семейной политики более не существовало, а новая существенно уступала большинству западноевропейских стран по масштабам оказываемой семьям помощи. Так, в Испании в 2001 г. расходы на семейную политику составляли 0,1%, тогда как во Франции – 2% [Meil Landwerlin 1995: 75]. В Португалии события развивались по сходному сценарию: и здесь быстрое снижение рождаемости началось вскоре после отставки А. Салазара (1968 г.), свержения диктатуры (1974 г.) и первых за полвека свободных парламентских выборов 1976 г. (рисунок 3). В целом же быстрое и глубокое снижение рождаемости в странах Пиренейского полуострова было, на наш взгляд, и «демографической ценой» отказа от обособленного развития и перехода на положение полупериферийной страны западного мира и в тоже время одним из многих свидетельств того, что модель семьи с отцом-кормильцем и матерью-домохозяйкой не может более обеспечить простое замещение поколений.

В Италии, напротив, резкий спад рождаемости не был связан с радикальной сменой способа политического правления, происшедшей в Испании и Португалии. Скорее, можно говорить о некоторых знаковых событиях политической жизни, свидетельствовавших об умонастроениях в стране. К их числу безусловно относится референдум 1974 г., на котором большинство (59,3%) итальянцев высказалось против отмены принятого незадолго до этого закона о либерализации порядка разводов, а также референдум 1981 г. – на нем 88,4% избирателей проголосовало против отмены закона о либерализации абортов.

Статистический анализ, проведенный Р. Риндфуссом и его соавторами [Rindfuss et al. 2003] для 22 стран ОЭСР⁹, показал, что обратная связь между уровнями занятости женщин и рождаемостью, наблюдавшаяся в 1970 г., к 1990 г. сменилась на прямую. В Швеции и Норвегии, для которых были характерны очень высокие уровни занятости женщин (в 1990 г. соответственно 81,0 и 67,2% женщин в возрасте 15-64 года), СКР (2,13 и 1,93 в том же году) был в 1990 г. близок к уровню замещения поколений, тогда как в Испании и Италии низким уровням женской занятости (соответственно 31,8 и 36,2%) соопустствовали очень низкие значения СКР (1,36 и 1,33) [LFS... 2018].

Тот факт, что уровень рождаемости в ФРГ был на протяжении всего послевоенного периода значительно ниже, чем во Франции, не привлекал к себе внимания до тех пор, пока рождаемость в обеих странах обеспечивала простое замещение родительского поколения поколением детей. Однако к середине 1970-х годов роль семейных доктрин стала очевидной: СКР Германии (1,48) в 1975 г. уже существенно отличался от Франции (1,93).

Существенный вклад в перерыв постепенности в рассматриваемый период внесли также Япония и, особенно, Южная Корея, переместившаяся с 1-го места по значению СКР среди названных 22 стран в 1975 г. на 14-е в 1990 г. Обе страны, озабоченные после окончания Второй мировой войны снижением, а не повышением рождаемости, попали в институциональную ловушку: противоречие между новыми экономическими реалиями и традиционными семейными институтами привело к тому, что женщины стали позднее вступать в брак и давать жизнь меньшему числу детей.

Свой вклад в перерыв постепенности, приходящийся на данный период, внесла и Швеция, где в 1986 г. была введена так называемая «премия за скорость», сделавшая для родителей экономически выгодным сокращение интервала между рожденьями [Andersson, Ноем, Duvander 2005]. К 1990 г. СКР в Швеции достиг 2,13. Если в 1975 г. Швеция разделяла 16-е и 17-е места по значению СКР среди 22 названных стран, то в 1990 г. была уже второй.

Подводя итоги сказанному, отметим, что изменение, происшедшее в рассмотренном периоде в расположении стран западного блока по уровню рождаемости, было результатом нескольких причин. Одной из них было падение испанской и португальской диктатур и последовавший вслед за этим переход от изоляции к интеграции в капиталистическую мир-систему «на правах» ее полупериферии. Демографической ценой этого перехода, не сопровождавшегося принятием новой и достаточно щедрой семейной политики, оказалось быстрое и глубокое снижение рождаемости.

Другой причиной стало то, что на европейском континенте идеальная с религиозно-консервативной точки зрения доктрина «естественной» семьи с добытчиком-отцом и домохозяйкой матерью неожиданно оказалась несовместимой с сохранением приемлемого

⁹ В нашем анализе в отличие от [Rindfuss et al. 2003] мы исключили из рассматриваемой совокупности 22 стран Люксембург и добавили к нему Республику Корею. В остальном рассматриваемые совокупности совпадают. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LFS_SEXAGE_I_R# (дата обращения: 05.05.2018).

уровня рождаемости. Подобный ход событий стал ярким примером непреднамеренных последствий политики: в Европе аутсайдерами рождаемости к концу рассматриваемого периода оказались именно те страны, где, в силу различных исторических причин, идеал консервативной семьи воплощался государством в жизнь наиболее последовательно. В странах, модернизировавших, подобно Швеции, свою семейную политику так, чтобы она соответствовала новым реалиям и поддерживала совмещение родительской и профессиональной функций женщин, рождаемость оказалось более высокой.

История рождаемости в США отличается в этом отношении от европейской. Консервативно настроенные белые американцы, в семьях которых трое-четверо детей – не редкость, составляют значительную часть американского населения. В [Lesthaeghe, Neidert 2009] на основе статистического анализа показано, что голосование за республиканскую партию США и неприятие ценностей, лежащих в основе второго демографического перехода, тесно связаны. Победы республиканцев на президентских выборах и выборах в конгресс в 2016 г. являются косвенным свидетельством того, что численность этой группы населения США по-прежнему очень значительна.

МИНУВШИЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Распад СССР и советского блока повлек за собой и новые, и весьма значительные изменения в расположении стран по уровню рождаемости. К 2000 г. это расположение существенно отличалось от 1990 г. – ранги стран, ранее входивших в СССР, советский блок или Югославию, резко понизились. Платой за интеграцию в мир-экономику, как и в случае Испании и Португалии, стало резкое снижение рождаемости. Опосредующими факторами, относительная значимость которых по сей день остается дискуссионной, стали резкое снижение уровня жизни, изменение жизненных планов молодежи, практическим выражением которых часто становилась ее эмиграция в страны ядра мир-системы, более позднее рождение детей, а также деградация демографической политики. Россия, занимавшая в 1990 г. 18-е место по величине СКР, к 2000 г. стала 39-й; Венгрия отступила с 20-го на 27-е место, Польша – с 10-го на 23-е место, Чехия – с 16-го на 40-е. В 2000 г. различия между средними значениями СКР для стран, проходивших социально-экономическую трансформацию (1,35), и остальными государствами рассматриваемой совокупности (1,61) были статистически значимы по *t*-критерию на уровне $\alpha < 0,001$.

Политическая и экономическая реструктуризация мира повлекла за собой и значительные изменения в характере зависимости между уровнем жизни и рождаемостью и в развитых странах. Если в 1950 г. в странах с развитой рыночной экономикой зависимость между среднедушевым ВВП(ППС) и СКР не наблюдалась ($r=0,07$), то к 1990 г. обозначилась уже достаточно явно ($r=0,425$, значим на уровне $\alpha=0,05$)¹⁰. При этом оказалось, что высокий среднедушевой доход является лишь необходимым, однако недостаточным условием относительно высокой рождаемости (таблица 1).

¹⁰ Расчеты автора на основе [Приложение Демоскоп Weekly 2018; Maddison 2010] в 1990г. для 22 вышеназванных стран, в 1950 г. для тех же стран без Южной Кореи.

Таблица 1. Распределение 22 стран с развитой рыночной экономикой по величине суммарного коэффициента рождаемости в 1990 г.

Страны со среднемушевым ВВП (ППС)	Число стран с величиной суммарного коэффициента рождаемости			Всего стран
	менее 1,5	1,5-1,8	1,8 и более	
Менее 17 тыс. долл.	6	3	2	11
17 тыс. долл. и более	-	7	4	11

Источники: Расчеты автора на основе [Приложение Демоскоп Weekly 2018; Maddison 2010].

После того, как ранее относительно обособленные от мировой экономики страны, входившие в СССР, советский военно-политический блок и Югославию, стали экономической периферией и полупериферией развитого мира, прямая зависимость между среднемушевым доходом и рождаемостью на некоторое время заметно усилилась. В 2000 г. в совокупности 38 стран¹¹ наблюдалась прямая ($r=0,59$) и статистически значимая на уровне $\alpha < 0,001$ связь между среднемушевым ВВП (ППС) и СКР (рисунок 4).

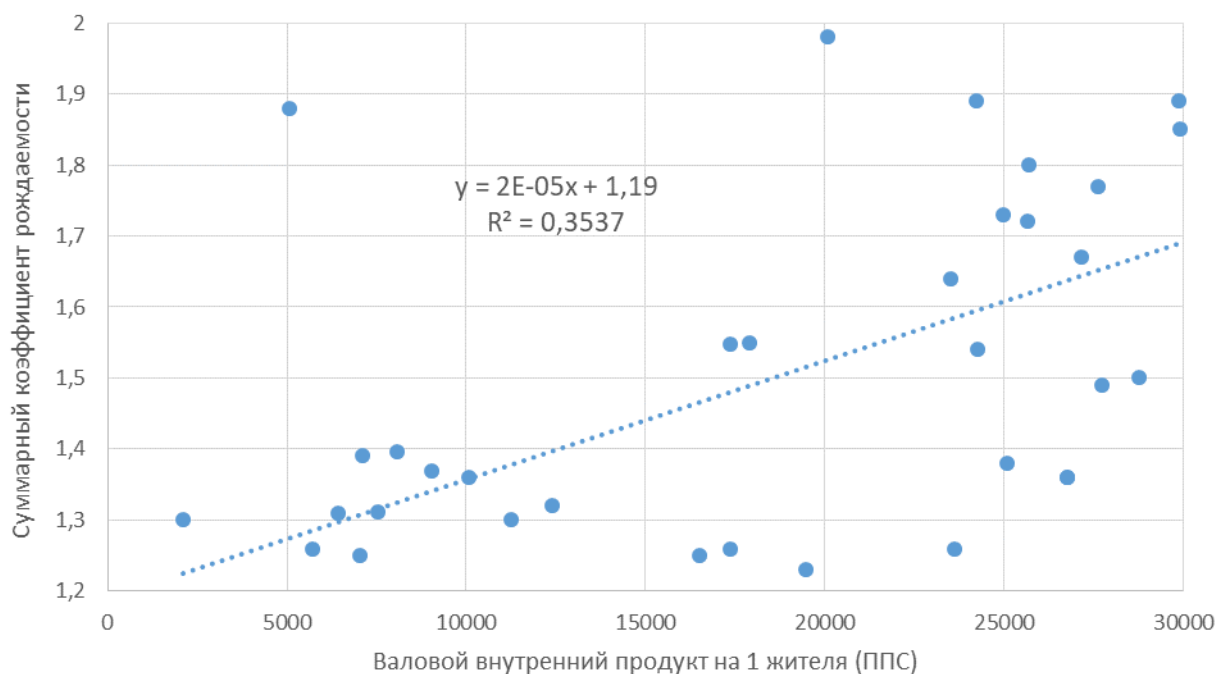

Рисунок 4. Валовой внутренний продукт и суммарный коэффициент рождаемости в 38 развитых странах, 2000 г.

Источники: [Приложение Демоскоп Weekly 2018; UNDP 2002: 149-152].

В 2015 г. связь между валовым национальным доходом (далее – ВНД) на 1 жителя и СКР для 41 рассматриваемой страны оставалось статистически существенной на 1%-ном уровне ($r=0,41$), хотя и не столь тесной, как полутора десятилетиями ранее. Как и в 2000 г., относительно высокий уровень рождаемости был доступен лишь странам, обеспечившим себе место в ядре мир-системы. Нахождение в таком ядре было, как и в 2000 г., хотя и

¹¹ Совокупность 41 стран, перечисленных выше, за вычетом Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории.

необходимым, но недостаточным условием достижения уровня рождаемости, близкого к простому замещению поколений (таблица 2).

Таблица 2. Распределение стран периферии, полупериферии и ядра развитого мира по величине суммарного коэффициента рождаемости в 2000 и 2015 гг., %

Год	Группа стран	ВВП(ППС) на 1 жителя*, тыс. долл.	Число стран	Распределение стран по величине СКР, %			
				менее 1,5	1,5-1,8	1,8 и более	итого
2000	Периферия	менее 10	11	90,9	-	9,1	100
	Полупериферия	10-20	9	77,8	22,2	-	100
	Ядро	20 и более	18	27,8	38,9	33,3	100
2015	Периферия	менее 20	9	33,3	66,7	-	100
	Полупериферия	20-35	16	56,3	37,5	6,3	100
	Ядро	35 и более	16	12,5	56,3	31,3	100

Примечание: * – в 2015 г. валовой национальный доход (ППС) на 1 жителя.

Источники: Расчеты автора на основе [Приложение Демоскоп Weekly 2018; UNDP 2002: 149-152; UNDP 2016: 198-201].

Следствием экономической и политической реструктуризации мира, происшедшей на рубеже 1980-х и 1990-х годов, стало формирование четырех аттракторов¹². Первый из них представляет собой институциональную ловушку, «притягивающую» периферийные страны при их интеграции в капиталистическую мир-систему. Жизненные потребности молодежи периферийных стран в этом случае формируются на основе сравнения с более развитыми соседями, а невозможность удовлетворения этих потребностей влечет за собой снижение рождаемости. Дополнительным фактором такого снижения оказывается эмиграция значительной части населения периферийных стран в страны полупериферии и ядра мир-системы. Подобная ситуация наблюдается, например, в Молдавии и на Украине.

Второй аттрактор представляет собой институциональную ловушку другого типа. Низкий уровень жизни уже не является в этом случае фактором снижения рождаемости, поскольку его основной причиной оказывается противоречие между быстро меняющимся устройством жизни за пределами семьи и более инертными нормами семейных отношений. Эта ловушка притягивает к себе наиболее развитые страны мира (примерами являются ФРГ и Япония). Третий аттрактор влечет к себе страны полупериферии, сочетая в некоторой пропорции свойства первого и второго аттракторов.

Четвертый аттрактор также обладает притягательной силой, но в отличие от первых трех, является не ловушкой, а идеалом. В его основе лежит представление о том, что щедрая демографическая или семейная политика, помогающая женщинам сочетать родительские и материнские роли, и более равномерное, чем в консервативной семье, разделение домашних обязанностей между супругами, способна обеспечить уровень рождаемости, обеспечивающий простое замещение поколений. «Материальной основой» этого идеала, позволяющей не считать его чисто умозрительной утопией, является современная демографическая ситуация в странах Северной Европы и Франции, где рождаемость

¹² Целесообразность заимствования этого понятия из синергетики понятия в нашем случае обусловлена тем, что оно определяет объект, притягивающий к себе другие объекты и являющийся их предельным состоянием.

подошла к отметке простого замещения поколений ближе, чем в других развитых европейских странах.

Современному относительно высокому уровню рождаемости во Франции, например, в немалой степени способствовала своевременная трансформация семейной политики [Toulemon, Pailhé, Rossier 2008]. Эта политика, первоначально ориентированная на модель семьи с одним кормильцем, была впоследствии преобразована таким образом, чтобы облегчить женщинам сочетание материнской и профессиональной ролей. Развитие ситуации в странах Северной Европы, по мнению ряда авторов, дает надежды на то, что «вторая половина гендерной революции», выражающаяся в более широком вовлечении мужчин в домашние дела, приведет к росту рождаемости [Goldscheider, Bernhardt, Larregård 2015: 229].

Аттракторы, образующие систему с четырьмя центрами притяжения, определяли и, как можно предположить, будут в ближайшем будущем определять динамику рождаемости в развитом мире. В 1990-е годы первый из этих аттракторов «затянул» в свою ловушку страны, трансформировавшие свою социально-экономическую систему; к их числу относилась и Россия. По мере улучшения экономической ситуации, большинству названных стран удалось выйти из гравитационного поля этого аттрактора. Ближе всего к нему из стран, входивших ранее в СССР, находятся Украина и Молдавия.

Вырвавшись из ловушки первого аттрактора, страны, прошедшие в конце прошлого века через трансформацию социально-экономического и политического устройства, тем не менее не достигли четвертого. Демографической целью большинства правительств в странах, относящихся к периферии и полупериферии развитого мира, является сегодня достижение уровня рождаемости, свойственного таким странам ядра мир-системы, как Франция или США. Реализации этой цели препятствует, однако, отсутствие достаточных ресурсов, обусловленное их периферийными или полупериферийным положением. Более того, риск снова вернуться к прежним, крайне низким уровням рождаемости остается вполне реальным. Выход из сложившейся ситуации правительства данной группы стран все чаще видят в перераспределении имеющихся ресурсов в пользу демографической или семейной политики.

Демографическая политика современной России является образцом подобной стратегии, однако сегодня она уже не является чем-то беспрецедентным – ее, независимо от геополитической ориентации, берут на вооружение и другие страны. К числу самых недавних примеров относятся Венгрия и Польша. В 2016 г. новое правительство Польши объявило о начале реализации программы «Семья 500+», ранее обещанной избирателям. Эта программа предусматривает назначение пособия в размере 500 польских злотых (отсюда и «500+» в названии) семьям с двумя и более детьми [Kulczyk 2016]. Венгрия объявила о том, что, начиная с 2018 г., при рождении второго ребенка семьям будет прощаться половина долга по образовательным кредитам, а при рождении третьего –

кредит целиком, будут введены новые налоговые льготы и оказана поддержка семьям, покупающим жилье в долг¹³.

Проблемы стран, попавших в поле притяжения второго и третьего аттракторов (типичными примерами являются соответственно ФРГ и Испания,) заключаются не только или не столько в нехватке ресурсов, сколько в инерции неформальных и формальных институтов, сформированных господствовавшими долгие годы семейными доктринами. К четвертому («идеальному») аттрактору более всего приблизились сегодня страны с высоким уровнем жизни. Достигнуть величины СКР, близкой к уровню простого замещения поколений, в XXI веке удалось, если речь идет о развитом мире, лишь странам с очень высоким среднедушевым доходом, к числу которых относятся Франция, Швеция, Ирландия, США и, с некоторыми оговорками, ряд других стран.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ряд методологов [Tilly, Goodin 2006] разделяют исследовательские стратегии, направленные на поиск общих законов и на поиск механизмов. Последние можно определить как цепочки, связывающие причины событий, сами события и их результаты. По выражению О.Ю. Малиновой, «механизм – это меньше, чем теория, но больше, чем описание, ибо может служить в качестве модели для объяснения других случаев» [Малинова 2013: 14]. Исследование механизмов тесно связано с диахроническими или, как их еще называют, «генетическими» объяснениями, цель которых – показать, каким образом последующие события произрастают из предыдущих.

Проведенный в данной работе анализ дает основание говорить о нескольких механизмах, связывающих политическую и демографическую историю. Один из них состоит в том, что пронаталистская демографическая политика в ряде случаев, хотя не всегда, возникает в качестве ответа на внешнюю угрозу. Цепочка причинно-следственных связей при этом порой оказывается очень длинной. Так, франко-прусская война 1870-1871 гг., оказав огромное влияние на французский политический класс, повлекла за собой возникновение французского пронатализма, который в свою очередь сыграл значительную роль в формировании демографической, а затем и современной семейной политики во Франции.

Другой механизм связывал интеграцию в капиталистическую мир-систему государств, которые ранее были от нее изолированы, со снижением в них рождаемости.

При всех очевидных различиях между странами, переходившими от более или менее выраженной автаркии к плотной интеграции в капиталистическую мир-систему, включение в нее во всех случаях оказывалось возможным только на положении полупериферии или периферии. Опосредующими звеньями между интеграцией и снижением рождаемости выступали в этом случае новые стандарты качества жизни и снижение барьерных функций границ. Противоречие между потребностями и возможностями разрешалось либо за счет

¹³ URL: <http://abouthungary.hu/blog/hungary-names-2018-the-year-of-the-family/> (дата обращения 04.08.2018).

отказа от рождения вторых и последующих детей, либо путем эмиграции населения репродуктивного возраста в страны ядра, что опять-таки снижало рождаемость.

Хотя период трансформационного шока сегодня остался позади, характер влияния миграции на рождаемость по-прежнему оказывается тесно связанным с расположением стран на центр-периферийной шкале. Страны ядра мир-системы оказываются наиболее привлекательными для иммигрантов, тогда как периферийные страны становятся миграционными донорами и теряют репродуктивные контингенты. Полупериферийные страны занимают в этом отношении промежуточное и неустойчивое положение. Ярким примером является Испания, в которой экономический и иммиграционный бум в начале XXI века сменился после начала кризиса 2008-2009 гг. оттоком квалифицированной молодежи в страны европейского ядра. Низкая рождаемость, наблюдаемая на периферии и полупериферии развитого мира, оказывается, таким образом, следствием «встроенных» в мир-систему структурных ограничений, делающих относительно высокую рождаемость привилегией, доступной только самым богатым странам. Вопрос о том, возможно ли преодоление этих ограничений с помощью перераспределения ресурсов полупериферийных и периферийных стран развитого мира в пользу семейной и демографической политики, остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Де Голль Ш. (2004). Военные мемуары. Т.3. Спасение 1944-1946. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига. 799 с.
- Демоскоп Weekly. Приложение (2018). Коэффициент суммарной рождаемости. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php> (дата обращения: 14.04.2018).
- Малинова О.Ю. (2013). Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: РАН ИНИОН. 421 с.
- Andersson G., J. A.-Z. Hoem, Duvander (2005). Social differentials in speed-premium effects in childbearing in Sweden // MPIDR working paper 2005-027. URL: www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2005-027.pdf (дата обращения: 05.05.2018).
- Goldscheider F., E. Bernhardt, T. Lappegård (2015). The gender revolution: a framework for understanding changing family and demographic behavior // *Population and Development Review*. 41 (2): 207–239.
- Family Database (2018). OECD. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm#TOP> (дата обращения: 30.04.2018).
- Frejka T. (1980). Fertility trends and policies: Czechoslovakia in the 1970s // *Population and Development Review*: 6(1) 65-93.
- Kulczyk M. (2016). Family rights and family policy in Poland. European Center for Law and Justice. URL: <http://media.aclj.org/pdf/Marcin-KULCZYK-Family-rights-and-family-policy-in-Poland.pdf> (дата обращения: 28.04.2018).
- Lesthaeghe R., L. Neidert (2009). Presidential elections and the spatial pattern of the American second demographic transition // *Population and Development Review*. 35(2): 391-400.

- LFS (2018). LFS by age and sex – indicators. OECD. URL:
https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LFS_SEXAGE_I_R# (дата обращения: 30.04.2018).
- Maddison A. (2010). Historical statistics of the world economy. URL:
www.ggdc.net/maddison/historical_statistics/horizontal-file_02-2010.xls (дата обращения: 28.04.2018).
- Meil Landwerlin G. (1995). Presente y futuro de la política familiar en España // *Reis. Revista española de investigaciones sociológicas*. 1(70): 67-90.
- Morago Garcia M. (2008). Notas sobre la situación jurídica De la mujer en el franquismo // *Feminismo/s*. 12: 229-252.
- Nielfa Cristóbal G., ed. (2003). *Mujeres y hombres en la España franquista: sociedad, economía, política, cultura*. Madrid. 303p.
- Niehus M. (1995). French and German family policy 1945-60 // *Contemporary European History*. 4(3): 293-313.
- Rindfuss R., K. Guzzo, S. Morgan (2003). The changing institutional context of low fertility // *Population Research and Policy Review*. 22 (5/6): 411-438.
- Tilly Ch., R. Goodin (2006). It depends // *The Oxford Handbook of Contextual political analysis* / Ch.Tilly, R.Goodin, eds. Oxford: Oxford University Press: 3–34.
- Toulemon L., A. Pailhé, C. Rossier (2008). France: high and stable fertility // *Demographic Research*. 19: 503-556. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/16> (дата обращения: 05.05.2018).
- UNDP (2002). *Human Development Report 2002. Deepening democracy in a fragmented world*. NY. 277 p.
- UNDP (2016). *Human Development Report 2016. Human Development for Everyone*. NY. 271 p.
- Van de Kaa D. (1996). Anchored narratives. The story and findings of half a century of research into the determinants of fertility // *Population Studies*. 50(3): 389-432.

RETHINKING THE CONTEMPORARY HISTORY OF FERTILITY: FAMILY, STATE, AND THE WORLD SYSTEM

MIKHAIL KLUPT

The paper highlights the drivers of contemporary fertility history in developed countries, “forgotten” by theory: fundamental changes in the world system after the Second World War and at the turn of the 1980s and the 1990s; competing ideas of the “right” family and family and demographic policy; centre-peripheral relations and their impact on the resource capabilities of such policy. Statistical analysis shows that the periods during which countries’ positions by total fertility rates remained stable were disrupted by intervals in which significant changes in these positions occurred. Twice, due to the Second World War and the disintegration of the Soviet bloc, such intervals coincided with fundamental shifts in the world system. In addition, such intervals occurred in Western countries at the turn of 1980s and 1990s, when the negative association between women’s participation in the labour force and fertility became positive, and then in the 2000s in Russia, countries of Eastern and Central Europe and the former Yugoslavia during fertility “recovery”. Contemporary fertility changes in the developed world are directed by “gravitational fields” of four attractors. Three of them are institutional traps created by low living standards, or contradictions between the “new” economy and “old” family relations, or, in some proportions, both. The fourth attractor is an ideal condition in which generous family policy and men’s participation in the home maintain fertility at the replacement level. Currently, France and Scandinavian countries come closest to this. The question of whether the developed semi-peripheral countries will be able to approach this condition, or, due to resource constraints, it will remain a privilege accessible only to the core countries, remains open.

Key words: fertility, demographic policy, family policy, centre-peripheral relations, world system.

MIKHAIL KLUPT (klupt.m@unecon.ru), St. PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS (UNECON), RUSSIA.

DATE RECEIVED: JULY 2018.

REFERENCES

- Andersson G., J. A.-Z. Hoem, Duvander (2005). Social differentials in speed-premium effects in childbearing in Sweden // MPIDR working paper 2005-027. URL: www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2005-027.pdf (accessed: 05.05.2018).
- De Gaulle Ch. (2004). Voennye memuary [War memoirs]. T.3. [Vol.3]. Spasenie 1944-1946 [Salvation 1944-1946]. Moscow: AST, Astrel', Tranzitkniga. 799 p.
- Demoscope Weekly. Prilozenie. [Demoscope Weekly Supplementary materials] (2018). Koeffitsient summarnoy rozhdzaamosti [Total fertility rate]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php> (accessed: 14.04.2018).
- Family Database (2018). OECD. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm#TOP> (accessed: 30.04.2018).
- Frejka T. (1980). Fertility trends and policies: Czechoslovakia in the 1970s // Population and Development Review: 6(1) 65-93.
- Goldscheider F., E. Bernhardt, T. Lappegård (2015). The gender revolution: a framework for understanding changing family and demographic behavior // Population and Development Review. 41 (2): 207–239.

- Kulczyk M. (2016). Family rights and family policy in Poland. European Center for Law and Justice. URL: <http://media.aclj.org/pdf/Marcin-KULCZYK-Family-rights-and-family-policy-in-Poland.pdf> (accessed: 28.04.2018).
- Lesthaeghe R., L. Neidert (2009). Presidential elections and the spatial pattern of the American second demographic transition // *Population and Development Review*. 35(2): 391-400.
- LFS (2018). LFS by age and sex – indicators. OECD. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LFS_SEXAGE_I_R# (accessed: 30.04.2018).
- Maddison A. (2010). Historical Statistics of the World Economy URL: www.ggdc.net/maddison/historical_statistics/horizontal-file_02-2010.xls (accessed: 28.04.2018).
- Malinova O.Yu. (2013). *Konstruivovanie smyslov: issledovanie simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii [Constructing Meanings: Study of Symbolic Politics in Modern Russia]* Moscow: RAN INION. 421 p.
- Meil Landwerlin G. (1995). Presente y futuro de la política familiar en España // *Reis. Revista española de investigaciones sociológicas*. 1(70): 67-90.
- Morago Garcia M. (2008). Notas sobre la situación jurídica De la mujer en el franquismo // *Feminismo/s*. 12: 229-252.
- Niehus M. (1995). French and German family policy 1945-60 // *Contemporary European History*. 4(3): 293-313.
- Nielfa Cristóbal G., ed. (2003). *Mujeres y hombres en la España franquista: sociedad, economía, política, cultura*. Madrid. 303p.
- Rindfuss R., K. Guzzo, S. Morgan (2003). The changing institutional context of low fertility // *Population Research and Policy Review*. 22 (5/6): 411-438.
- Tilly Ch., R. Goodin (2006). It depends // *The Oxford Handbook of Contextual political analysis* / Ch.Tilly, R.Goodin, eds. Oxford: Oxford University Press: 3–34.
- Toulemon L., A. Pailhé, C. Rossier (2008). France: High and stable fertility // *Demographic Research*. 19: 503-556. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/16> (accessed: 05.05.2018).
- UNDP (2002). *Human Development Report 2002. Deepening democracy in a fragmented world*. NY. 277 p.
- UNDP (2016). *Human Development Report 2016. Human Development for Everyone*. NY. 271 p.
- Van de Kaa D. (1996). Anchored narratives. The story and findings of half a century of research into the determinants of fertility // *Population Studies*. 50(3): 389-432.

ОТНОШЕНИЕ К МЕРАМ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ ПО ДАННЫМ МИКРОПЕРЕПИСИ 2015 г.

ОЛЬГА ИСУПОВА

Статья посвящена оценке возможного мотивирующего потенциала мер семейной политики, перечисленных в анкете Российской микропереписи 2015 г. (МКП-2015). В течение последних десятилетий рождаемость в России не обеспечивает уровня простого воспроизводства. Государство, начиная с 2005 г., выражает озабоченность как можно более эффективными мерами, с помощью которых можно было бы добиться роста рождаемости. Микроперепись среди прочих задач имела целью “тестирование” привлекательности для населения как уже существующих (федеральный и региональный семейные капиталы, выделение участка земли), так и на тот момент гипотетических (продление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до трех лет, гарантированное место в детском саду, пособие в размере прожиточного минимума на каждого ребенка, начиная с третьего, налоговые льготы, гибкий график/надомная работа, беспроцентная ссуда на покупку жилья) мер семейной политики с точки зрения решения родить еще одного ребенка.

Исследование различий восприятия предлагаемых мер по полу, возрасту, уровню образования, месту жительства, числу уже имеющихся и желаемых детей, а также по статусу занятости методами дескриптивной статистики (поскольку индивидуальных данных нет в прямом доступе на сайте МКП-2015) показало возможную кластеризацию женщин (отчасти и мужчин) на тех, кто настроен на только одного, двоих или троих детей. Меры, ориентированные на третьего ребенка, не интересны первой и второй группе респондентов. Наиболее популярной среди практически всех категорий оказалась беспроцентная ссуда на жилье. В целом позитивно воспринимаются меры патерналистского характера, наименее популярны надомная работа и налоговые льготы, возможно, потому, что первая ассоциируется с более низким заработком, а вторые интересны только при занятости в “белом” секторе экономики. Ориентация на троих детей прослеживается в основном у женщин с более низким уровнем образования и в сельской местности.

Ключевые слова: *Российская микроперепись 2015 г., аналитические ограничения, репродуктивные намерения, семейная политика, эффективность.*

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних десятилетий рождаемость в России не обеспечивает уровня простого воспроизводства. Поскольку с этим связан ряд не только демографических, но и экономических проблем (старение населения, увеличение демографической нагрузки людьми старшего возраста на работоспособное население, и др.), государство постоянно, начиная, как минимум, с 2005 г., выражает озабоченность ростом рождаемости и как можно более эффективными мерами, с помощью которых можно было бы этого добиться.

Ольга Генриховна Исупова (oisupova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г., проект «Долгосрочное демографическое развитие в свете результатов Всероссийской микропереписи населения 2015 г.».

Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

В 2006 г. была принята программа так называемого материнского (или семейного) капитала, согласно которой в связи с рождением второго или следующего по очередности ребенка (но для каждой женщины не более одного раза в жизни), семья получала сумму 250 тыс. руб. (впоследствии путем индексации доведенную до нынешних 415 тыс. руб.), которую можно было потратить только на улучшение жилищных условий, пенсию матери, образование одного из детей (в дальнейшем вариативность направлений использования была несколько увеличена, кроме того, почти во всех регионах были введены дополнительные аналогичные региональные программы, как правило, предусматривающие выплаты, только начиная с третьего ребенка и меньшие по объему – модальная величина их составляет 100 тыс. руб.).

Рождаемость (ее суммарный коэффициент – СКР) несколько выросла в отдельные годы, однако причины этого роста не все исследователи связывают с семейным капиталом (разные точки зрения на возможные причины увеличения рождаемости и роли среди них материнского капитала представлены, например, в работах [Захаров 2016а, b; Малева, Макаренцева, Третьякова 2017; Слонимчик, Юрко 2015]. Наиболее высоко оценивают роль маткапитала последние авторы, и все же прирост СКР, обусловленный этой политикой, составил, по их мнению, лишь 0,15. С.В. Захаров убежден, что в реальных поколениях роста рождаемости не будет. Малева, Макаренцева, Третьякова обращают внимание на утверждение большинства исследуемых женщин о том, что материнский капитал не повлиял или незначительно повлиял на их решение родить еще одного ребенка). В любом случае, поскольку в настоящее время рожать начинает малочисленное поколение 1990-х годов рождения, а также в связи с тем, что принятые ранее программы не привели к увеличению числа рождений первых детей, государство вновь выразило озабоченность возможными дополнительными мерами по увеличению рождаемости.

В связи с этим при проведении микропереписи 2015 г. (МКП-2015) в анкету для опроса были включены вопросы об оценке населением различных уже существующих и возможных будущих мер демографической политики.

Ответы на вопрос, содержащий в качестве альтернатив ответа перечень мер, включенных в анкету МКП-2015, которые могли бы повлиять на дополнительные рождения, уже проанализированы в Докладе Росстата об основных итогах этой переписи [Доклад.... 2016]. С точки зрения его авторов, наиболее популярными у респондентов остаются такие меры, как федеральный и региональный семейные капиталы. Однако в этом докладе анализ соответствующих ответов выполнен не в разбивке по всем возможным критериям, различающим респондентов между собой. Заполнить эту лауну и призвана настоящая статья. С нашей точки зрения, семьи неоднородны, репродуктивный выбор в различных типах семей происходит совершенно по-разному. Мы собираемся изучить, как влияет на оценку различных мер пол, возраст, уровень образования, место жительства и некоторые другие критерии.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку микроперепись 2015 г. состоялась относительно недавно, пока существует достаточно небольшой круг посвященных ей публикаций. Однако история исследований семейной политики почти столь же давняя, как и сама политика, и насчитывает больше столетия. Все оцениваемые МКП-2015 меры так или иначе, если не ровно в той же модификации, то в похожей, уже были где-то приняты или где-то обсуждались [Caldwell, Caldwell, McDonald 2002; Chesnais 1985; Ekert 1986; Gauthier 2002; Teitelbaum 2006; Исупова 2017].

Достаточно существенное денежное вознаграждение при рождении ребенка («бэби бонус») было, например, принято в Австралии с начала 2000-х годов, с первого марта 2014 г. эта мера была заменена на «Newborn Upfront Payment» и «Newborn Supplement» – состоящая из двух частей выплата, в сумме на первого ребенка 2000 долларов, на второго ребенка и последующих по 1000 долларов. Налоговые льготы семьям особенно развиты и особенно давно существуют во Франции [Gauthier 2002], но не только там, например, в Австралии¹. Ежемесячные пособия достаточного для жизни размера на детей разной очередности рождения также давно существуют в разных странах, но пионером и здесь была Франция [Gauthier 2002; Исупова 2016]. Беспроцентная ссуда на покупку жилья при соблюдении семьей определенных условий существовала в Германии в 1930-е годы, причем четверть ссуды «прощалась» семье при рождении каждого последующего ребенка, начиная с первого, соответственно, при рождении четвертого можно было ничего не выплачивать [Исупова 2017]. Гибкий график труда, совмещение должностей, работа неполный день особенно развиты в Нидерландах [Исупова 2016]. Надомная работа обсуждалась как мера для матерей в позднем СССР [Исупова 2017], но вопрос в том, что тогда не каждое предприятие могло обеспечить людей именно надомной работой, а в настоящее время матери в разных странах и так работают на дому, если у них это получается, но это не всегда их собственный выбор, скорее вынужденная мера². Аналогичные надомной работе проблемы возникают и при профессиональной переподготовке матерей: появляются сложности с соблюдением баланса семьи и работы/учебы в период интенсивного ухода за маленьким ребенком [Серегина 2012; Зеленкова, Чернова 2012]. Детские сады как мера поддержки работы обоих родителей особенно хорошо развиты в Скандинавии и во Франции [Тындик 2010].

В целом меры поддержки семей делятся на прямые выплаты, налоговые льготы и меры социальной поддержки семей [Gauthier 2002]. Считается, что приоритетная роль прямых денежных выплат характерна для патерналистской модели семейной политики (в которой вмешательство государства в поддержку семьи максимально), которая когда-то (в период между двумя мировыми войнами) существовала во Франции, Италии, Германии, а в позднем Советском Союзе вплоть до его распада, хотя в СССР прямые выплаты всегда сочетались с системой детских садов [Исупова 2017]. Главной сущностной особенностью

1 URL: <https://immigrant.today/article/9698-posobija-kak-avstralija-pomogaet-svoim.htm> (дата обращения: 06.07.2018).

2 URL: <https://www.miloserdie.ru/article/rabota-v-dekrete-ili-kak-prevratit-lyubimoe-delo-v-istochnik-dohoda/> (дата обращения: 06.07.2018).

патерналистской политики является то, что государство при этом в существенной мере берет на себя «отеческие» функции по отношению к детям и матерям. Семьи в результате привыкают в вопросах деторождения в существенной степени полагаться не на себя, а на государство [Зеленкова, Чернова 2012]. Государство также может стараться минимизировать свое участие или делать его выборочным, помогая только особо нуждающимся [Kaufmann 2002]. По известной классификации Г. Эспин-Андерсона, первое характерно, например, для средиземноморского режима семейной политики, второе — для либерального [Espín-Andersen 1990]. При этом скандинавский (социал-демократический) режим из его же классификации, ориентированный на гендерное равенство и существование как значительных пособий, так и развитой системы детских садов, можно считать лишь отчасти патерналистским (объем вмешательства государства велик), но основная ответственность за сам уход за детьми и их воспитание остается на родителях. Исследователи не имеют однозначного ответа на то, какая система семейной политики является лучшей для семей и влияет ли вообще семейная политика на деторождение, хотя попытки это понять предпринимались неоднократно (существуют, однако, исследования, показывающие, например, что Скандинавские страны и Франция демонстрируют большую эффективность государственных услуг семьям (таких, как детские сады) по сравнению с прямыми выплатами [Thevenon 2008]). Есть проблема, как квантифицировать сами меры политики, которые не всегда легко сопоставить друг с другом (экономическая поддержка, поддержка женской карьеры, отпуск по уходу за ребенком, различные услуги для семей с разной степенью ценовой, временной и территориальной доступности и др.), а также какие выбрать индикаторы успеха тех или иных мер. Многие авторы (например, [Gautier 2002; Зеленкова, Чернова 2012]) считают, что главное, чтобы семейная политика в стране предполагала реальные меры по улучшению уровня и качества жизни семей в отношении жилищных условий, дохода, доступных услуг в области образования, медицинского обслуживания и присмотра за детьми. Если во всех этих областях происходят заметные улучшения, связанные именно с наличием детей, рождаемость в любом случае растет, но немного. Столь же незначительно (или даже в еще меньшей степени) она растет и в результате прямых выплат. Например, эконометрическое моделирование О. Экерт [Ekert 1986] показало, что даже полная компенсация расходов на ребенка в течение всего периода его взросления увеличит коэффициент суммарной рождаемости лишь на 0,5. При этом на такую полную компенсацию не пойдет ни одно самое патерналистское государство. Таким образом, было выявлено, что эффект возможен, но не будет превышать сотые или максимум десятые доли коэффициента суммарной рождаемости, т.е. добиться увеличения рождаемости даже до уровня простого воспроизводства проблематично, скорее, может идти речь о том, чтобы повысить сверхнизкие показатели СКР менее 1,5 до «высоких» низких (СКР 1,7-1,8). К тому же получаемые в расчетах результаты в существенной степени зависели от применяемых расчетных методов [Кучмаева 2017].

Что же касается оценки эффективности недавних российских мер, например, принятых в 2006 г., многие работы показывают, что они повлияли скорее на тайминг рождений, чем на увеличение числа детей в семьях. Просто и без того запланированные дети появились на свет раньше [Андреев, Захаров 2017; Синявская, Бирюкова, Фаттахова 2015].

Тем не менее возможности дополнительного влияния на рождаемость в России с целью добиться ее роста продолжали обсуждаться. Довольно перспективными в последние годы считаются меры, связанные с возможностью для родителей работать по гибкому графику, что позволяло бы успешнее сочетать родительство и участие в рынке труда, к тому же уже понятна стала и острота жилищной проблемы именно в первые годы существования молодой семьи, а также актуальность для большинства родителей услуг по уходу за самыми маленькими детьми, позволяющих женщинам не покидать рынок труда в связи с материнством слишком надолго [Елизаров, Левина 2015]. Обсуждается также и дифференциация российской рождаемости по уровню образования, дохода, месту жительства родителей и потенциальных родителей [Елизаров, Левина 2015; Андреев, Захаров 2017; Синявская, Бирюкова, Фаттахова 2015]. На основе всех этих дискуссий и были выработаны наши основные гипотезы.

Во-первых, мы предполагаем, что для российских граждан в области политики по-прежнему характерен запрос на патернализм, понимаемый как предпочтение монетарных форм помощи (это может проявляться в предпочтении федерального и регионального маткапиталов, беспроцентной ссуды на жилье). Это связано еще и с тем, что средние зарплаты во многих регионах недостаточны для обеспечения действительных нужд семьи, особенно, если в ней несколько детей. Как раз за IV квартал 2015 г. правительством был установлен в среднем по России прожиточный минимум 9452 руб., на взрослого – 10187 руб., на пенсионера – 7787 руб. и на ребенка – 9197 руб. в месяц³. Среднемесячная зарплата при этом составляла 32439 руб. в месяц⁴ (по данным Росстата на октябрь 2015 г.). При одном работающем родителе (например, это только отец, а мать занимается воспитанием детей, или это одинокая мать) и наличии двоих детей средняя российская семья оказывается на уровне прожиточного минимума или ниже.

Во-вторых, предпочтение монетарной помощи будет в большей мере характерно для жителей сельской местности и с более низким уровнем образования. Для более молодых женщин с более высоким образованием будет более интересна сервисная помощь (место в детском саду), им будут мало интересны меры, направленные на третьих и более детей. В целом работающим, образованным и более молодым людям могут быть более интересны немонетарные меры политики, однако и они заинтересованы в выплатах в связи с невысоким уровнем доходов населения России.

Со времени проведения МКП-2015 прошло уже более двух лет. В декабре 2017 г. были разработаны и утверждены Госдумой меры по поддержке рождения первых детей в форме ежемесячного пособия нуждающимся семьям. Это одна из мер, обсуждавшихся в МКП-2015. Наш анализ позволит также показать, насколько популярной у респондентов была такая мера.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2016 г. №178 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за IV квартал 2015 г.».

⁴ URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t2.xlsx (дата обращения: 07.07.2018).

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ МКП-2015

Переписи России уже критиковалась с точки зрения методологии их проведения [Андреев 2012]. МКП-2015, с точки зрения автора, также несвободна от проблем в этом отношении. Вопросы 24 и 25 микропереписи 2015 г., непосредственно относящиеся к репродуктивным планам, задавались только людям в репродуктивном возрасте, т.е. женщинам 18-44 лет и мужчинам 18-59 лет. Вопрос 23 о том, сколько у человека рожденных детей, задавался только женщинам 15 лет и старше. Число детей у опрашиваемых мужчин, вероятно, определялось на основании опроса о родственных связях в домохозяйстве. Формулировка вопросов о желанных и планируемых детях учитывает уже имеющихся детей.

При анализе нами было обнаружено, что в выборочную совокупность попало 628,649 тыс. мужчин в возрасте 15-59 лет и 432,984 тыс. женщин в возрасте 15-44 года (соответственно 580,366 тыс. мужчин в возрасте 20-59 лет и 386,194 тыс. женщин в возрасте 20-44 года). В то же время, отвечая на вопрос 25, предполагающий оценку различных мер семейной политики и в целом условий для рождения дополнительных детей, каждую меру оценивали около 48-50 тысяч мужчин и примерно столько же женщин. То есть в общей сложности каждую альтернативу ответа на вопрос 25 оценивали примерно 100000 человек. На наш прямой запрос в Росстат для разъяснения этого несовпадения мы получили ответ, что вопрос о мерах семейной политики задавался только тем людям репродуктивного возраста, кто в вопросе 24 отметил желание иметь больше детей, чем то, которое они собираются иметь. Соответственно, на него не отвечали все те, кто собирается иметь детей вне зависимости от мер политики или вообще не собирается, хотя в реальности политика при ее принятии затронет и их. Более того, вопрос 25 («Если вы хотели бы иметь детей больше, чем собираетесь, то в какой степени рождению желаемого числа детей могли бы способствовать следующие условия...») сформулирован таким образом, что он кажется адресованным абсолютно всем, даже в большей мере тем, у кого такого желания пока нет, в случае, «если» оно вдруг появится. В целом вопрос сформулирован с большой степенью неопределенности, он как бы не о реальных намерениях и планах, а о какой-то гипотетической ситуации, которая описывается с помощью одного «если» и двух «бы». Таким образом, в данном случае при ответе на вопрос 25 мы имеем дело с ограниченной подвыборкой мужчин и женщин репродуктивного возраста, с одной стороны, выразивших желание иметь больше детей, чем у них уже есть и чем они собираются в принципе, но с другой – отвечающих на вопрос, который как бы предлагает им поставить такое свое желание под сомнение. А ведь мнение всех остальных при оценке предлагаемых мер семейной политики, как минимум, не менее интересно.

Как бы то ни было, мы имеем большое число ответивших на вопрос 25 (почти по 50 тыс. мужчин и женщин при оценке каждой альтернативы) и можем проанализировать распределения их ответов по различным другим показателям из перечня вопросов анкеты, отдавая, однако, себе отчет в вышеописанных ограничениях этой выборочной совокупности.

У нас есть возможность проанализировать оценку этими респондентами таких мер, как:

- возможность получения ежемесячного денежного пособия (предоставления оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет;
- возможность получения федерального материнского (семейного) капитала;
- возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе;
- возможность получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе;
- возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях;
- налоговые льготы работающим родителям;
- предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома;
- возможность иметь гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю, или дистанционно, на дому);
- возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет,
- возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы;
- а также таких условий, как
 - изменение личных обстоятельств;
 - повышение жизненного уровня семьи.

Именно таковы формулировки альтернатив ответа в вопросе 25. Все эти варианты оцениваются по 5-балльной шкале, в дальнейшем при анализе мы используем сопоставление средних баллов, выбранных для оценки этих мер различными категориями респондентов.

Можно видеть, что описание конкретных мер семейной политики в данном случае смешано с такими неопределенными и не измеряемыми однозначно условиями, как «личные обстоятельства» (как может повлиять на рождение ребенка изменение личных обстоятельств и каких именно? Даже если принять, что тут точно имеется в виду только брачность и ее изменения, одинаково заданный вопрос для не состоящих в браке может означать, что им надо вступить в брак для рождения ребенка, а для состоящих в браке — развестись? Улучшить отношения с партнером? Выйти замуж за другого? Остается только догадываться...) и повышение уровня жизни в связи с любыми событиями, частью которых, в общем-то, могут стать и выплаты в контексте семейной политики.

В связи с такой повышенной логической неопределенностью мы решили исключить эти условия из дальнейшего анализа, поскольку результаты нельзя будет однозначно интерпретировать.

Мы также исключили из анализа альтернативу о профессиональной переподготовке, так как опубликованные Росстатом таблицы позволяют увидеть, что она оценивается респондентами наиболее низко, что соответствует известным из литературы [Серегина

2012: 26-35] проблемам, возникающим для родителей при попытках распределить время на уход за ребенком и получение образования в любой форме, в особенности при ограниченных семейных ресурсах (например, когда ребенка не с кем оставить, чтобы посещать курсы, требуются деньги на проезд до места образовательной деятельности, неочевидна экономическая польза новой профессии в дальнейшей жизни матери и др.).

Итак, дальнейшее представляет собой анализ оценки респондентами девяти оставшихся социально-политических альтернатив.

Ограничения и некие логические несоответствия возникают и здесь, и при интерпретации нам необходимо принять их во внимание.

Мы должны осознавать, что участникам исследования в одном и том же списке предлагается оценить как уже существующие меры, такие как федеральный и региональный семейный капитал, ежемесячное пособие на третьего ребенка и последующих детей до трех лет в размере прожиточного минимума, существующее в большинстве регионов, предоставление земельного участка при рождении третьего ребенка, так и меры, которые только обсуждаются – продление оплачиваемой части отпуска по уходу за ребенком до трех лет, налоговые льготы, гибкий график/дистанционная работа, а также гарантированное место в детском саду/яслях (его наличия для каждого ребенка страны не так просто в реальности добиться).

Кроме того, когда вопросы о семейном капитале (федеральном и региональном) задаются людям, уже имеющим двоих-троих детей и уже приобретшим право на эти выплаты, не очень понятно, как они понимают соответствующий вопрос, ведь речь идет об их следующем ребенке (и нельзя исключить, что им представляется, что у них может появиться возможность получить такой капитал еще раз).

Тем не менее выбранные нами 9 семейно-политических альтернатив (федеральный материнский (семейный) капитал; региональный материнский (семейный) капитал; ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка в размере регионального детского прожиточного минимума; беспрепятственное получение места для ребенка в детском саду, яслях; налоговые льготы работающим родителям; предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома; гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю, или дистанционно, на дому); получение беспроцентной ссуды на покупку жилья площадью в размере социальной нормы при рождении второго или последующего ребенка), на наш взгляд, можно подвергнуть осмысленному анализу. Ниже мы представляем его результаты.

АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕДЛАГАЕМЫХ МЕР СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ, ЖЕЛАЮЩИМИ ИМЕТЬ БОЛЬШЕ ДЕТЕЙ, ЧЕМ ПЛАНИРУЮТ

Различия в восприятии мер семейной политики в зависимости от трудового статуса

Рассмотрим сначала восприятие женщинами различных вариантов из списка предлагаемых мер в зависимости от уровня их образования и трудового статуса. В отличие от мужских оценок, данные микропереписи дают возможность увидеть различия в оценках женщинами мер политики в зависимости от числа рожденных ими детей. Это важно, так как образ жизни матерей с разным числом детей может существенно различаться, еще менее он будет похож на образ жизни бездетных женщин.

Первое направление аналитического разделения – наличие трудовой деятельности (рисунки 1, 2). Наиболее низко и работающие, и неработающие женщины оценивают гибкий график работы, включая дистанционную работу на дому. Можно предположить, что это связано с трудностями при попытках сочетать работу и домашние дела в одном и том же месте и сомнениями в том, что получится выполнить и то, и другое качественно, при этом избежав перенапряжения и самоэксплуатации. Кроме того, низкая оценка такой меры, видимо, связана и с ожиданиями, что при этом и заработок будет меньше, чем при работе в течение полного дня. Интересно, что работающие женщины с разным количеством детей оценивают гибкий график несколько ниже, чем неработающие. Возможно, это связано с тем, что у них есть соответствующий опыт.

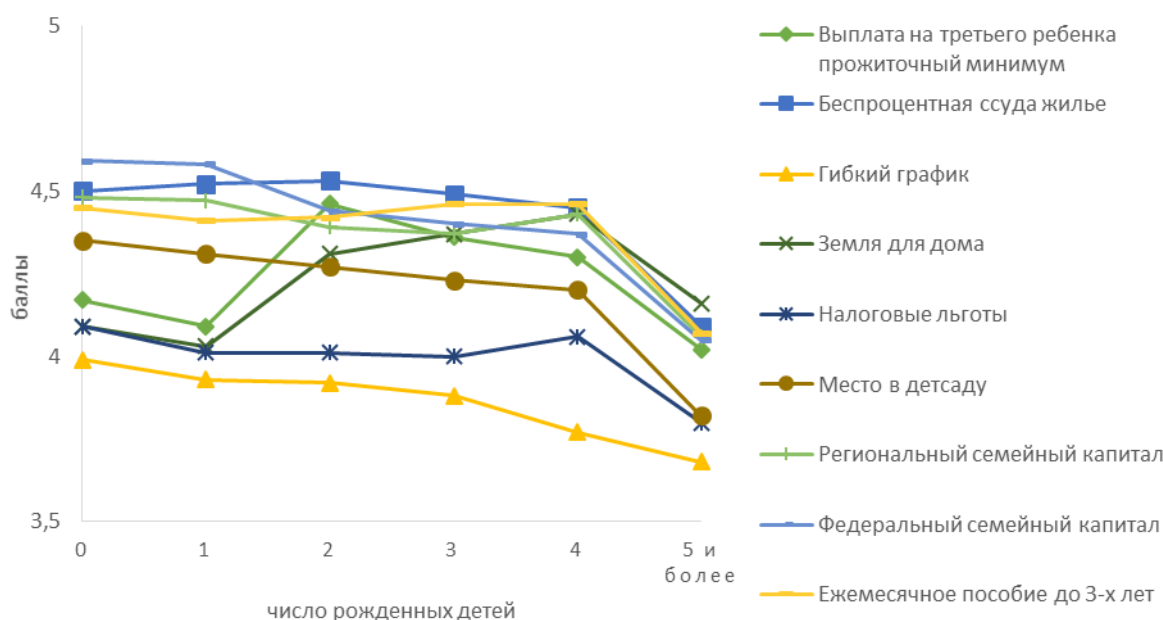

Рисунок 1. Оценка значимости мер поддержки семьи для экономически активных женщин в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Наиболее высоко оценивается федеральный семейный капитал вне зависимости от наличия у женщины трудовой деятельности, причем его оценка падает у матерей двоих и более детей (вероятно, они все-таки не верят, что смогут получить его еще раз). Региональный капитал оценивается немного ниже, а динамика оценок очень похожа.

У матерей двоих и троих детей в обеих изучаемых совокупностях лидирует оценка возможности получения беспроцентной ссуды на жилье, что может быть связано с остротой не только жилищного, но и ипотечного вопроса, с возможностью получения суммы, необходимой для приобретения семейного жилья приемлемого качества и приемлемой величины без многолетнего ожидания.

Резко увеличивается значимость выплат на третьего ребенка (и у работающих, и у неработающих) в размере прожиточного минимума у матерей двоих детей. Теми, у кого пока нет детей или есть только один ребенок, эта мера оценивается невысоко, что может иметь разные причины: как то, что эта мера пока к ним не относится, так и то, что они в принципе не собираются иметь более двоих детей. Это может свидетельствовать о по-прежнему существующей силе нормы, согласно которой лучше не иметь более двоих детей, как минимум у существенной части населения. О сохранении этой нормы (среднего желаемого числа детей чуть выше двух при незначительных колебаниях), впервые выявленной еще в советское время и затем неоднократно подтверждавшейся различными исследованиями [Варламова, Носкова, Седова 2006] свидетельствует и сам Доклад о МКП-2015 [Доклад... 2016: 10-11]. Аналогична динамика оценок получения земли под строительство дома, хотя они и несколько ниже по абсолютной величине, — характерен рост среднего балла ко второму ребенку и далее. Причем наиболее выражен этот рост у неработающих, возможно, в целом более ориентированных на дом и хозяйство и/или более часто являющихся сельскими жителями.

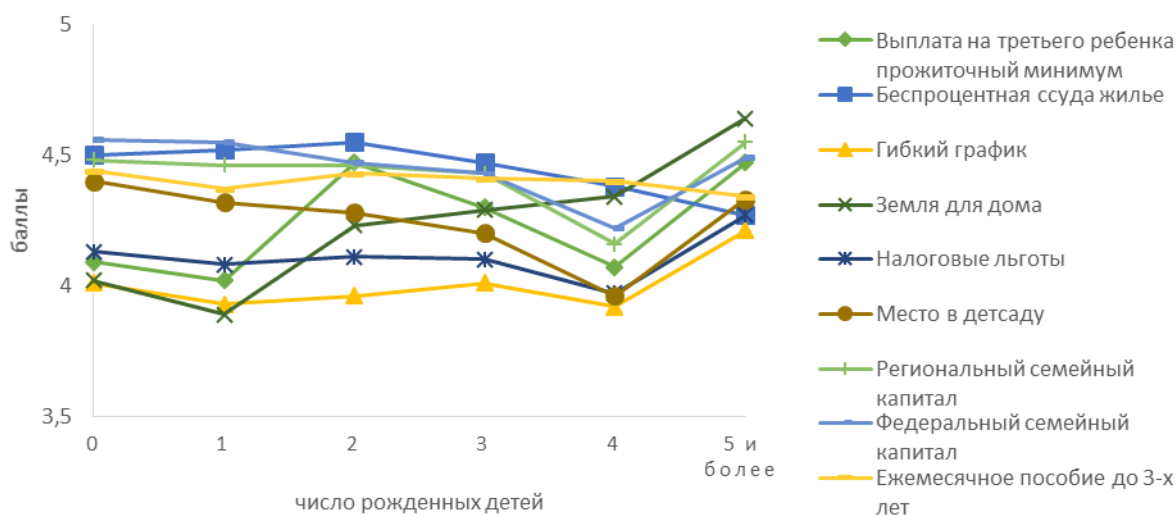

Рисунок 2. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин, не занятых трудовой деятельностью, в зависимости от числа рожденных детей, микрореперисы 2015 г., средний балл

Значимость места в детском саду медленно, но очевидно падает с ростом числа детей у женщины, особенно заметно к четвертому ребенку у неработающих, но она весьма велика

у пока бездетных и, вероятно, является важным триггером при решении о рождении именно первого ребенка, так как может способствовать иллюзии, что в образе жизни женщины при его или ее рождении мало что изменится.

Довольно низко обеими категориями при любом числе детей оценивается такая мера, как налоговые льготы. Возможно, это связано с тем, что значительная часть населения продолжает работать в сером секторе экономики, для которого такая мера не очень важна. С другой стороны, эта мера людям может быть просто непонятна в отличие от прямых выплат, предполагаемых другими вариантами.

Ежемесячное пособие на ребенка до трех лет (продление оплачиваемого отпуска по уходу за ним до этого момента) выходит на практически лидирующие позиции к тому моменту, когда у матери появляется четверо детей, особенно явно у неработающих, хотя оценивается достаточно высоко и теми, у кого детей меньше или даже нет совсем. Возможно, это связано с более низким уровнем жизни семей с относительно большим количеством детей, а также с тем, что остальные «денежные» меры к этому моменту уже «освоены».

Различия в оценках предлагаемых мер семейной политики в зависимости от уровня образования

Следующее направление анализа — различия между оценками предлагаемых мер женщинами с различным числом рожденных детей в зависимости от их уровня образования (рисунки 3-8).

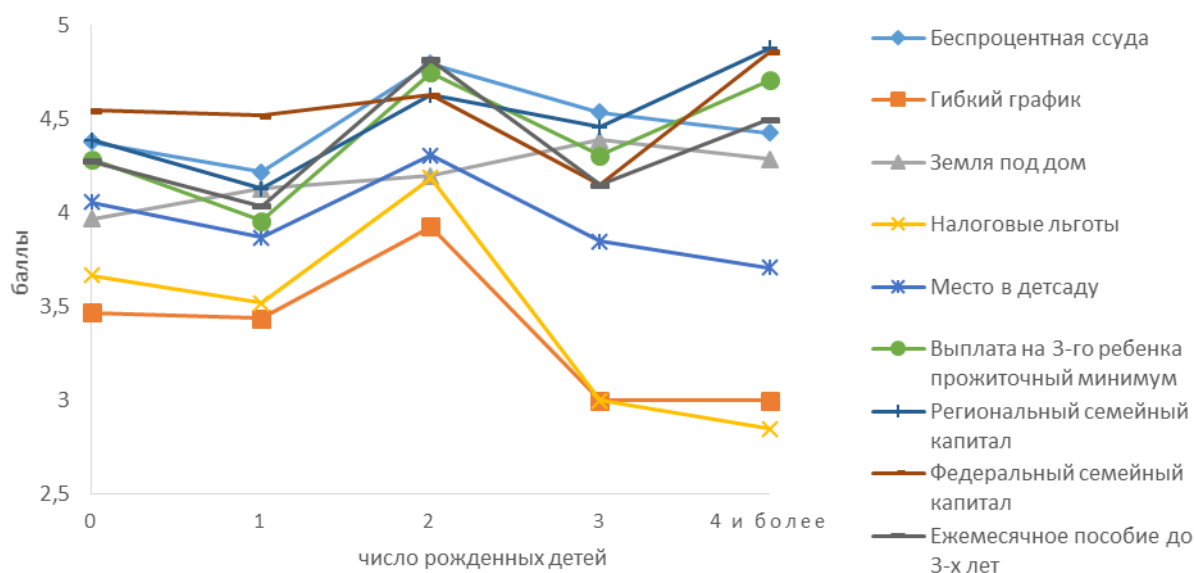

Рисунок 3. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин с начальным образованием в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Для женщин с начальным и основным общим образованием (9 классов средней школы и менее) характерна низкая оценка гибкого графика работы, особенно при наличии троих и более детей. Не исключено, что это связано именно с их негативным жизненным

опытом в этой области – работа по гибкому графику может быть вынужденной и ассоциироваться с частичной безработицей.

Федеральный и региональный капиталы оцениваются в этих образовательных категориях наиболее высоко бездетными и одноплетными женщинами, к четвертому ребенку оценка значимости опять растет, нельзя исключить, что в связи с тем, что женщины надеются получить эти выплаты еще раз.

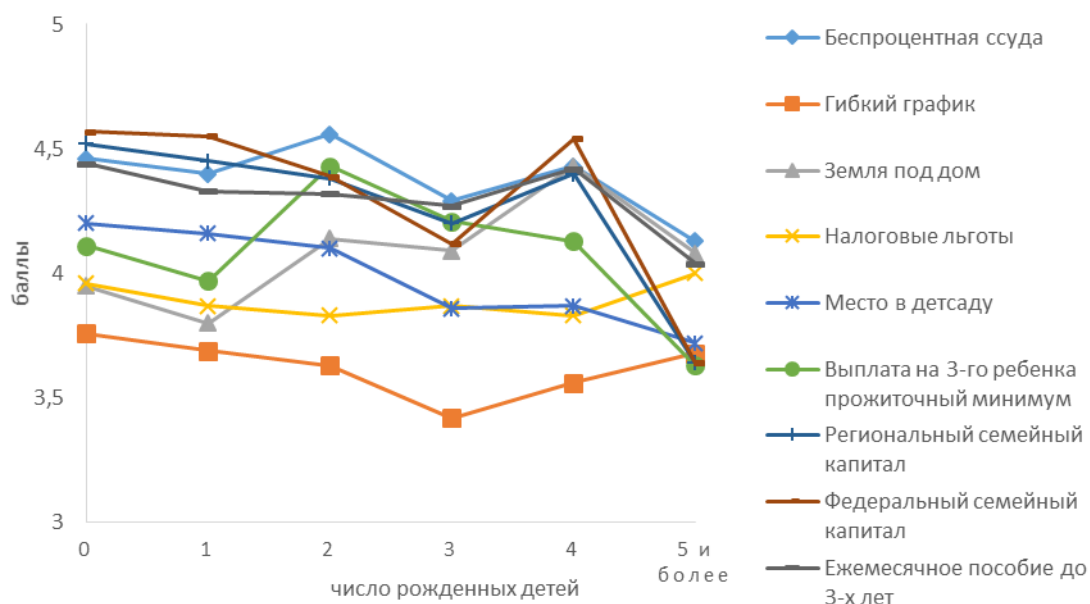

Рисунок 4. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин с основным общим образованием в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Интересны в этих образовательных категориях группы матерей двоих и троих детей. Ко второму ребенку заметно вырастают значение беспроцентной ссуды и ежемесячной выплаты в размере прожиточного минимума, для женщин с начальным образованием – еще и продленного оплачиваемого отпуска по уходу, с основным общим образованием – земли под строительство дома. К третьему ребенку значение всех выплат падает, что может означать, что для этой образовательной группы нормативным (или иным, но не измеряемым в категориях предлагаемых к оценке мер) барьером является рождение не третьего, а четвертого ребенка. Место в детском саду имеет для этих двух образовательных категорий женщин примерно так же мало значения, как налоговые льготы, но все же опережает по значимости гибкий график.

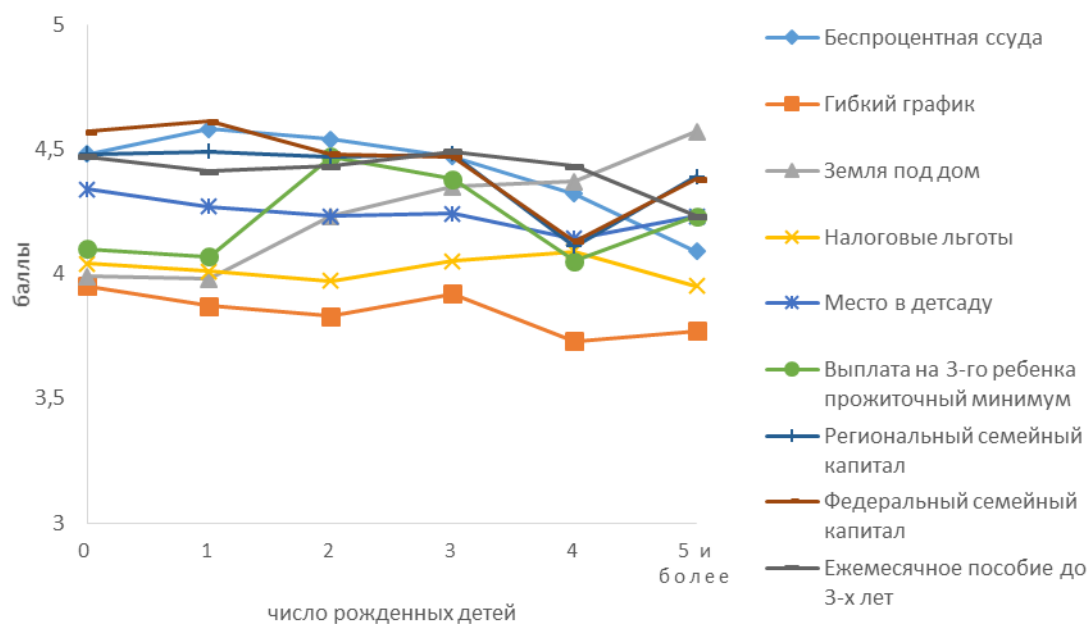

Рисунок 5. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин со средним общим образованием в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015 г., средний балл

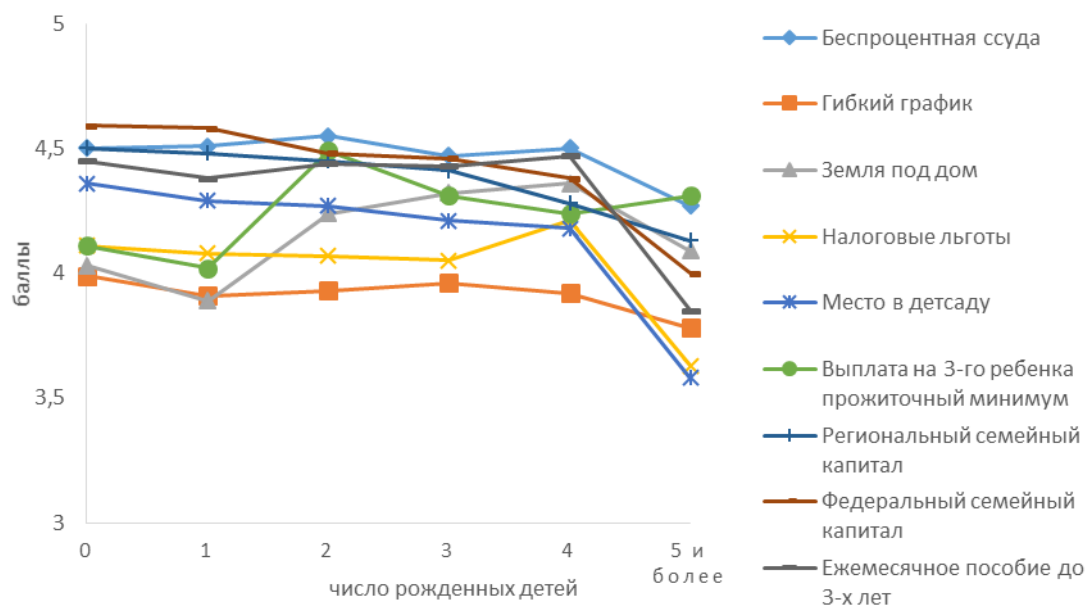

Рисунок 6. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин со средним профессиональным образованием в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Женщины со средним общим (законченная средняя школа) и средним профессиональным образованием также наиболее высоко оценивают федеральный семейный капитал, пока у них нет детей или 1 ребенок, и наиболее низко – гибкий график работы, причем несколько ниже в ситуации, когда у них более троих детей, видимо, потому, что это физически трудно, а экономически не всегда оправдано. Ко второму уже

рожденному ребенку особенно заметно растет в обеих категориях значение ежемесячных выплат на третьего в размере прожиточного минимума и тоже довольно заметно – выделения земли под строительство дома. Лидирует, однако, у матерей двоих и троих детей как в этих, так и в двух категориях с более низким уровнем образования, беспроцентная ссуда на приобретение жилья по социальной норме, видимо, более непосредственно адресованная к одной из наиболее острых проблем семей (жилищной), чем семейный капитал.

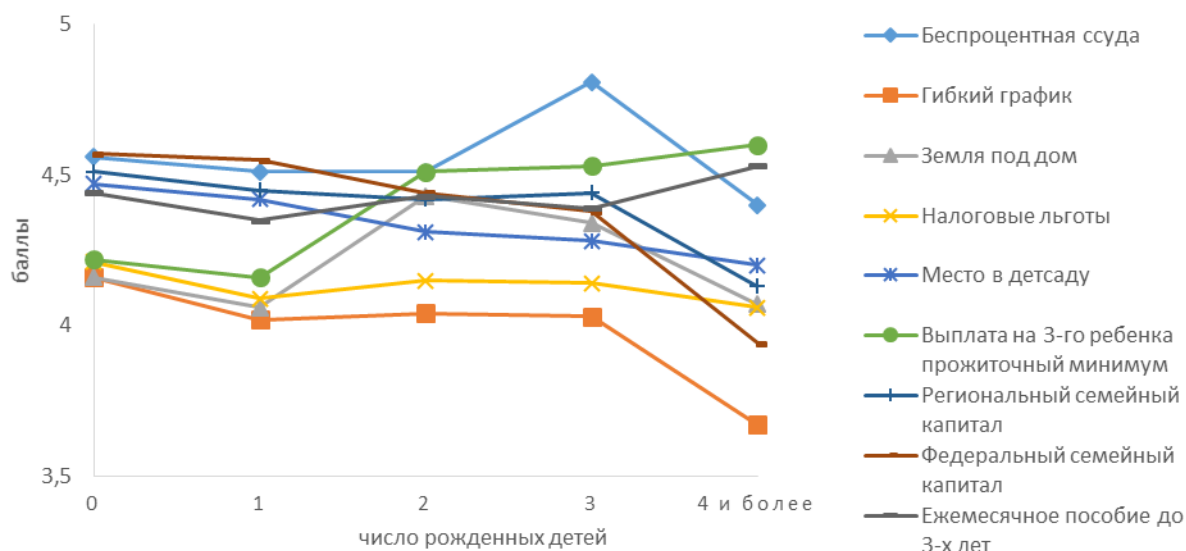

Рисунок 7. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин с незаконченным высшим образованием в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015, г., средний балл

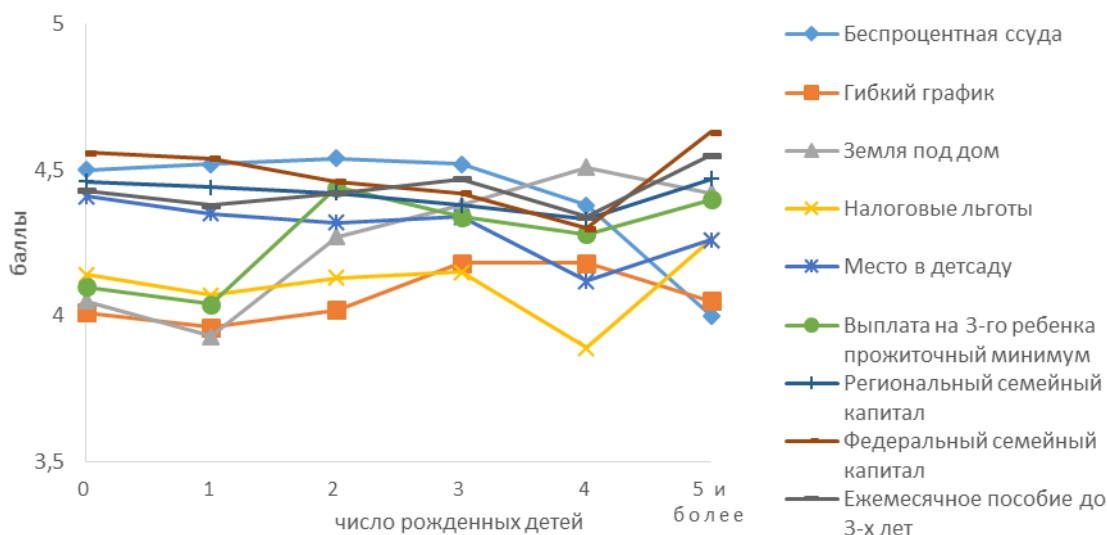

Рисунок 8. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин с высшим образованием в зависимости от числа рожденных детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Гибкий график и налоговые льготы по-прежнему наименее важны, а вот значение места в детском саду уже гораздо выше, чем у менее образованных категорий, но медленно падает с увеличением числа детей у женщины. Продление отпуска по уходу с ежемесячными выплатами – в ряду наиболее важных мер, и начинает лидировать на четвертом ребенке, особенно заметно при среднем общем образовании.

Среди женщин с незаконченным высшим и высшим образованием беспроцентная ссуда на приобретение жилья лидирует еще более заметно все в тех же категориях матерей двоих и троих детей. При законченном высшем образовании и наличии четверых детей на первое место выходит земля под строительство дома. Вообще четверо детей и высшее образование – это довольно интересная, особенная категория, здесь оказываются наименее важны налоговые льготы, даже менее, чем гибкий график и место в детском саду. Складывается образ женщины, осознанно выбравшей «традиционную» жизнь, где дети и дом – ее место в жизни, а работа и все касающиеся ее соображения – прерогатива мужа. При этом хочется именно иметь дом, а не квартиру по беспроцентной ссуде.

Выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума продолжают иметь большое значение для женщин с незаконченным высшим образованием при наличии у них более одного ребенка, у женщин с высшим образованием их значение также резко возрастает при переходе от одного ребенка к двоим (как и значение земли под дом: при этом же переходе оно возрастает у обеих категорий).

Заметно падение при переходе от 0 детей к одному ребенку в обеих высших образовательных категориях значения гибкого графика, земли под дом, выплат на третьего ребенка в размере прожиточного минимума и налоговых льгот, при высшем образовании – также места в детском саду, хотя оно остается важным, при незаконченном высшем – продленного оплачиваемого отпуска по уходу. Все это может свидетельствовать о существовании именно при этих уровнях образования группы женщин, которые все-таки рассматривают как норму именно для «таких, как я» наличие только одного ребенка, хотя их репродуктивные желания могут быть и выше.

При принятии решения о рождении первого ребенка в этих двух группах женщин место в детском саду очевидно входит в группу лидеров, наряду с федеральным семейным капиталом, беспроцентной ссудой на жилье, продлением оплачиваемого отпуска по уходу до трех лет и региональным семейным капиталом. То есть, вероятно, женщины с максимальным человеческим капиталом хотели бы иметь выбор между длительным отпуском, проводимым с ребенком, и ранним выходом на работу при том, чтобы и то, и другое поддерживалось государством.

Различия в оценках мер семейной политики мужчинами в зависимости от уровня образования и трудового статуса

В отличие от информации о женщинах микроперепись 2015 г. не дает очевидного распределения мужчин репродуктивного возраста по числу воспитываемых ими детей, поэтому оценка значимости мер политики для мужчин была произведена только в зависимости от уровня их образования и трудового статуса (рисунки 9, 10).

Можно видеть, что федеральный семейный капитал лидирует только у мужчин с основным общим образованием (9 классов). Для мужчин с начальным образованием все-таки важнее беспроцентная ссуда на приобретение жилья, как и для всех уровней образования выше 9 классов. Федеральный семейный капитал занимает в «рейтинге» всех групп мужчин, кроме окончивших 9 классов, второе место, за ним следует региональный семейный капитал. Следующая по важности мера для мужчин с незаконченным высшим и высшим образованием – место в детском саду, для остальных – продленный оплачиваемый отпуск по уходу до трех лет (у мужчин со средним профессиональным образованием эти две меры находятся на одном уровне). Земля под строительство дома имеет высокое значение для таких весьма разных категорий, как мужчины с начальным и с незаконченным высшим образованием. Налоговые льготы и выплата пособия в размере прожиточного минимума на третьего ребенка – следующие по значимости, причем для мужчин с начальным образованием налоговые льготы важны в гораздо меньшей степени, видимо, потому, что эти мужчины сравнительно чаще заняты в сером секторе экономики. Для мужчин с более высоким уровнем образования налоговые льготы несколько важнее (и важнее, чем для большинства женщин), возможно, потому, что именно они чаще работают официально и разбираются в вопросе. Традиционно низшую позицию занимает гибкий график, в данном случае почти наверняка потому, что он минимизирует и заработок. Вообще в целом значимость всех мер по неочевидным для автора причинам сравнительно важнее для мужчин с незаконченным высшим образованием.

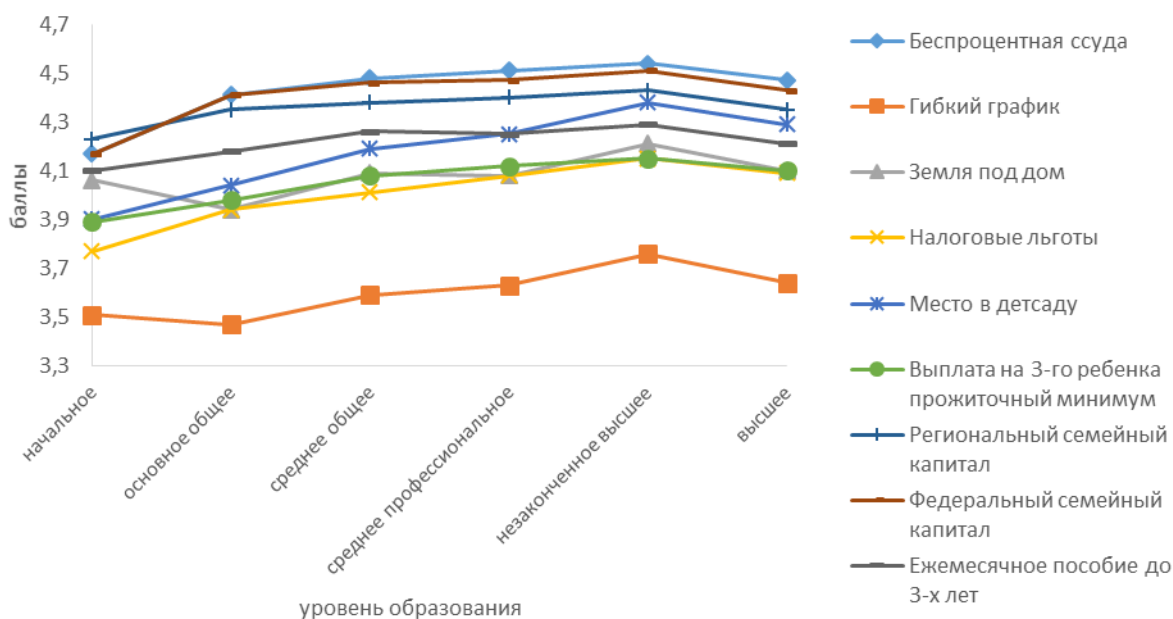

Рисунок 9. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами с различным уровнем образования, микрорепеись 2015 г., средний балл

Для мужчин, у которых отсутствует формальная трудовая деятельность, почти все меры семейной поддержки, за исключением продленного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, важнее, чем для тех, кто работает официально (возможно, потому, что они не вполне уверены в своей способности прокормить столь длительно неработающую женщину, пусть и получающую небольшое пособие). Земля под строительство дома

одинаково важна для обеих категорий по трудовому статусу. При этом различия в оценках между двумя категориями очень невелики, лидирует беспроцентная ссуда на покупку жилья (заметно важнее для формально неработающих), за ней следуют федеральный маткапитал, региональный семейный капитал и место в детском саду (опять существенно важнее для формально неработающих). Несколько менее важны налоговые льготы (для неработающих особенно, то есть это, возможно, могло бы побудить кого-то «выйти из тени»), ежемесячная выплата на третьего ребенка и земля под строительство дома. Наименее важен, с большим отрывом, гибкий график, почти одинаково для обеих сравниваемых категорий.

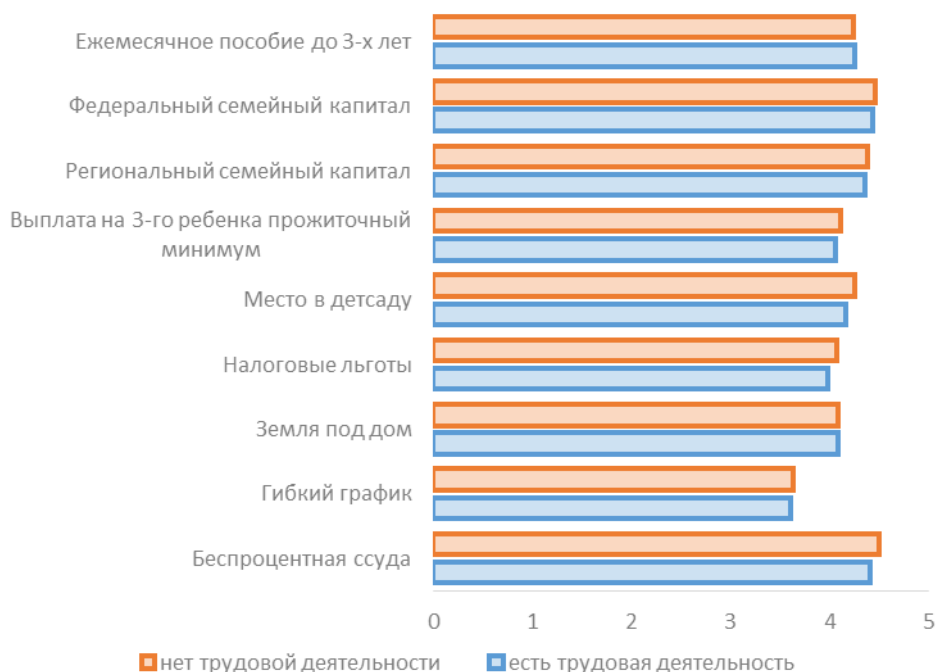

Рисунок 10. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от наличия трудовой деятельности, микроперепись 2015 г., средний балл

Различия в оценках предлагаемых мер семейной политики в зависимости от возраста

Если посмотреть распределение оценок по возрасту отдельно для мужчин и женщин, увидим, что для женщин в целом характерна наиболее высокая оценка беспроцентной ссуды на жилье в возрасте 30-39 лет и федерального материнского капитала в остальных репродуктивных возрастах (рисунок 11). Более молодые женщины оценивают все меры наиболее высоко по сравнению со всеми категориями в возрасте 30 лет и старше. Падение значения регионального материнского капитала происходит к возрасту 35 лет и далее не возрастает. Наиболее высоко оценивают продление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до трех лет самые молодые женщины (18-24 года), к 25-29 годам его значение падает, наиболее низко оно у женщин 35 лет и старше. С возрастом также падает значение места в детском саду, в целом это средняя по привлекательности мера, если смотреть на возрастном распределении. Наименее привлекательны гибкий график, земля под строительство дома и налоговые льготы (последние относительно более важны для женщин

40-44 лет). Ежемесячная выплата на третьего ребенка в размере прожиточного минимума также относится к мерам средней степени привлекательности.

Возможно, такие оценки отчасти можно соотнести с оптимизмом, свойственным молодости, но интересно внимание молодежи ко всем формам именно денежных выплат, включая даже и выплаты в течение отпуска по уходу за ребенком, по сравнению с косвенными мерами, которые не так легко представить себе в «живых» деньгах.

Если теперь рассмотреть городских и сельских женщин отдельно (рисунки 12, 13), то видим, что у горожанок беспроцентная ссуда становится явным лидером во всех возрастах, за исключением группы 40-44 года. Наиболее заметна разница в оценке ссуды и федерального маткапитала в возрасте 30-34 года (не в пользу последнего). Затем идет региональный семейный капитал, затем – ежемесячное пособие в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, более привлекательное для молодых женщин. Место в детском саду оценивается так же высоко, как и это пособие, только женщинами 30 лет и старше. Средними по привлекательности остаются ежемесячное пособие на третьего ребенка и налоговые льготы, а земля под строительство дома для женщин старше 35 лет даже менее привлекательна, чем гибкий график.

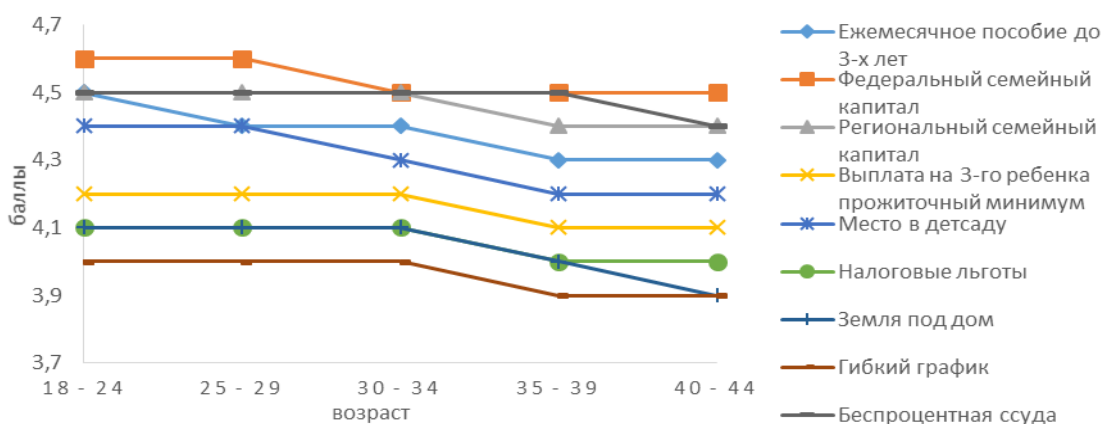

Рисунок 11. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от возраста, микрореперисы 2015 г., средний балл

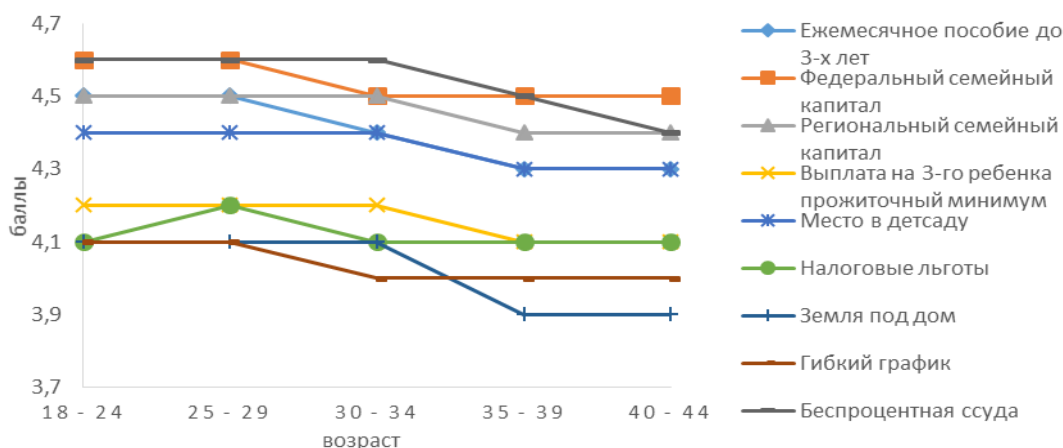

Рисунок 12. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от возраста, городские поселения, микрореперисы 2015 г., средний балл

Картина у сельских жительниц несколько отличается. Гибкий график работы здесь является аутсайдером с особенно большим отрывом, видимо, потому, что эта мера не релевантна современному образу жизни большинства сельчанок. Беспроцентная ссуда на жилье остается одним из лидеров во всех возрастных группах, только у 18-24-летних ее опережает федеральный маткапитал, а у 40-44-летних – региональный.

Ежемесячное пособие для всех детей до трех лет – уверенный член лидирующей группы мер во всех возрастах.

Остальные меры – в группе средних по привлекательности, причем с 25-29 лет возрастает значение ежемесячной выплаты на третьего ребенка, а значение места в детском саду после этого возраста падает. Удивительно, что с этого же возраста падает и значимость выделения земли под строительство дома, и в целом оцениваемое достаточно низко. Возможно, это связано с тем, что люди начинают понимать, что одной земли недостаточно и сам процесс строительства долг и потребует вложения больших денег. Наименее привлекательны в этой «средней» группе примерно в равной степени для всех возрастов налоговые льготы.

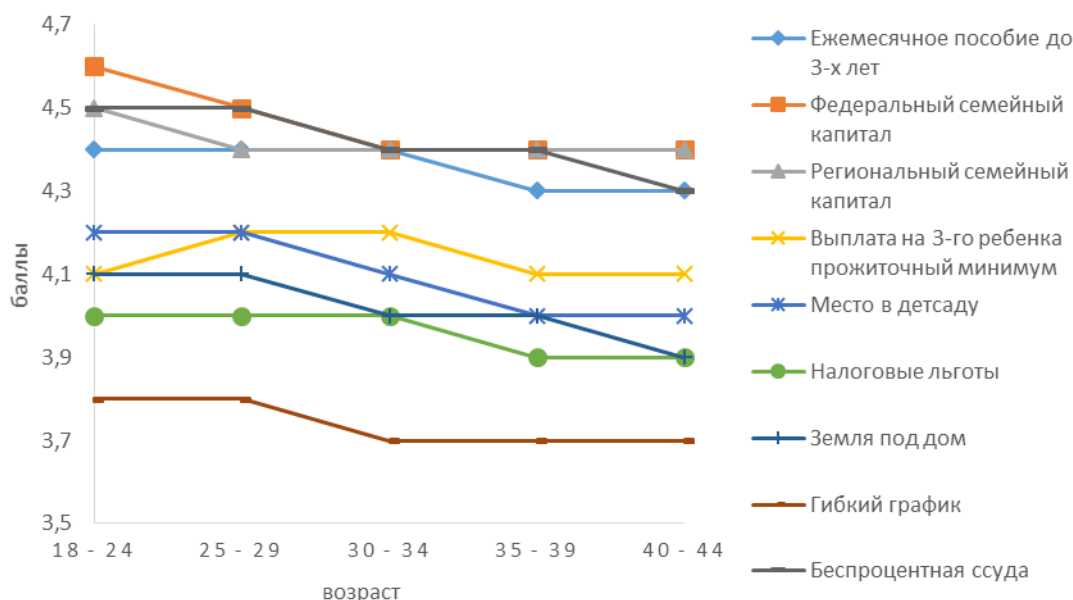

Рисунок 13. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от возраста, сельские поселения, микроперепись 2015 г., средний балл

Распределение оценок у мужчин несколько отличается (рисунки 14-16). Во-первых, по России в целом гибкий график они оценивают еще более низко, чем женщины, что вполне объяснимо различиями в существующих в нашем обществе гендерных ролях и ожиданиях, предполагающих, что основная задача мужчины в семье – обеспечение дохода, а не участие в домашних делах, предполагаемое гибким графиком.

И по России в целом, и особенно по городскому населению, у мужчин всех возрастов в оценках лидирует беспроцентная ссуда на приобретение жилья. У сельских мужчин лидирует она же, за исключением группы старше 49 лет (им больше нравится федеральный

семейный капитал). Федеральный и региональный семейные капиталы – следующие по привлекательности и в целом, и в городе, и на селе.

Молодые мужчины (до 30 лет) так же, как и молодые женщины, несколько более позитивны в своих оценках всех предлагаемых мер, однако у сельского населения эта тенденция практически не выражена.

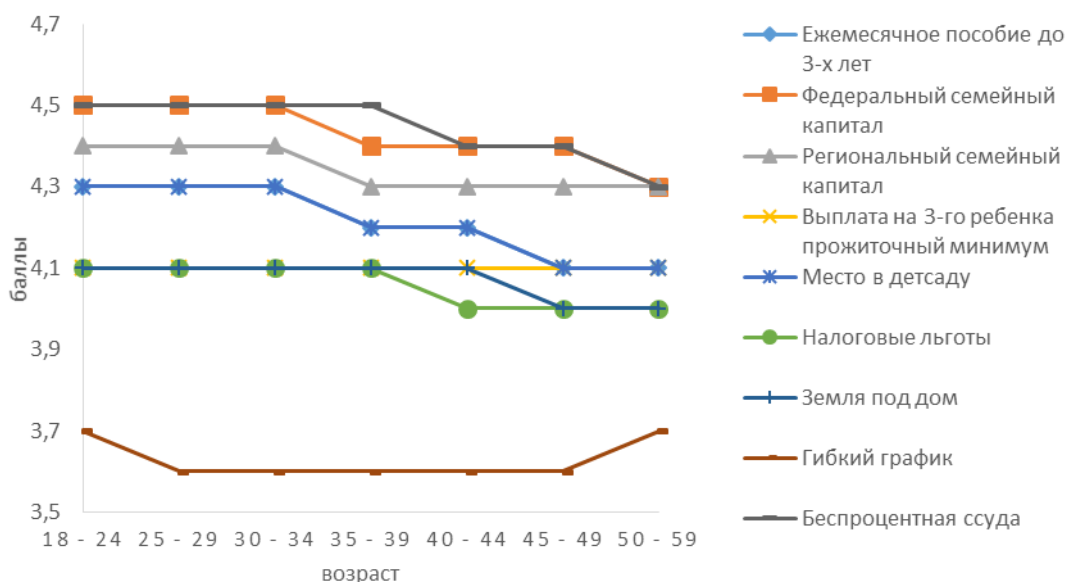

Рисунок 14. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от возраста, микроперепись 2015 г., средний балл

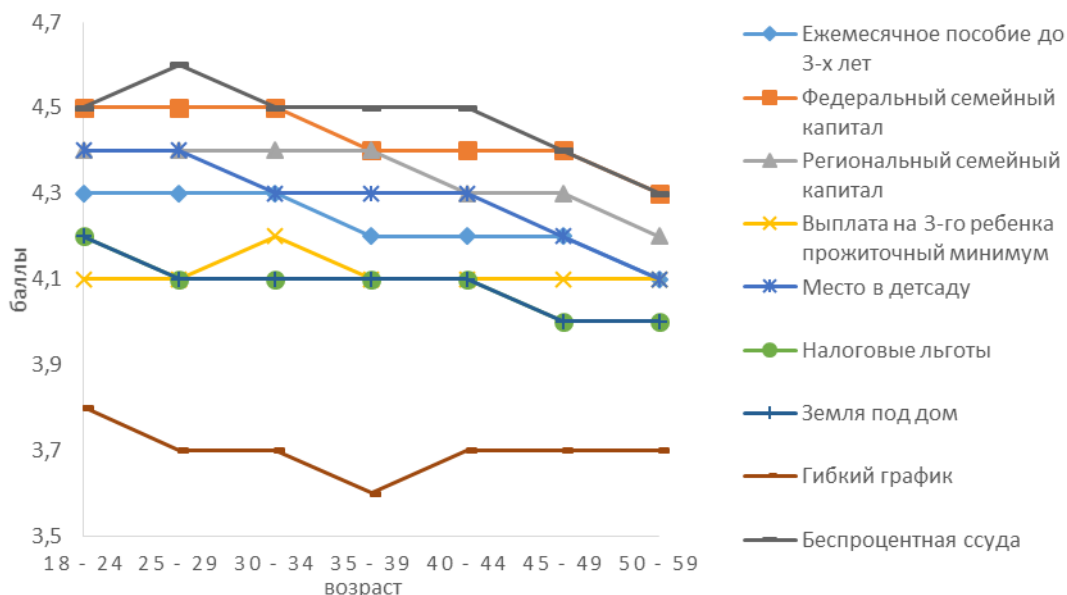

Рисунок 15. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от возраста, городские поселения, микроперепись 2015 г., средний балл

Налоговые льготы, земля под строительство дома и ежемесячное пособие на третьего ребенка по России в целом и по городскому населению (которое ожидаемо несколько ниже, чем такое пособие, оценивает землю под строительство дома)

воспринимаются как относительно непривлекательные меры во всех возрастных группах, однако оцениваются намного выше, чем гибкий график. Место в детском саду и продленный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до трех лет оцениваются средне и абсолютно идентично для населения России в целом, постепенно снижаясь с увеличением возраста отцов. Горожане, особенно самые молодые, несколько выше оценивают все же место в детском саду. Налоговые льготы особенно низко оценивает возрастная группа 40-44 года (по России в целом), а также все сельские мужчины – для них эта мера, видимо, малорелевантна. До 35 лет мужчины на селе несколько выше ценят место в детском саду, в более старших возрастах – предоставление земли под строительство дома. Но оценки этих двух мер очень близки друг к другу, и они средние. Ежемесячное пособие до трех лет на каждого ребенка (продленный отпуск по уходу) сельские мужчины всех возрастов оценивают несколько выше – почти так же высоко, как региональный семейный капитал.

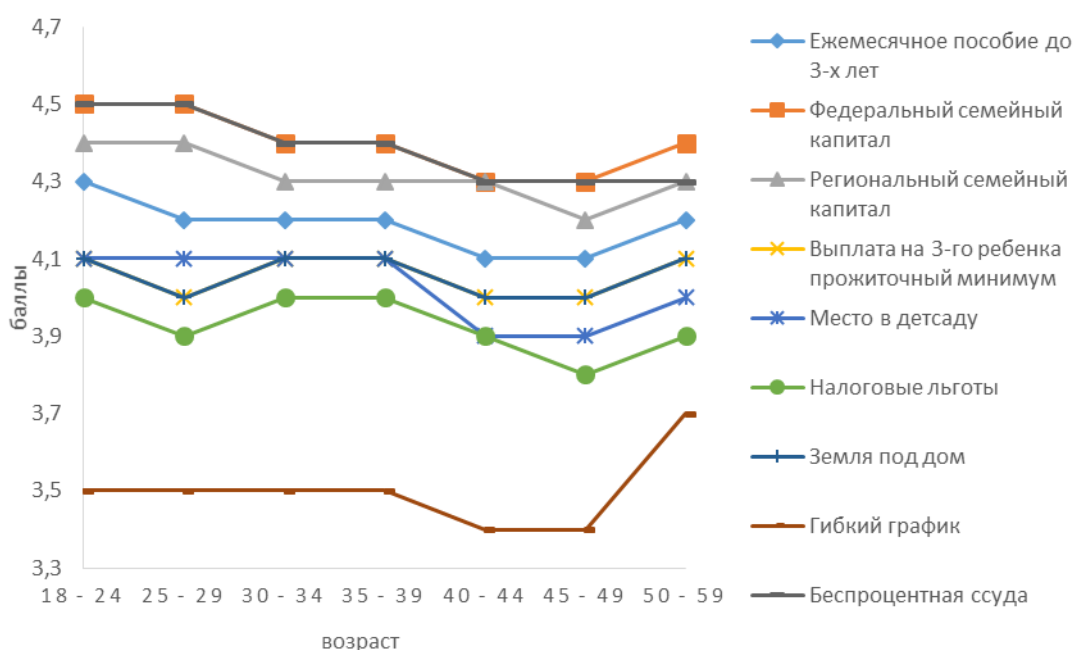

Рисунок 16. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от возраста, сельские поселения, микроперепись 2015 г., средний балл

Различия в восприятии мер семейной политики в зависимости от числа уже имеющих и желаемых детей

Осталось рассмотреть оценки предлагаемых мер семейной политики различными группами мужчин и женщин в зависимости от числа уже имеющих у них и желаемых ими детей (рисунки 17-21).

Россия в целом без разделения на городское и сельское население: беспроцентная ссуда опять лидирует, причем тем более очевидно, чем больше у женщины детей и чем больше детей она желает иметь. Для тех, у кого пока нет детей, но они хотели бы иметь от одного до троих, более привлекателен федеральный семейный капитал. Земля под строительство дома наименее привлекательна для тех, кто в целом хочет иметь не более двоих детей, и заметно более привлекательна при желании иметь троих и более. Примерно

одинаково и равно для всех категорий малоинтересны гибкий график и налоговые льготы, хотя первый наименее привлекателен для желающих иметь только одного ребенка, а вторые именно для этой категории несколько более привлекательны. Оценки ежемесячной выплаты на третьего ребенка минимальны у тех, кто хочет не более одного ребенка и не более двоих (и при этом пока имеет меньше, чем хочет), максимальны у тех, кто хочет троих детей и более. Место в детском саду желающие иметь троих и более детей оценивают даже выше, чем те, кто хочет только одного или двоих (а также чем те, кто уже имеет троих и хочет еще больше). Значимость ежемесячной выплаты на каждого ребенка до трех лет (продления отпуска по уходу) высока, особенно у желающих иметь троих и более детей. Примерно на этом же уровне оценивается региональный семейный капитал.

Можно видеть заметное разделение на модели семьи по желаемому числу детей и существенные различия в оценках мер семейной политики представительницами разных типов.

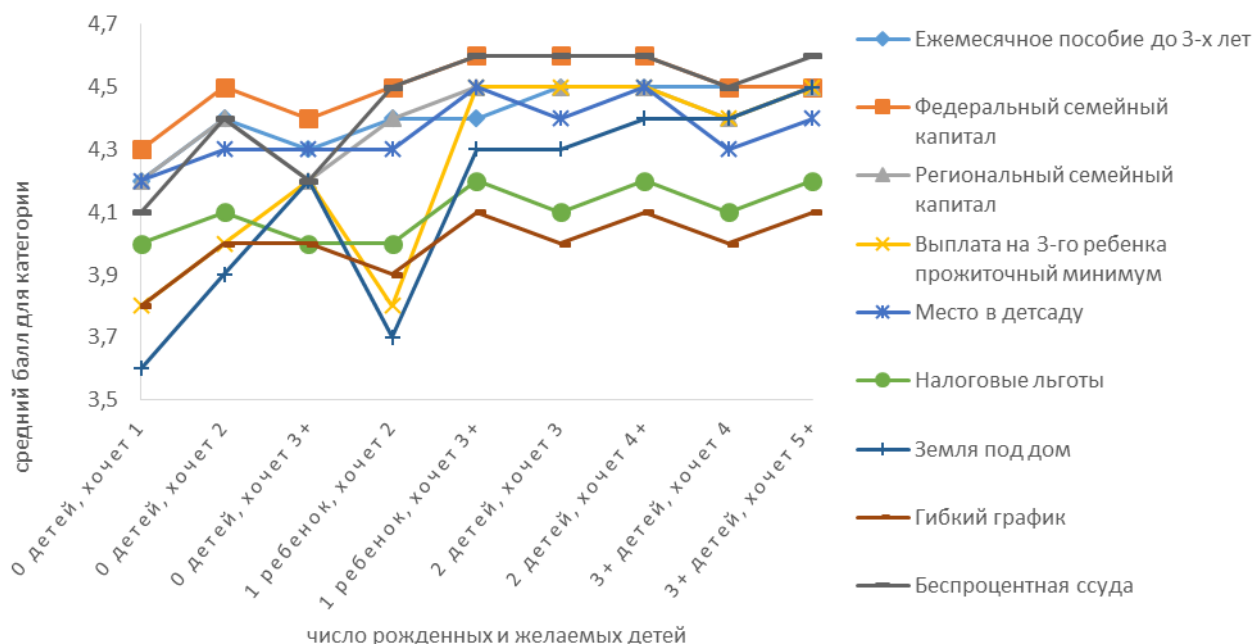

Рисунок 17. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от числа рожденных и числа желаемых детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Если посмотреть отдельно на горожанок и жительниц села, то увидим, что первые практически не отличаются в своих оценках от россиянок в целом: та же характерная низкая оценка мер, направленных на рождение третьего ребенка у тех, кто имеет одного и хотел бы максимум двоих, и одинаково высокая практически всех мер теми, кто пока не имеет детей, но хочет троих.

У жительниц села низкая оценка при наличии одного ребенка и желании только двоих также присутствует, но в несколько более размазанном виде. Размазан и максимум при желании троих, когда пока нет ни одного. Вплоть до ситуации «двое детей, хочет троих» лидирует федеральный семейный капитал, за ним следует (при малом числе имеющихся и желаемых детей) региональный, ссуда на покупку жилья выходит в лидеры, только когда и имеющихся, и желаемых детей уже больше одного. В этот же момент

начинает лидировать и ежемесячное пособие на каждого ребенка (продленный отпуск по уходу). Чуть менее, но привлекателен для желающих иметь большую семью и мало привлекателен для желающих иметь маленькую вариант с пособием в размере прожиточного минимума на третьего ребенка. Место в детском саду занимает ровные средние позиции, почти параллельно ему, но ниже по привлекательности, налоговые льготы и еще ниже для всех категорий гибкий график.

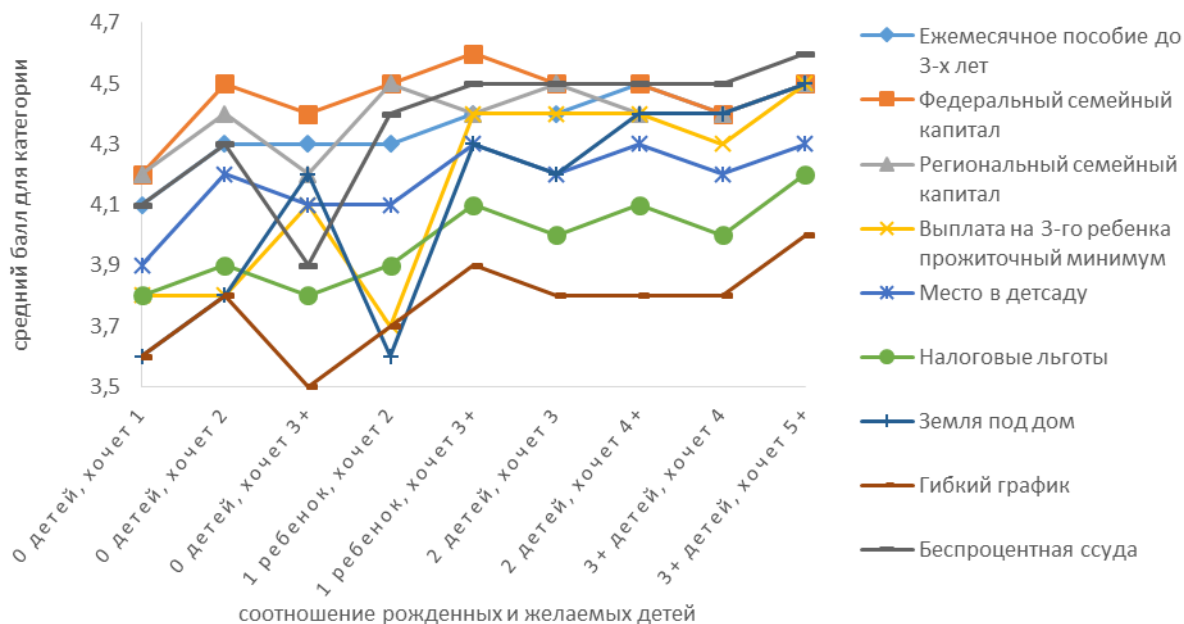

Рисунок 18. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от числа рожденных и желаемых детей, сельские поселения, микроперепись 2015 г., средний балл

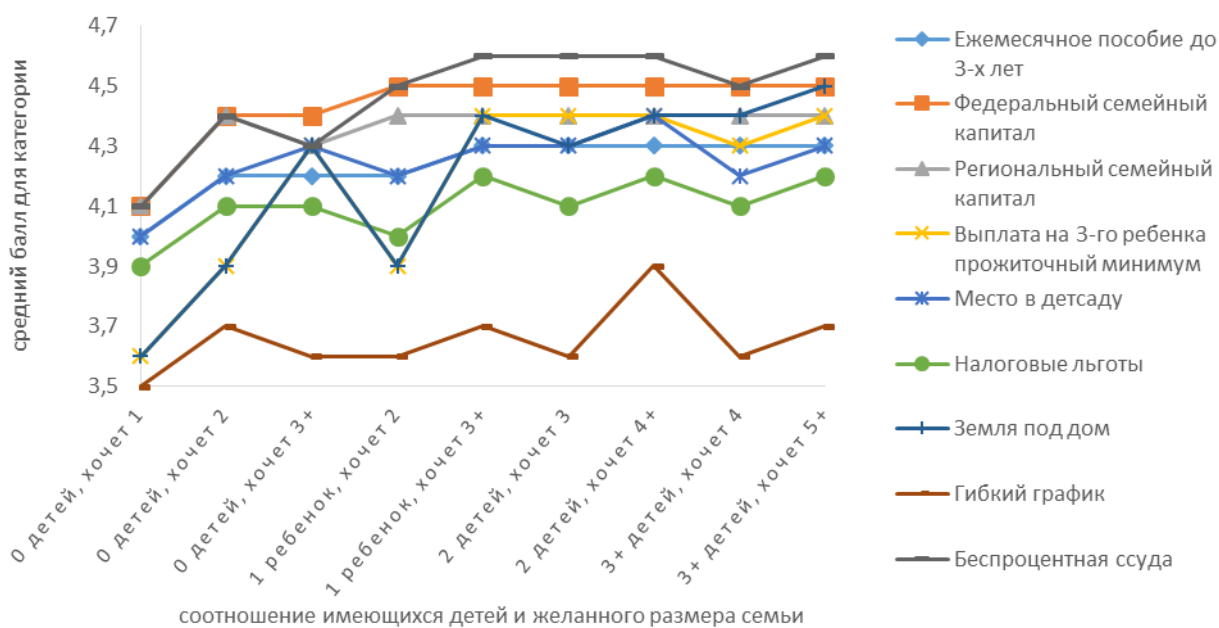

Рисунок 19. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от числа имеющихся и желаемых детей, микроперепись 2015 г., средний балл

Посмотрим на распределения у мужчин.

Россия в целом: беспроцентная ссуда лидирует у всех категорий, кроме тех, у кого нет детей, но они хотят троих (им важнее федеральный семейный капитал). Гибкий график оценивается, как обычно, наиболее низко, но мужчины, у которых двое детей, а хотят они четверых и более, выделяются относительно более высокой оценкой этой меры. Возможно, это аргумент в дискуссиях с партнершей о том, что при увеличении числа детей они будут уделять больше внимания семейным делам. Относительно низко оценивают выделение земли под строительство дома все те, кто не хочет иметь более двоих детей, и высоко – остальные. Налоговые льготы – вторые по непривлекательности в среднем, их оценка распределена по категориям примерно равномерно. Довольно высоко все оценивают место в детском саду, ежемесячное пособие для всех до трех лет и региональный семейный капитал. Пособие на третьего ребенка в размере прожиточного минимума значимо для сторонников больших семей. Есть тот же минимум оценок при ситуации «есть один, хочет двоих» и максимум в ситуации «нет детей, хочет троих», но они более размазаны, чем у женщин. Значение всех мер несколько увеличивается у имеющих троих детей и желающих в общей сложности не менее пятерых.

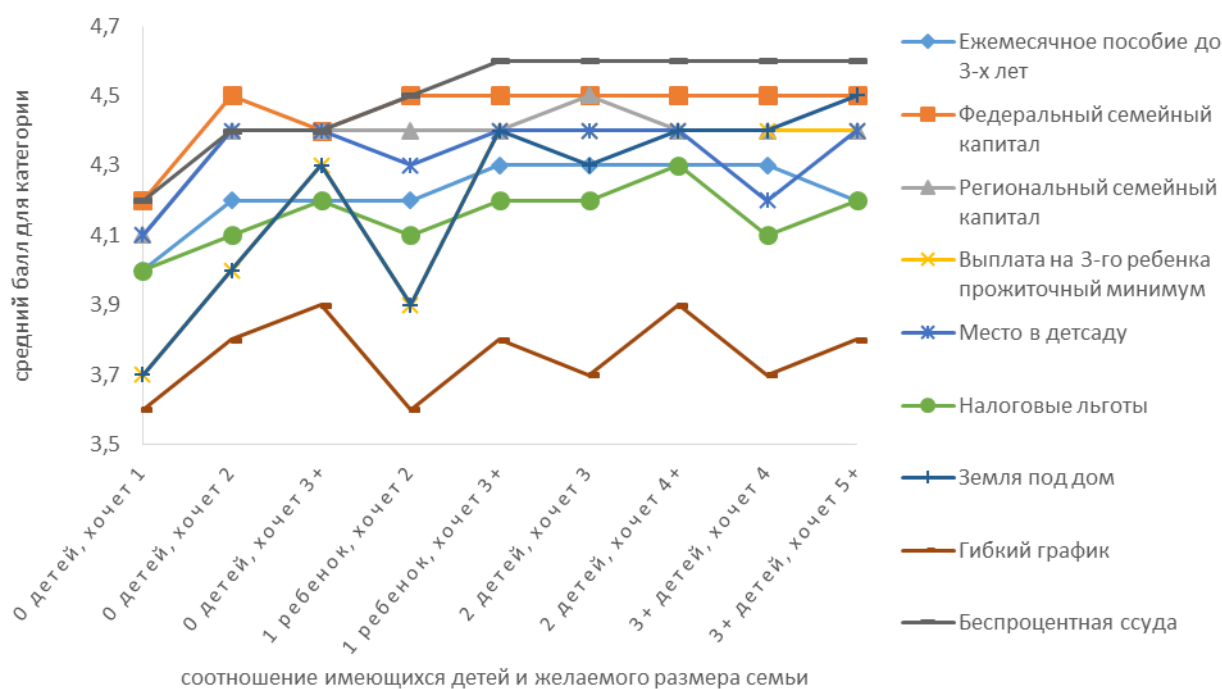

Рисунок 20. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от числа имеющихся и желаемых детей, городские поселения, микрореперисы 2015 г., средний балл

У городских мужчин позиция «беспроцентная ссуда на покупку жилья» становится лидирующей уже на позиции «один ребенок, хочет двоих», что и понятно в городских условиях. Динамика привлекательности земли под строительство дома такая же, как по России в целом: наблюдается (в относительно размытом виде) минимум оценок у «один ребенок, хочет двоих» и максимум у «нет детей, хочет троих». Гибкий график оценен низко, налоговые льготы тоже, хотя и с заметным отрывом. На втором и третьем местах по

привлекательности у большинства категорий – федеральный и региональный семейные капиталы. Весьма привлекательно для всех, за исключением тех, у кого уже трое детей и хочется еще больше, место в детском саду, за ним следуют ежемесячное пособие на каждого ребенка до трех лет и земля под дом, а также прожиточный минимум на третьего (для желающих многодетности).

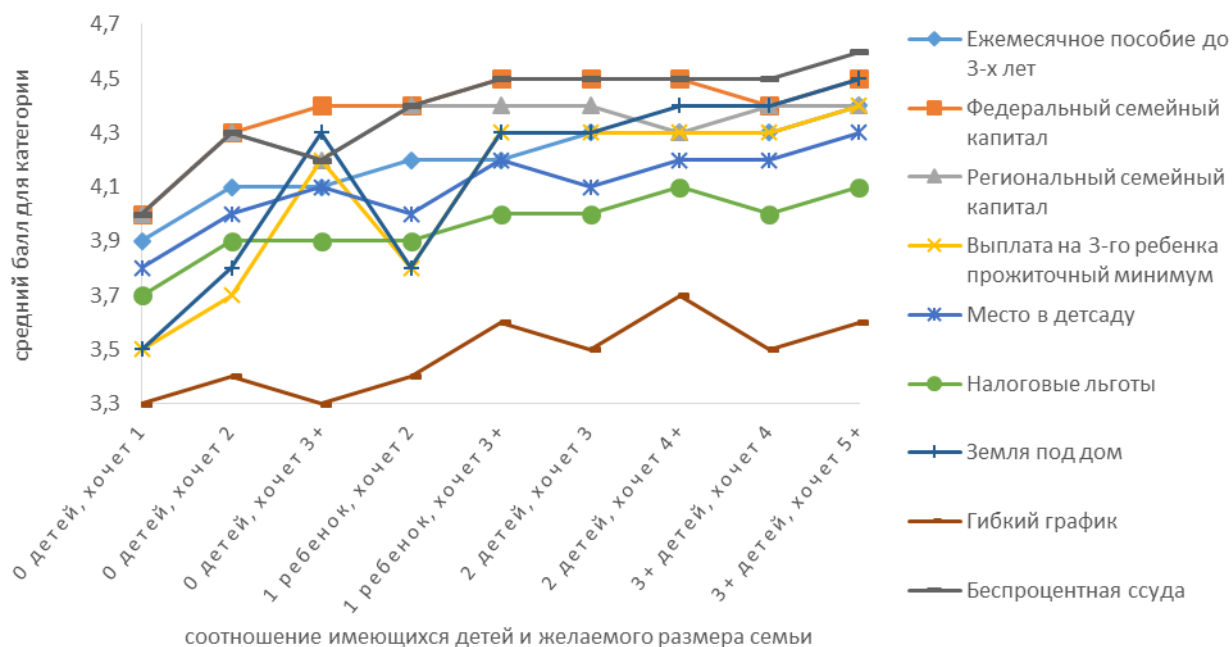

Рисунок 21. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от числа имеющихся и желаемых детей, сельские поселения, микроперепись 2015 г., средний балл

Беспроцентная ссуда лидирует и у сельских мужчин: только не имеющие детей, но желающие троих оценивают федеральный семейный капитал выше (региональный капитал, как обычно, следует за федеральным). Эта категория вообще оценивает все меры максимально, а те, у кого один ребенок, а хотят двоих, минимально оценивают землю и пособие на третьего ребенка. Как обычно, очень низка оценка гибкого графика и просто низка – налоговых льгот. Место в детском саду на среднем уровне, пособие до трех лет на всех детей на несколько более высоком. Желающие многодетности высоко ценят землю и пособие на третьего ребенка в размере прожиточного минимума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом все наши гипотезы подтвердились. Для всех групп населения характерны ожидания монетарных форм помощи, в то же время наиболее молодые и высокообразованные респонденты, в особенности женщины, высоко оценивают сервисные меры, связанные, прежде всего, с услугами детского сада, при этом часто ориентируясь на рождение только одного ребенка. Однако получились и некоторые неожиданные результаты. А именно, какое бы направление анализа мы ни выбирали, можем видеть, что лидирует беспроцентная ссуда на приобретение жилья по социальной норме, причем не

только в городе, но и на селе. Это неудивительно, учитывая близкое знакомство граждан нашей страны с проблемами ипотеки и кредитования в целом, а также тот факт, что выплата по семейному капиталу (как федеральному, так и, тем более, региональному), на приобретение жилья в большинстве регионов не хватает. Укладывается такая оценка и в теоретические представления о патерналистских ожиданиях значительной части российских граждан, предпочитающих от государства именно монетарные выплаты [Зеленкова, Чернова 2012].

Обращает внимание относительно негативная оценка некоторыми категориями респондентов (потенциальных родителей, по их собственному утверждению, как указано в методологии отбора респондентов) мер, открыто направленных на поддержание рождения третьего ребенка и последующих детей, что особенно заметно именно в графиках, учитывающих число не только уже имеющихся у людей детей, но и желаемых ими при благоприятных обстоятельствах. Возможно, те, кто выбрал для себя модель «семья только с одним ребенком» или «семья только с двумя детьми», отрицают такие меры, как направленные не на них. На наших графиках особенно четко это прослеживается у женщин в целом и у городских женщин. Это соответствует результатам, полученным другими исследователями [Андреев, Захаров 2017; Синявская, Бирюкова, Фаттахова 2015].

Более молодые люди относительно более позитивно оценивают все меры. Можно предположить, что это связано с оптимизмом, присущим молодости, а также с недостатком у них жизненного опыта (например, заметно падение оценки очень многих мер при наличии у респондента хотя бы одного ребенка).

Такая мера, как гибкий график, в том числе и работа дистанционно на дому (хотя некоторые исследователи предполагали обратное [Елизаров, Левина 2015]), является аутсайдером в оценках при любых распределениях, особенно ярко это проявляется у мужчин (но и у женщин тоже). Это может быть связано с тем, что люди не верят, что при такой организации труда смогут достаточно заработать, при этом осознают трудности, которые будут связаны с попыткой одновременно работать из дома и полноценно без помощников растить в этом же доме детей, хорошо знакомые всем, кто когда-либо пытался это делать. Вообще патерналистские ожидания и предпочтение монетарных выплат респондентами можно связать с достаточно низкой средней официальной зарплатой в России, не в полной мере и не всем позволяющей удовлетворить нужды семьи при попытках заработать деньги самостоятельно.

Респонденты в целом оценивают выше меры, связанные с прямой и понятной денежной выплатой, такие как беспроцентная ссуда (это деньги, получаемые сразу, а как их потом придется возвращать, можно пока не задумываться, и ведь проценты не будут нарастать), федеральный и региональный семейные капиталы, ежемесячные выплаты на каждого ребенка до трех лет и ежемесячные выплаты на третьего и последующих детей в размере прожиточного минимума. Место в детском саду оценивается почти так же высоко, но все-таки несколько ниже (особенно высоко – молодыми и пока бездетными женщинами). Впрочем, ежемесячные выплаты на ребенка оцениваются ими так же: вероятно, женщины хотели бы иметь возможность выбирать, сидеть ли с ребенком дома или отдать его в

детский сад, при том, что обе альтернативы поддерживались бы государством. Это соответствует предположениям, высказанным в докладе Елизарова и Левиной [2015].

Такая опция, как выделение земли под строительство дома, оценивается противоречиво: горожанами, а также ориентированными на меньший размер семьи – более низко, ориентированными на многодетность – более высоко. Интересно, что не так уж высоко ее оценивают сельские жители, например, сельские мужчины с возрастом начинают считать эту меру все менее привлекательной. Такие различия в оценках неудивительны, поскольку сама по себе земля не означает, что у людей автоматически откуда-то появляются время, деньги и силы на то, чтобы строить на ней дом, да и не все так уж хотят такой дом. К тому же большую роль играет неопределенность места, в котором будет расположен выделяемый участок земли.

Налоговые льготы, возможная перспективность которых подчеркивалась в [Елизаров, Левина 2015], почти всеми проанализированными категориями оцениваются почти так же низко, как гибкий график, несколько выше – только городскими мужчинами 40-49 лет. Видимо, только этот сегмент достаточно часто работает не в сером секторе экономики, в то время как, например, сельские и формально неработающие мужчины, а также большинство женщин, не видят в этой мере для себя преимуществ либо потому, что действительно не работают, либо в связи с неофициальностью своей работы.

В группах женщин с образованием не выше 9 классов средней школы некоторые признаки позволяют выделить существование модели «семья не более чем с тремя детьми»; интересно, что у более высокообразованных женщин такая модель не выделяется. Женщины, ориентированные на большее число детей, конечно, существуют, но их, вероятно, немного, и их характеристики индивидуальны, по крайней мере в тех «координатах», которые задают исследуемые нами меры семейной политики.

В целом наш анализ позволяет предположить, что наиболее интересной, универсальной и перспективной мерой из числа предложенных могла бы быть именно беспроцентная ссуда на приобретение жилья. Принимающим решения в области семейной политики, возможно, стоило бы подумать и разработать конкретные механизмы проведения ее в жизнь (выделение суммы уже при рождении первого ребенка; сроки платежей; ежемесячные платежи в некоем фиксированном размере; погашение части задолженности при рождении каждого ребенка, так, чтобы, например, при рождении ребенка определенной очередности можно было эти деньги не возвращать совсем и др.).

Важно также, чтобы эта мера не оказалась единственной. Привлекательны для респондентов также ежемесячное пособие для всех детей до трех лет и гарантированное место в детском саду, яслях, что позволило бы людям выбирать образ жизни при рождении ребенка и возможность сосредоточиться или на зарработке, или на собственно родительстве.

Стимулирующий потенциал гибкого графика (надомной работы) и налоговых льгот родителям, исходя их нашего анализа, невелик. Выплаты, акцентирующие свою направленность именно на третьего ребенка, похоже, скорее отталкивают некоторых потенциальных родителей. Федеральный и региональный семейные капиталы сохраняют

свою привлекательность, но уступают беспроцентной ссуде, как мере более конкретной и в отличие от них более полно решающей хотя бы одну из проблем семей (жилищную).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 11: 21-35.
- Андреев Е.М., С.В. Захаров (2017). Микроперепись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. 711-712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (дата обращения: 07.12.2017).
- Варламова С.Н., А.В. Носкова, Н.Н. Седова (2006). Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 10: 61-73.
- Доклад об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года» (2016). М.: Росстат.
- Елизаров В., В. Левина (2015). Проект «Старение населения в Российской Федерации»: Семейная политика в России: возможно ли замедление старения населения путем мер, направленных на повышение уровня рождаемости» // Рабочий доклад World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/892801468196750951/pdf/99503-RUSSIAN-PUBLIC-Family-Policies-in-Russia-final-cover-Russian-final.pdf> (дата обращения: 12.07.2018).
- Захаров С.В. (2016а). Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // Демографическое обозрение. 3. 3: 6-38.
- Захаров С.В. (2016б). Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 3. 4: 6-26.
- Зеленкова Ю., Ж. Чернова (2012). Патернализм современной российской семейной политики: позиция государства и ожидания граждан // Человек, Сообщество, Управление. 4: 96-110.
- Исупова О.Г. (2016). Семейная политика в развитых странах // Демоскоп Weekly. 701-702. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0701/demoscope701.pdf> (дата обращения: 07.07.2018).
- Исупова О.Г. (2017). Чему учит опыт семейной политики // Демоскоп Weekly. 739-740. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0739/tema01.php> (дата обращения: 07.07.2018).
- Кучмаева О.В. (2017). Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации // Статистика и экономика. 14. 5: 85-93.
- Малева Т., А. Макаренцева, Е. Третьякова (2017). Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. 12. 6: 124–147.
- Серегина Л.В. (2012). Профессиональное обучение – гарантия содействия трудоустройству // Журнал российского права. 2: 26-35.
- Синявская О.В., С.С. Бирюкова, А.А. Фаттахова (2015). Влияние новых мер российской демографической политики на вероятность рождения вторых и последующих детей //

- Демоскоп Weekly. 625-626. URL:
<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/analit05.php> (дата обращения: 07.12.2017).
- Слонимчик Ф., А. Юрко (2015). Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2. 3: 30-68.
- Тындик А. (2010). Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 12: 157-177.
- Caldwell J.C., P. Caldwell, P. McDonald (2002). Policy responses to low fertility and its consequences: A global survey // Journal of Population Research. 19(1): 1-24.
- Chesnais J.-C. (1985). Les conditions d'efficacité d'une politique nataliste: examen théorique et exemples historiques // Proceedings of the IUSSP International population conference. Florence: IUSSP: 413-425.
- Ekert O. (1986). Effets et limites des aides financières aux familles: une expérience et un modèle // Population. 41(2): 327-348.
- Esping-Andersen G. (1990). The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press: 9-54.
- Gauthier A.H. (2002). Family policies in industrialized countries: Is there convergence? // Population (English edition). 57: 447-474.
- Kaufmann K. X. (2002). Politics and policies towards the family in Europe: A framework and in inquiry into their differences and convergences // Family Life and Family Policies in Europe. Vol. 2: Problems and Issues in Comparative Perspective / F.-X. Kaufmann et al., eds. Oxford: Clarendon Press: 419-490.
- Teitelbaum M.S. (2006). History of population policies / G. Caseli, J. Vallin, G. Wunsch, eds. // Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population. Ch. 100. Academic Press: 71-82.
- Thevenon O. (2008). Les politiques familiales des pays développés : des modèles contrastés // Population et societies. 448: 1-4.

ATTITUDES TO PRONATALIST POLICY MEASURES ACCORDING TO THE DATA OF THE 2015 MICRO-CENSUS

OLGA ISUPOVA

The article aims to evaluate the possible motivational potential (in terms of having more children than planned) of various measures of family policy listed in the questionnaire of the Russian Microcensus-2015. During the last several decades, fertility in Russia has been below the level of simple reproduction. The state, starting in 2005, has expressed an interest in finding effective measures to raise fertility in the country. The latest Microcensus had, among other objectives, the goal of "testing" the attractiveness of different policy measures for the general population. These included both already existing policies (federal and regional "maternity capitals", land grants) and those which were hypothetical at the moment (prolongation of paid childcare leave until the child reaches the age of three, a guaranteed place in kindergarten, benefits equal to the cost of living for every child starting from the third, tax benefits, flexible working hours/work from home, and interest-free loans for the purchase of housing).

Our research was conducted using methods of descriptive statistics, since data at the individual level were not available on the Microcensus site. We studied differences in the perception of the proposed measures by gender, age, education level, numbers of already existing and desired children, and employment status. The research showed a possible clustering of women (and probably men as well) into those who intend to have just one, two or three children. Measures focused on a third child were of no interest to the first and second groups of respondents. The interest-free housing loan was found to be the most popular measure among virtually all groups of respondents. On the whole, measures having a paternalistic character were perceived positively, while the least attractive measures included work from home and tax benefits. This is probably due to the fact that the former is associated with lower earnings, and the latter are relevant only to those who work in the official sector of the economy. An intention to have three children can be observed mostly among women with lower education and in rural areas.

Key words: Russian Microcensus-2015, analytic limitations, reproductive intentions, family policy, effectiveness.

OLGA ISUPOVA (oisupova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE STUDY WAS IMPLEMENTED UNDER THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2017. PROJECT "THE LONG-TERM DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE LIGHT OF THE 2015 MICROCENSUS RESULTS".

DATE RECEIVED: MAY 2018.

REFERENCES

- Andreev E.M (2012). O tochnosti rezul'tatov Rossiyskikh perepisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the accuracy of the results of Russian population censuses and the level of confidence in different sources of information] // Voprosy statistiki [Issues of Statistics]. 11: 21-35.
- Andreev E.M., S.V. Zakharov (2017). Mikroperepis'-2015 stavit pod somnenie rezul'tativnost' mer po stimulirovaniyu rozhdaemosti [Microcensus-2015 puts under question the efficiency of measures to stimulate fertility] // Demoscop Weekly [Demoscope Weekly]. 711-712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (accessed: 07.12.2017).
- Caldwell J.C., P. Caldwell, P. McDonald (2002). Policy responses to low fertility and its consequences: A global survey // Journal of Population Research. 19(1): 1-24.

- Chesnais J.-C. (1985). Les conditions d'efficacite d'une politique nataliste: examen theorique et exemples historiques // Proceedings of the IUSSP International population conference. Florence: IUSSP: 413–425.
- Doklad ob osnovnykh itogakh federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Sotsial'no-demograficheskoe obsledovanie (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda» [The report on main results of federal statistical observation «Social and demographic investigation (population microcensus) 2015»] (2016). Moscow: Rosstat.
- Ekert O. (1986). Effets et limites des aides financieres aux familles: une experience et un modele // Population. 41(2): 327–348.
- Elizarov V.V., V. Levina (2015). Proekt «Starenie naseleniya v Rossiyskoy Federatsii»: Semeynaya politika v Rossii: vozmozhno li zamedlenie stareniya naseleniya putem mer, napravlennykh na povyshenie urovnya rozhdaemosti» [Family Policies in Russia: Could Efforts to Raise Fertility Rates Slow Population Aging?] // Rabochiy doklad World Bank [Work Report]. World Bank, Washington, DC. World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/892801468196750951/pdf/99503-RUSSIAN-PUBLIC-Family-Policies-in-Russia-final-cover-Russian-final.pdf> (accessed: 12.07.2018).
- Esping-Andersen G. (1990). The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press: 9-54.
- Gauthier A.H. (2002). Family policies in industrialized countries: Is there convergence? // Population (English edition). 57: 447-474.
- Isupova O.G. (2016). Semeynaya politika v razvitykh stranakh [Family policy in developed countries] // Demoscop Weekly [Demoscope Weekly]. 701-702. URL:<http://demoscope.ru/weekly/2016/0701/demoscope701.pdf> (accessed: 07.07.2018).
- Isupova O.G. (2017). Chemu uchit opyt semeynoy politiki [What the experience of family policy does teach us] // Demoscop Weekly [Demoscope Weekly]. 739-740. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0739/tema01.php> (accessed: 07.07.2018).
- Kaufmann K. X. (2002). Politics and policies towards the family in Europe: A framework and in inquiry into their differences and convergences // Family Life and Family Policies in Europe. Vol. 2: Problems and Issues in Comparative Perspective / F.-X. Kaufmann et al., eds. Oxford: Clarendon Press: 419-490.
- Kuchmaeva O.V. (2017). Sovremennye problemy otsenki effektivnosti semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Contemporary problems of evaluation of family policy efficiency in Russian Federation] // Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]. 14. 5: 85-93.
- Maleva T., A. Makaretseva, E. Tretyakova (2017). Pronatalistskaya demograficheskaya politika glazami naseleniya: desyat' let spustya [Pronatalist demographic policy from the viewpoint of population: ten years after] // Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]. 12. 6: 124–147.
- Seregina L.V. (2012). Professional'noe obuchenie – garantiya sodeystviya trudoustroystvu [Vocational training – a guarantee of employment promotion] // Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]. 2: 26-35.
- Siniavskaya O.V., S.S. Birukova, A.A. Fattakhova (2015). Vliyanie novykh mer rossiyskoy demograficheskoy politiki na veroyatnost' rozhdeniya vtorykh i posleduyushchikh detey [Influence of new measures of Russian demographic policy on probability of birth of second and higher order children] // Demoscop Weekly [Demoscope Weekly]. 625-626. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/analit05.php> (accessed: 07.12.2018).

- Slonimchik F., A. Yurko (2015). Otsenka vliyaniya politiki materinskogo kapitala v Rossii [Evaluation of the influence of Maternal Capital policy in Russia] // Demographicheskoe obozrenie [Demographic Review]. 2. 3: 30-68.
- Teitelbaum M.S. (2006). History of population policies / G. Caseli, J. Vallin, G. Wunsh, eds. // Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population. Ch. 100. Academic Press: 71-82.
- Thevenon O. (2008). Les politiques familiales des pays développés: des modèles contrastés // Population et societies. 448: 1-4.
- Tyndik A. (2010). Obzor sovremennykh mer semeynoy politiki v stranakh s nizkoy rozhdmost'yu [A review of contemporary measures of family policy in the countries with low fertility] // Sotsialnaya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory [Social policy: expertize, recommendations, reviews]. 12: 157-177.
- Varlamova S.N., A.V. Noskova, N.N. Sedova (2006). Sem'ya i deti v zhiznennykh ustanovkakh rossiyan [Family and children in Russians` life attitudes] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 10: 61-73.
- Zakharov S.V. (2016a). Skromnye rezul'taty pronatalistskoy politiki na fone dolgovremennoy evolyutsii rozhdmosti v Rossii [Moderate results of pronatalist policy on the background of longterm evolution of fertility in Russia]. Chast' 1 [Part 1] // Demographicheskoe obozrenie [Demographic Review]. 3. 3: 6-38.
- Zakharov S.V. (2016b). Skromnye rezul'taty pronatalistskoy politiki na fone dolgovremennoy evolyutsii rozhdmosti v Rossii [Moderate results of pronatalist policy on the background of longterm evolution of fertility in Russia]. Chast' 2 [Part 2] // Demographicheskoe obozrenie [Demographic Review]. 3. 4: 6-26.
- Zelikova Yu., Zh. Chernova (2012). Paternalizm sovremennoy rossiyskoy semeynoy politiki: pozitsiya gosudarstva i ozhidaniya grazhdan [Paternalism of modern Russian family policy: state position and citizens`s expectations] // Chelovek, Soobshchestvo, Upravlenie [Human, Community, Management]. 4: 96-110.

РОЖДАЕМОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

ОЛЬГА ГАГАУЗ

В настоящее время официальная статистика Республики Молдова, основываясь на данных о численности населения de jure (включая граждан, отсутствующих в стране 12 месяцев и более), дает заниженные оценки коэффициента суммарной рождаемости, что привело к отнесению страны к группе стран со сверхнизким уровнем рождаемости (lowest-low fertility).

На основе данных о численности населения de facto, а также результатов Переписи населения и жилищ 2014 г. анализируются уровень и основные тенденции в динамике рождаемости в разрезе условных и реальных поколений. Основная цель исследования – проследить, до какого уровня снизилась рождаемость в Республике Молдова и можно ли ее отнести к странам с низкой или очень низкой рождаемостью (low fertility or lowest-low fertility).

Результаты исследования показывают, что трансформация рождаемости происходит согласно общей модели, характерной для большинства стран, завершивших или находящихся в процессе перехода рождаемости, однако характеризуется более низкими темпами. Для условных поколений рождаемость установилась на уровне 1,6-1,65 рождений на одну женщину, тогда как для реальных поколений, завершивших или находящихся на стадии завершения репродуктивного периода – на уровне 1,9-2,0 рождений. Даже для самых молодых поколений, достигших на момент переписи 35-летнего возраста (2014 г.), среднее число рожденных детей превысило значение 1,7. Несмотря на то, что в межпереписной период наблюдается сокращение среднего числа рождений к концу репродуктивного периода, среднее число рождений у женщин к 50-летнему возрасту составляет 2,1, а доля тех, кто не родил ни одного ребенка сохраняется на относительно низком уровне.

Основываясь на результатах исследования, автор делает вывод, что Республика Молдова не относится к странам с низкой или очень низкой рождаемостью (low fertility or lowest-low fertility), а сохранение более высокого уровня рождаемости по сравнению с другими странами определяется преобладанием сельских жителей в общей структуре населения.

Ключевые слова: *рождаемость, Республика Молдова, условные поколения, реальные поколения, возрастной профиль рождаемости, средний возраст матери при рождении, суммарная рождаемость.*

ВВЕДЕНИЕ

Исследованию рождаемости по-прежнему уделяется много внимания, ведется активный поиск объяснительных моделей снижения рождаемости, определения общего и особенного в динамике рождаемости стран, завершивших второй демографический переход, находящихся на его начальном этапе или в самом его разгаре. Сформирован солидный теоретико-методологический аппарат, накоплен достаточно большой опыт эмпирических исследований, значительно усовершенствованы методы демографического анализа рождаемости, что позволяет проводить глубокий и всесторонний анализ изменений рождаемости.

Ольга Евсеевна Гагауз (gagauzo@inbox.ru), Национальный институт экономических исследований, Республика Молдова.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

Республика Молдова, как и другие страны, бывшие республики СССР, столкнулась с существенными проблемами в области демографического развития. Быстрое сокращение численности населения и углубление процесса демографического старения как результат сокращения рождаемости и массовой миграции представляют серьезную угрозу для достижения устойчивого социально-экономического развития. В связи с этим правительством страны была принята Национальная программа в области демографической безопасности на 2011-2025 гг., предусматривающая комплексные меры, направленные на улучшение демографической ситуации.

Наибольшее внимание и озабоченность привлекает сокращение рождаемости, ее абсолютные и относительные показатели, все чаще раздаются призывы политиков к необходимости принятия мер по повышению рождаемости и увеличению числа детей в семье. Определенную роль в этом плане играют данные официальной статистики, согласно которым в 2000-2016 гг. коэффициент суммарной рождаемости (КСР) составлял 1,2-1,3 живорождений на одну женщину, что не соответствует реальной ситуации, а обусловлено используемой методикой расчета данного показателя.

Известно, что с конца 90-х годов Республика Молдова характеризуется высокой территориальной подвижностью населения, а потоки мигрантов с некоторыми колебаниями увеличивались из года в год. Вместе с тем учет миграции сопряжен с некоторыми проблемами. Так, официальная статистика эмиграции основана исключительно на информации, полученной из специальной формы регистрации. Граждане страны попадают в статистику как эмигранты только в том случае, когда они сняты с учета со своего постоянного (официального) места проживания. Это положение в официальной статистике фигурирует под названием «задокументированная» эмиграция. Граждане Республики Молдова, выехавшие за рубеж в поисках работы и проживающие там длительный период (12 месяцев и более), но имеющие постоянное место жительства в стране, считаются временными эмигрантами и относятся статистикой к «временной» или «рабочей» эмиграции. Таким образом, в численность населения Республики Молдова включены все граждане, в том числе и выехавшие когда-то за границу, но не снявшиеся с учета с постоянного места жительства, так называемое население *de jure*. Все социально-экономические и демографические показатели рассчитываются по отношению к населению *de jure*, что привело к значительному их искажению, некоторые показатели занижены, другие завышены. Так как по настоящее время число граждан, покинувших страну, составляет около 20% (таблица 1), то разница между показателями, рассчитанными для населения *de jure* и наличного населения (резидентов, населения *de facto*), достаточно значительна.

Сложившаяся ситуация с учетом миграции и использование в качестве знаменателя численности населения *de jure* привели к тому, что на протяжении многих лет оценки КСР являются заниженными, что вводит в заблуждение как исследователей, так и тех, кто занимается разработкой политики. Основываясь на данных Национального бюро статистики (НБС), международных организаций, также отражающих официальные данные, исследователи относят Республику Молдову к странам со сверхнизким уровнем рождаемости (*lowest-low fertility*) [Архангельский 2018; Щербакова 2016].

Следует отметить, что данная проблема поднималась научным сообществом, были сделаны оценки численности наличного населения на основе текущей статистики НБС и различных источников по статистике миграции [Penina, Jdanov, Grigoriev 2015], а также были сделаны переоценки показателей рождаемости для календарных лет, некоторые оценки и прогнозы итоговой рождаемости реальных поколений [Gagauz 2016]. Кроме того, европейский проект *Human Fertility Database* предоставил оценки основных показателей рождаемости для Республики Молдова (*Human Fertility Collection*), рассчитанных для наличного населения, что способствовало доступу исследователей к более надежным данным.

Проведение Переписи населения и жилищ в 2014 г. (ПНЖ 2014) позволило получить важную информацию, в первую очередь, о численности наличного населения, а также о важных структурных характеристиках, касающихся рождаемости. Следует отметить, что переписи населения, проведенные в годы независимости Республики Молдова, сохранили важный вопрос, адресованный женщинам, о числе детей, рожденных живыми, что позволяет получить ценные данные об изменении рождаемости, в том числе в зависимости от различных социально-демографических характеристик женщин (года рождения, этнической принадлежности, уровня образования). Доступность новых данных открыла возможность для более детального анализа рождаемости и послужила основой для данного исследования.

В статье представлены основные тенденции изменения рождаемости в Республике Молдова в период после 1990 г., проанализированы особенности трансформации ее возрастной модели. Основываясь на исследовании рождаемости условных и реальных поколений, автор пытается ответить на один из важных вопросов: до какого уровня снизилась рождаемость в Республике Молдова и можно ли ее относить к странам с низкой или очень низкой рождаемостью (*low fertility or lowest-low fertility*).

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования были использованы различные источники данных.

- В качестве данных о численности женщин репродуктивного возраста (население под риском) по однолетним возрастным группам использовались данные переписей населения 2004 и 2014 г., а также оценки численности населения *de facto* [Penina, Jdanov, Grigoriev 2015].
- Данные переписей 2004 и 2014 г. о числе рожденных детей по однолетним возрастным группам женщин.
- Данные текущей статистики о числе рождений по возрасту матери для однолетних возрастных групп.
- Расчеты автора для однолетних когорт 1960-1975 годов рождения, основанные на ежегодных данных о рождениях, зарегистрированных в органах ЗАГС, и оценках численности женщин (*de facto*) по однолетним возрастным группам.

Исследование основывается на классических методах демографического анализа рождаемости, в частности на всестороннем сравнительном анализе возрастных и

кумулятивных коэффициентов рождаемости для условных и реальных поколений в разрезе однолетних возрастных групп.

Следует отметить проблему качества данных. Одной из основных по-прежнему остается проблема определения численности наличного населения Республики Молдова. Перепись населения и жилищ 2014 г. проходила в сложных социально-экономических и политических условиях, оказавших негативное влияние на ее организацию и проведение, соответственно и на результаты. В столице (г. Кишиневе) переписью было охвачено только 59% населения, в других административно-территориальных единицах – 91%. По данным переписи и дооценкам численности населения, сделанным на основе административных источников, население Республики Молдова составило 2998,2 тыс., в том числе 2789,2 тыс. – население с обычным местом жительства (резиденты, население *de facto*, население под риском). Следует отметить, что по оценкам исследователей [Penina, Jdanov, Grigoriev 2015] численность населения с обычным местом жительства (*de facto*) на 1 января 2014 г. составила 2911,6 тыс., на 122,4 тыс. (или на 4,2 п.п.) больше, чем по данным переписи (таблица 1), что указывает на относительно высокий уровень достоверности оценок численности населения, используемых в данном исследовании для расчета показателей рождаемости.

Таблица 1. Численность населения Республики Молдова по данным переписей 2004 и 2014 г., альтернативным оценкам и текущей статистике, тыс. человек

	2004	2014 (перепись)	2014 (перепись + дооценки)	2014 оценки*	2014 НБС, население <i>de jure</i>
Все население	3 383, 3	2 804, 8	2 998, 2	2911,6	3556,4
включая:					
резидентов	-	2 595, 7	2 789, 2	2911,6	3413,2
нерезидентов	-	209, 0	209, 0	-	143,2

Источник: Данные НБС, * – [Penina, Jdanov, Grigoriev 2015].

Примечание: Без Приднестровья и Муниципалитет Бендеры.

Что касается данных о числе рождений для календарных лет, то и в этом плане существуют некоторые проблемы полноты данных за последние несколько лет. Это связано с тем, что из года в год увеличивается численность населения, имеющего двойное гражданство – Республики Молдова и Румынии¹, что в свою очередь ведет к регистрации некоторого числа новорожденных в консульстве Румынии. В течение последних нескольких лет число новорожденных согласно данным медицинских учреждений превышает число новорожденных, зарегистрированных в органах ЗАГС, примерно на 5% (официальная статистика рождаемости основывается на данных о новорожденных, зарегистрированных в органах ЗАГС).

ТРАНСФОРМАЦИЯ УРОВНЯ И ВОЗРАСТНОГО ПРОФИЛЯ РОЖДАЕМОСТИ

Причины и факторы, обусловившие снижение рождаемости в странах восточной Европы, к

¹ По данным ПНЖ 2014 г. 176 тыс. (6,3% населения) обладают гражданством Румынии.

которым относится и Республика Молдова, широко обсуждались в научной литературе. Первоначально преобладали исследования, демонстрирующие определяющее влияние экономического кризиса 1990-х годов и социальной аномии [Billingsley 2010; Perelli-Harris 2008], затем все большее распространение и обоснование получили выводы о влиянии западных ценностей и идеологии, связанных со вторым демографическим переходом [Фрейка, Захаров 2014; Sobotka 2008, 2011; Zakharov 2008]. Однако эти два подхода не являются взаимоисключающими, экономический кризис и культурная диффузия оказывали одновременное влияние. Формирование рыночных отношений и демократических институтов по западному образцу послужили основой для изменения условий формирования семьи и деторождения, а также распространения норм, ценностей и установок западного типа демографического поведения [Frejka 2008].

Все большее распространение получило научное мнение о том, что изменение демографического поведения в большинстве европейских стран будет развиваться одинаково, но конвергенция будет достигнута в долгосрочной перспективе [Kuijsten 1996], в то время как расхождения (дивергенция) будут определяться разницей, касающейся дебюта демографического перехода, скоростью его развития [Fokkema, Liebroer 2008], а также экономическими, культурными и институциональными особенностями [Frejka, Sobotka 2008].

Исследования показывают, что откладывание рождений на более поздний период и повышение возраста материнства ведут к низкой рождаемости и чрезвычайно низкой рождаемости (*low fertility, lowest-low fertility*), регистрируемой для календарных лет [Kohler, Billari, Ortega 2002; McDonald 2008; Sobotka 2017].

Изменение рождаемости в Республике Молдова следует общеевропейским тенденциям, будучи особенно близким по своим характеристикам к странам – бывшим советским республикам [Sobotka 2003; Гагауз 2011, 2012, 2013]. Как и другие страны центральной и восточной Европы, Республика Молдова вступила в фазу второго демографического перехода с середины 90-х годов XX века, а в эволюции рождаемости появились новые тенденции, ранее не характерные для страны. Резкое сокращение КСР сопровождалось снижением рождаемости в самых молодых возрастных группах матерей и постепенным увеличением вклада в итоговую рождаемость старших возрастных групп, повышением среднего возраста женщин при вступлении в первый брак и при рождении первого ребенка, распространением партнерских союзов и внебрачных рождений.

Трансформация рождаемости в Республике Молдова происходит согласно общей модели [Frejka 2012], характерной для большинства стран, завершивших или находящихся в процессе перехода рождаемости (*fertility transition*). Так, на начальном этапе КСР снизился до своего исторического минимума – 1,44 рождений на одну женщину в 2002 г., затем начался медленный рост рождаемости как результат реализации отложенных рождений в предыдущий период (в молодых возрастах). В последние годы с некоторыми колебаниями КСР стабилизировался на уровне 1,6-1,65 рождений на одну женщину.

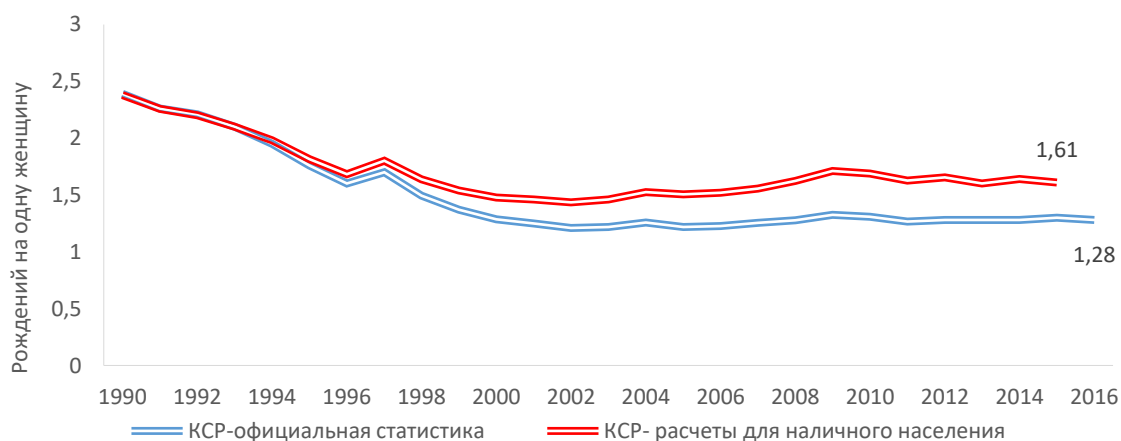

Рисунок 1. Коэффициент суммарной рождаемости, 1990-2016 гг. (различные оценки)

Источник: Расчеты автора.

Примечание: С 1998 г. без Приднестровья и Муниципалитет Бендеры.

Следуя общим тенденциям перестройки рождаемости, снижение КСР сопровождается изменением ее возрастного профиля. За последнее десятилетие кривые рождаемости сместились к более поздним возрастам и потеряли свою островершинность, указывавшую на концентрацию рождений в молодых возрастах, как это было еще в 2000 и 2004 гг. (рисунок 2). Впервые возрастные коэффициенты рождаемости в возрастной группе 25-29 лет превысили значения 20-24-летних в 2008 г., однако разница между показателями этих возрастных групп небольшая, более того, наблюдаются их некоторые колебания в сторону увеличения/уменьшения, что говорит о переходном профиле рождаемости – от молодого к более позднему. Вместе с тем ярким свидетельством постарения материнства является увеличение (примерно в два раза по сравнению с 2000 г.) возрастных коэффициентов рождаемости в возрастных группах 30-34 и 35-39 лет.

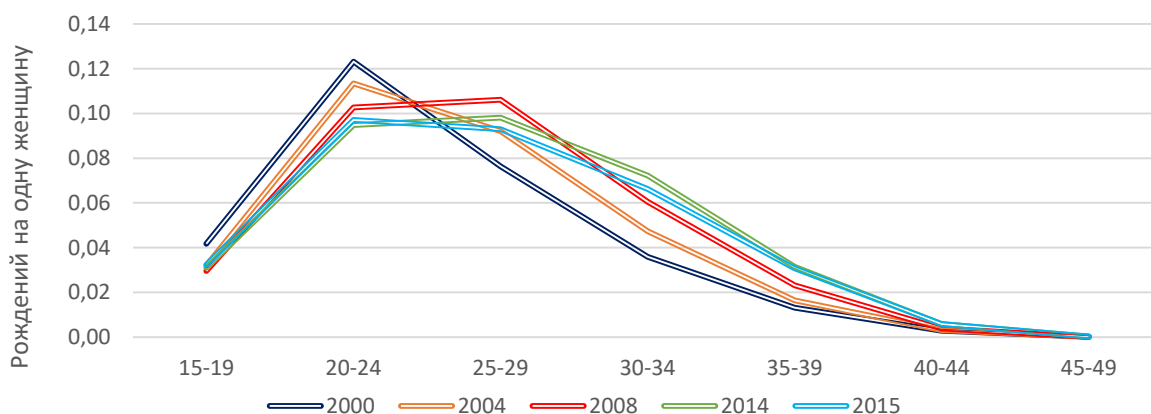

Рисунок 2. Возрастные показатели рождаемости, 2000-2015

Источник: Расчеты автора на основе данных статистики о рождениях и численности наличного населения.

Примечание: Без Приднестровья и Муниципалитет Бендеры.

Перестройка календаря рождений и откладывание материнства на более поздний период ведет к повышению среднего возраста матери при рождении всех очередностей и

при рождении первого ребенка. Начиная с 1995 г. наблюдается устойчивая тенденция роста этих показателей, среднегодовое увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка составило 0,1-0,2 года, а за почти два десятилетия (1995-2014 гг.) средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился на 2,7 года. По сравнению с другими странами центральной и восточной Европы, в которых трансформация рождаемости также началась в 90-е годы XX века, в Республике Молдова увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка происходит более низкими темпами. Так, за этот же период в России, Эстонии, Латвии, Польше значение этого показателя увеличилась более, чем на 3 года, а в Чехии более, чем на 4 года [HFD 2018]. Кроме того, в 2015 г. в Республике Молдова наблюдается снижение этого показателя на 0,3 года, что, на наш взгляд, скорее определяется структурными флуктуациями рождений по типам поселений (город/село), чем какими-либо существенными изменениями общих тенденций в динамике рождаемости.

Таблица 2. Средний возраст матери при рождении ребенка по очередности рождений и стандартное отклонение среднего возраста, 1991-2015, лет

Годы	Средний возраст матери при рождении и по очередности рождений				Стандартное отклонение			
	Все рождения	Первые	Вторые	Третьи	sdt	sd1	sd2	sd3
1991	25,1	22,3	25,8	29,4	5,3	3,9	4,2	4,6
1992	25,0	22,2	25,7	29,1	5,2	3,8	4,2	4,5
1993	24,9	22,1	25,7	29,1	5,3	3,9	4,2	4,6
1994	24,8	22,0	25,8	29,2	5,2	3,8	4,2	4,5
1995	24,7	21,9	25,7	29,0	5,2	3,9	4,3	4,5
1996	24,8	22,1	25,9	29,1	5,3	4,0	4,3	4,6
1997	25,0	22,3	25,8	29,1	5,3	4,0	4,3	4,7
1998	25,1	22,4	26,1	29,6	5,3	4,0	4,3	4,8
1999	25,2	22,6	26,2	29,6	5,3	4,0	4,3	4,7
2000	25,1	22,6	26,3	29,5	5,2	4,0	4,3	4,7
2001	25,3	22,7	26,5	29,8	5,2	4,0	4,3	4,7
2002	25,7	23,0	26,8	30,2	5,3	4,1	4,3	4,7
2003	25,9	23,2	27,1	30,2	5,2	4,0	4,4	4,6
2004	26,1	23,4	27,4	30,5	5,3	4,1	4,4	4,7
2005	26,2	23,5	27,5	30,5	5,3	4,1	4,4	4,7
2006	26,4	23,6	27,7	30,9	5,3	4,1	4,5	4,6
2007	26,6	23,9	28,0	31,1	5,3	4,2	4,5	4,7
2008	26,9	24,2	28,3	31,2	5,4	4,4	4,5	4,7
2009	27,1	24,3	28,4	31,5	5,5	4,5	4,6	4,6
2010	27,1	24,5	28,6	31,6	5,5	4,6	4,7	4,7
2011	27,2	24,5	28,6	31,7	5,5	4,6	4,7	4,7
2012	27,4	24,6	28,7	31,7	5,6	4,7	4,8	4,7
2013	27,5	24,6	28,7	31,8	5,7	4,8	4,8	4,7
2014	27,5	24,4	28,8	31,9	5,7	4,8	4,8	4,7
2015	27,3	24,1	28,5	31,7	5,8	4,7	5,0	5,0

Источник: Расчеты автора на основе данных статистики о рождениях и численности наличного населения.

Примечание: С 1998 г. без Приднестровья и Муниципалитет Бендеры.

Таким образом, в настоящее время в Республике Молдова профиль рождаемости является одним из самых молодых в регионе и сопоставим только с показателями Украины. Величина среднего квадратичного отклонения возраста от среднего значения говорит о большом разбросе возрастных показателей рождаемости, более того, за рассматриваемый период наблюдается его увеличение (таблица 2). Откладывание рождения первого ребенка

сопровождается откладыванием последующих рождений на более поздний период, при том что низкий возраст матери при рождении первого ребенка является одним из факторов, способствующих откладыванию последующих рождений.

Исследования в области рождаемости показывают, что снижение КСР до низкого и чрезвычайно низкого уровней в различных странах происходило за счет рождений разного порядка, что обусловлено разнообразием социально-культурной среды, экономической ситуацией, типом семейной политики, а также возможностями для совмещения семейных и профессиональных ролей [Zeman et al. 2018].

Таблица 3. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения на одну женщину и вклад рождений различной очередности в формирование КСР для календарных лет, 1991-2015

Год	Очередность рождений				Суммарная рождаемость КСР	Вклад рождений различной очередности в формирование КСР, %			
	1-е	2-е	3-и	4+		1-е	2-е	3-и	4+
1991	1,08	0,73	0,29	0,16	2,26	47,8	32,3	12,6	7,2
1992	1,02	0,73	0,29	0,16	2,20	46,4	33,1	13,4	7,2
1993	1,01	0,67	0,27	0,15	2,10	48,2	32,1	12,7	7,0
1994	0,96	0,64	0,25	0,14	1,98	48,3	32,4	12,5	6,8
1995	0,88	0,60	0,22	0,12	1,81	48,3	32,9	12,0	6,7
1996	0,82	0,55	0,20	0,11	1,68	48,9	32,7	11,8	6,6
1997	0,86	0,60	0,22	0,12	1,80	47,8	33,4	12,0	6,7
1998	0,79	0,53	0,18	0,12	1,63	48,7	32,8	11,3	7,2
1999	0,77	0,50	0,17	0,10	1,54	50,3	32,4	11,1	6,2
2000	0,77	0,46	0,16	0,09	1,48	52,0	31,1	10,5	6,4
2001	0,74	0,47	0,15	0,09	1,46	50,9	32,2	10,6	6,3
2002	0,71	0,49	0,15	0,09	1,44	49,3	33,9	10,5	6,4
2003	0,72	0,50	0,16	0,09	1,46	49,0	33,9	11,2	5,9
2004	0,75	0,52	0,17	0,08	1,53	49,5	34,0	10,9	5,6
2005	0,74	0,52	0,17	0,09	1,51	48,9	34,3	11,1	5,8
2006	0,74	0,53	0,16	0,08	1,52	48,5	35,2	10,8	5,6
2007	0,75	0,55	0,17	0,08	1,56	48,4	35,3	11,1	5,2
2008	0,80	0,57	0,18	0,08	1,62	49,0	35,1	10,9	5,0
2009	0,83	0,60	0,19	0,09	1,71	48,7	34,8	11,3	5,2
2010	0,85	0,57	0,19	0,08	1,69	50,3	33,8	11,1	4,9
2011	0,80	0,56	0,19	0,08	1,63	49,2	34,3	11,4	5,1
2012	0,78	0,60	0,19	0,08	1,65	47,3	36,1	11,5	5,1
2013	0,75	0,57	0,20	0,08	1,59	46,9	35,6	12,3	5,2
2014	0,74	0,60	0,22	0,09	1,65	45,1	36,1	13,2	5,5
2015	0,72	0,59	0,21	0,09	1,61	44,6	36,3	13,3	5,7

Источник: Расчеты автора на основе данных статистики о рожденьях и численности наличного населения.

Примечание: С 1998 г. без Приднестровья и Муниципалитета Бендеры.

С начала 90-х годов вплоть до 2002 г. снижение рождаемости в Республике Молдова происходило за счет снижения интенсивности рождений всех порядков, но наибольшее сокращение наблюдается для третьих, четвертых и более высокого ранга рождений (таблица 3). Изменился и вклад рождений различной очередности в формирование КСР: несколько повысился вклад рождений первой очередности, вклад вторых рождений существенно не изменился, тогда как вклад рождений третьего и более высокого порядков сократился.

С 2002 г., когда началось постепенное повышение КСР, структура рождаемости по очередности менялась достаточно динамично. Показатели суммарной рождаемости увеличивались для первых, вторых и третьих порядков, но для четвертых и более высоких рангов стагнировали примерно на одном уровне. В 2008-2011 гг. были достигнуты самые высокие значения суммарной рождаемости для рождений первой очередности (0,8-0,85 рождений на одну женщину), однако они существенно ниже, чем в начале 90-х годов. Суммарная рождаемость по очередности рождений, как и КСР, повышалась до 2009 г., затем опять началось снижение показателей, имеющее достаточно неравномерный характер. Так, суммарная рождаемость для первых рождений снизилась до уровня начала 2000-х годов, для вторых рождений с некоторыми колебаниями сохраняется примерно на одном уровне, однако для третьих рождений значения увеличились до уровня середины 90-х годов. Соответственно повысился вклад вторых и третьих рождений в формирование общей суммарной рождаемости. Суммарная рождаемость для четвертых и более высоких порядков сохраняется примерно на одном уровне, несущественные колебания наблюдаются и в показателе их вклада в КСР.

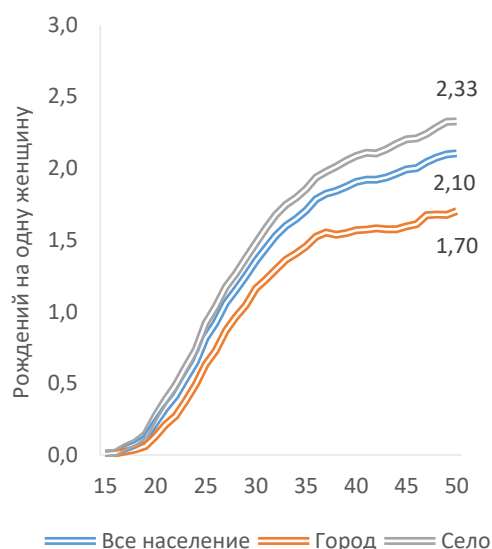
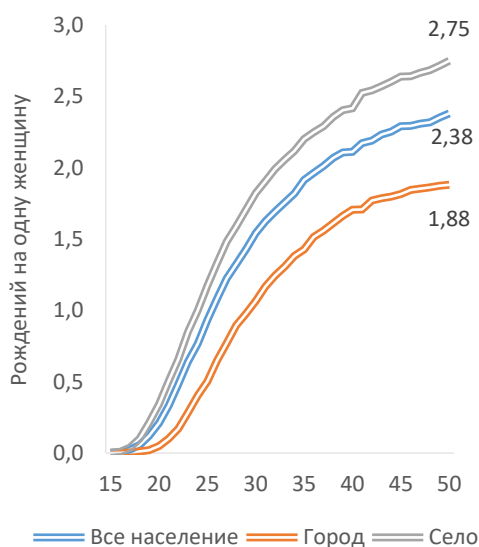

Рисунок 3. Среднее число рождений к определенному возрасту, 2004

Рисунок 4. Среднее число рождений к определенному возрасту, 2014

Источник: Рассчитано по данным переписей 2004 г. и 2014 г.

Примечание: без Приднестровья и Муниципалитет Бендеры.

Сравнение данных о среднем числе рожденных детей к определенному возрасту женщин, показывает, что за период между переписями 2004 и 2014 гг. произошло существенное сокращение рождаемости (рисунки 3 и 4). Для населения в целом этот показатель упал с 2,38 рождения до 2,1 (-0,28) на одну женщину в возрасте 50 лет при том, что для сельского населения снижение было более существенным (с 2,75 рождения до 2,33; -0,42) и несколько меньше для городского (с 1,88 рождения до 1,7; -0,18). Вместе с тем среднее число детей в расчете на одну женщину в возрасте 50 лет сохраняется на относительно высоком уровне – 2,1 рождения.

Снижение показателей за период между переписями населения отмечается для всех возрастных групп, которые относятся к основному репродуктивному контингенту (таблица 4.). Для женщин, достигших 30-, 35- и 40-летнего возраста снижение составляет примерно 0,2 рождения на одну женщину, а для 45-летних – около 0,3 рождения.

Таблица 4. Распределение женщин по числу рожденных детей к определенному возрасту по данным переписей 2004 и 2014 гг.

Возраст	Среднее число рожденных детей		Доля женщин, родивших 3 и более детей, %		Не родили ни одного ребенка, %	
	2004	2014	2004	2014	2004	2014
20	0,2	0,2	-	-	81,5	81,0
25	0,9	0,8	3,4	4,0	34,9	43,0
30	1,5	1,3	12,1	9,6	14,0	22,0
35	1,9	1,7	21,0	17,0	8,0	14,0
40	2,1	1,9	28,0	22,0	6,0	9,2
45	2,3	1,9	34,0	24,0	5,4	7,0
50	2,4	2,1	35,5	28,0	5,9	6,3

Источник: Рассчитано по данным переписей 2004 и 2014 г.

Примечание: Без Приднестровья и Муниципалитета Бендеры.

Следует отметить снижение доли женщин, родивших трех и более детей. Среди женщин, достигших 45 лет, их доля составила 24%, что на 10 п.п. меньше, чем в 2004 г., также сократилась их доля и среди 50-летних: с 35,5% до 28,0%. Несмотря на это, доля женщин, родивших трех и более детей, сохраняется на достаточно высоком уровне, даже к 30 годам почти каждая десятая женщина является многодетной матерью², а к 40 годам – каждая пятая.

Добровольная бездетность нехарактерна для Республики Молдова. Социологические опросы показывают высокую значимость деторождения и материнской функции в системе ценностей населения. Рождение как минимум одного ребенка является важной социальной нормой, поэтому доля женщин, не родивших ни одного ребенка к концу репродуктивного возраста (к 50 годам), сохраняется на низком уровне, несмотря на некоторое повышение этого показателя (5,9% в 2004 г. и 6,3% в 2014 г.).

Распределение женщин по числу рожденных детей показывает (рисунок 5), что наибольшая доля приходится на женщин, родивших двоих детей, что подтверждает приверженность населения двухдетной модели семьи. Более 45% женщин в возрасте 40 лет и старше родили двоих детей, достаточно высока их доля и в возрастной группе 30-34-летних (39%) и даже в возрастной группе 25-29 лет почти каждая четвертая женщина уже родила двоих детей.

² Согласно Закону РМ о социальной помощи №547 от 25.12.2003: «Многодетная семья — семья с тремя и более детьми».

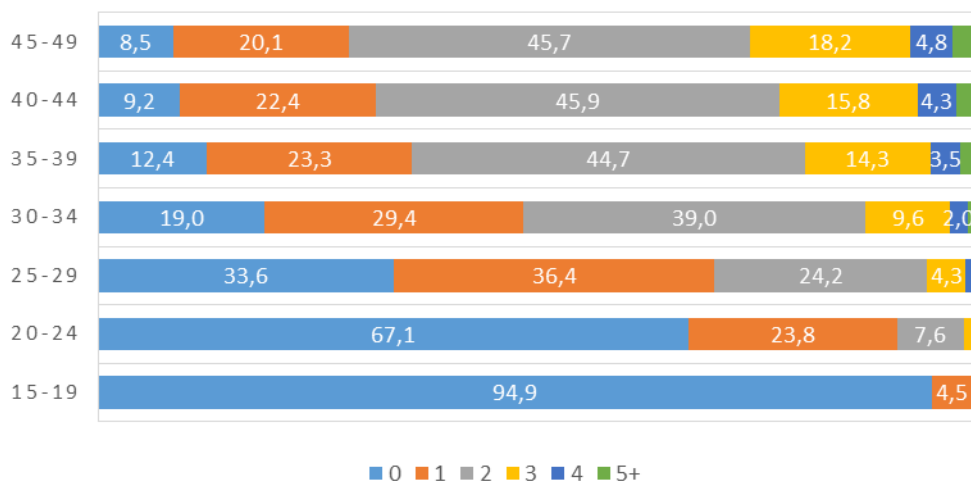

Рисунок 5. Распределение женщин по числу рожденных детей, 2014, %

Источник: Рассчитано по данным ПНЖ 2014 г.

Примечание: Без Приднестровья и Муниципалитет Бендеры.

РОЖДАЕМОСТЬ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Исследования показывают, что рождаемость изменяется относительно медленно и не подвержена большим колебаниям от одного поколения к другому, несмотря на влияние экономических, социальных факторов и различных мер семейной политики. При перестройке календаря рождений итоговая рождаемость реальных поколений может оставаться на прежнем уровне либо может продолжать снижаться. Совокупные эффекты отсрочки деторождения при завершённой рождаемости также остаются относительно незначительными – отчасти потому, что большинство женщин достигают своей первой беременности в возрасте задолго до начала периода возможного бесплодия и таким образом могут реализовать свои репродуктивные установки, но и отчасти потому, что другие факторы могут компенсировать эффекты позднего материнства. Например, во Франции, которая имеет один из самых высоких возрастов при первом материнстве в Европе, сохраняется относительно стабильный уровень итоговой рождаемости поколений, близкий к уровню замещения поколений [Frejka, Sobotka 2008]. В других странах западной и северной Европы переход к модели позднего материнства также не оказал существенного влияния на показатель итоговой рождаемости, тогда как в немецкоязычных странах рождаемость установилась на очень низком уровне. Вместе с тем сокращение рождаемости реальных поколений является ведущей тенденцией для большинства европейских стран, оно происходило в несколько этапов и было обусловлено снижением рождаемости различных порядков [Zeman et al. 2018].

Что касается классификации уровня рождаемости для реальных поколений в терминах «низкой» или «чрезвычайно низкой» рождаемости, то в демографической литературе еще нет общепринятого определения. Как известно, изменения «темпа» приводят к значительному искажению рождаемости для календарных лет и, как правило,

на протяжении нескольких десятилетий когортные показатели в странах с низкой рождаемостью значительно выше, чем для условных поколений. В недавних исследованиях рождаемость реальных поколений на уровне 1,75 рождения на одну женщину была использована в качестве порога, ниже которого когортная рождаемость может считаться «очень низкой» [Myrskylä, Goldstein, Cheng 2013; Rindfuss, Choe, Brauner-Otto 2016]. Этот же уровень был использован для изучения изменений когортной рождаемости по паритету в странах с низким уровнем рождаемости [Zeman et al. 2018]. В данном исследовании автор также использует порог в 1,75 рождения на одну женщину как показатель низкой рождаемости когорт, при котором замещение поколений обеспечивается только на 85%.

В Республике Молдова наблюдается устойчивая тенденция снижения рождаемости для реальных когорт женщин (рисунок 6). Так, если итоговая рождаемость поколений 30-х годов прошлого столетия была на уровне 2,5 рождения и выше, то 40-х и 50-х – уже в среднем на уровне 2,2, а 60-х – на уровне, необходимом для воспроизводства поколения или близком к нему. Поколения 70-х, особенно родившиеся в их второй половине и еще не завершившие репродуктивный период, исходя из накопленной рождаемости и прогнозам, в среднем будут иметь еще более низкую рождаемость. Достаточно существенные колебания рождаемости для условных поколений мало отражаются на динамике показателя для реальных поколений, а КСР для календарных лет по-прежнему остается на более низком уровне, чем итоговая рождаемость реальных поколений, которая, несмотря на снижение, сохраняется на относительно высоком уровне, близком к уровню воспроизводства поколений.

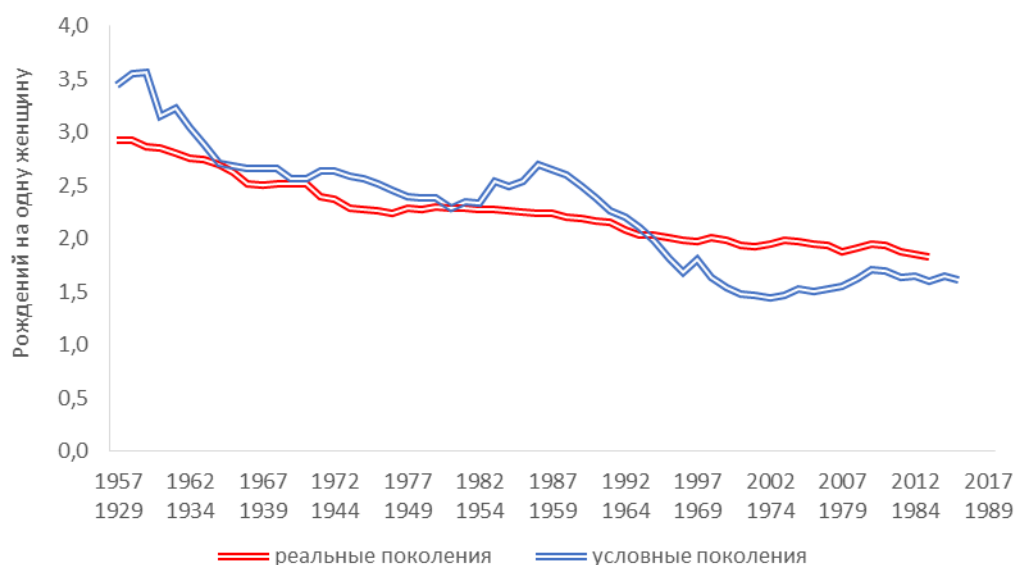

Рисунок 6. Рождаемость условных (1957-2015 гг.) и реальных поколений (1929-1985 годов рождения)

Источник: Переписи населения, расчеты автора на основе данных текущей статистики.

Примечание: Для поколений 1971-1985 годов рождения итоговая рождаемость включает и прогноз ожидаемой рождаемости до конца репродуктивного периода.

Анализ возрастного профиля рождаемости реальных поколений является отражением тенденций, наблюдаемых для условных поколений: существенное сокращение коэффициентов рождаемости в молодых возрастах и постепенное их повышение в возрасте 30 лет и старше (рисунок 7). Выделяются островершинностью и концентрацией рождений в возрасте 20-21 год кривые рождаемости женских когорт 1969-1971 годов рождения, которые в наибольшей степени отреагировали на меры семейной политики социалистического государства 80-х годов. Для более молодого поколения 1975 года рождения кривые рождаемости приобретают более плавную форму, тем не менее наибольшие значения возрастных коэффициентов приходятся на молодой возраст 19-22 года.

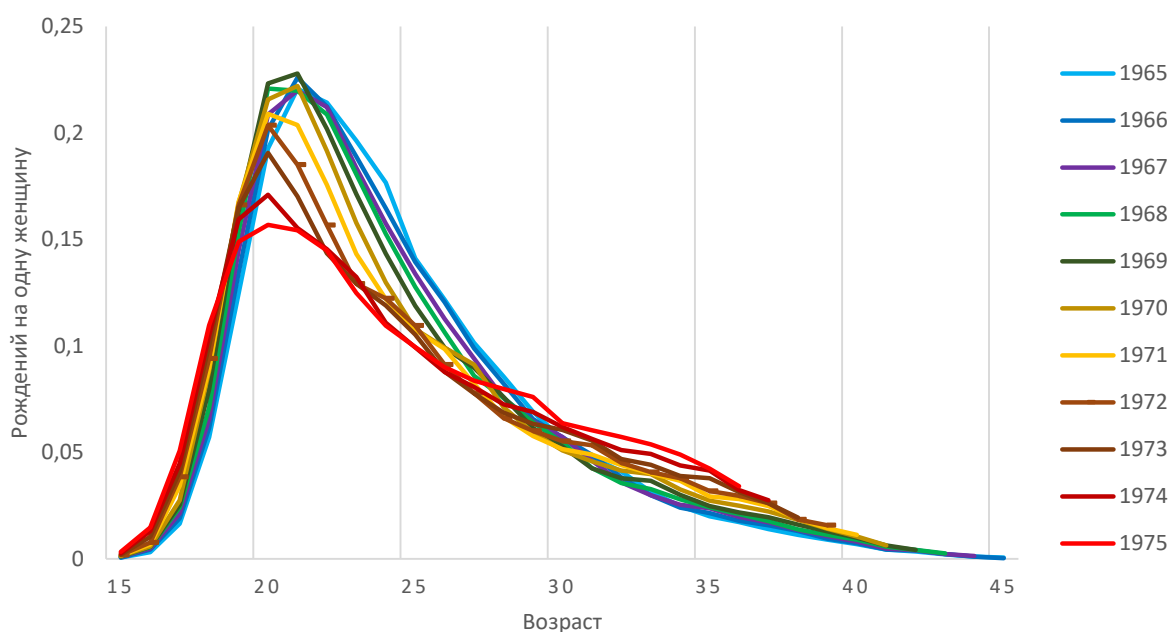

Рисунок 7. Возрастные коэффициенты рождаемости женских поколений 1965-1975 годов рождения

Источник: Расчеты автора на основе данных текущей статистики о рождаемости и данных о населении de facto.

Согласно данным ПНЖ 2014, итоговая рождаемость женских поколений, завершивших или находящихся в возрасте завершения детородного периода – 1965-1968 годов рождения, составляет 2,04-1,99 рождения на одну женщину (таблица 5). Учитывая ранний возраст деторождения, их наиболее высокая репродуктивная активность пришлась на середину-конец 1980-х годов, в период социалистического строя, в таких социальных и экономических условиях, которые поддерживали рождаемость на уровне замещения поколений или близком к нему.

На более молодые поколения (1969-1971 годов рождения), которые на момент ПНЖ 2014 были в возрасте 41-44 года, в среднем приходится 1,97-1,95 рождения. Возраст активного деторождения этих поколений совпал с введением мер семейной политики 80-х годов XX века, которые, как показывает итоговая рождаемость этих поколений, не оказали существенного влияния на итоговую рождаемость этих поколений, а лишь привели к изменению календаря материнства – рождению детей в более раннем возрасте. Можно

предположить, что их итоговая рождаемость несколько увеличится, но незначительно, так как возрастные коэффициенты рождаемости в возрасте 45 лет и старше приближаются к нулю.

Женские поколения, родившиеся в середине 70-х годов прошлого столетия и достигшие на момент ПНЖ 2014 возраста 37-40 лет, перешагнули рубеж 1,8 рождений на одну женщину, а самое молодое поколение женщин 1980 года рождения к 33-34-летнему возрасту на момент переписи достигло уровня 1,6 рождений на одну женщину.

Таблица 5. Рождаемость реальных поколений женщин 1965-1980 годов рождения

Возраст в 2014 г., лет	Год рождения когорты	Оценки на основе преобразования данных текущей статистики	Среднее число рожденных детей по данным ПНЖ 2014 г.	Разница между оценками и ПНЖ 2014 г.	Прогнозируемая итоговая рождаемость
48-49	1965	2,00	2,04	-0,04	-
47-48	1966	2,03	2,04	-0,01	-
46-47	1967	2,00	2,00	0,00	-
45-46	1968	2,00	1,99	0,01	-
44-45	1969	2,01	1,97	0,04	-
43-44	1970	2,01	1,94	0,07	2,01
42-43	1971	1,95	1,93	0,01	1,98
41-42	1972	1,91	1,91	0,00	1,94
40-41	1973	1,86	1,91	-0,05	1,92
39-40	1974	1,87	1,88	-0,01	1,95
38-39	1975	1,84	1,85	-0,01	1,98
37-38	1976	1,89	1,82	0,07	1,98
36-37	1977	1,86	1,80	0,06	1,97
35-36	1978	1,83	1,73	0,09	1,95
34-35	1979	1,78	1,67	0,10	1,94
33-34	1980	1,70	1,60	0,10	1,91

Источник: Данные ПНЖ 2014, расчеты автора на основе данных текущей статистики.

Примечание: Для прогнозирования итоговой рождаемости использовали гамма-функцию.

Следует отметить, что оценки итоговой/накопленной рождаемости, сделанные на основе преобразования данных текущей статистики о рождаемости и использования оценок о численности наличного населения, достаточно хорошо согласуются с результатами ПНЖ 2014. Только для самых молодых поколений 1978-1980 годов рождения разница приближается к 0,1 рождению на одну женщину. Прогноз итоговой рождаемости даже для самых молодых поколений дает оценки не ниже 1,9 рождений на одну женщину, что свидетельствует о сохранении в Республике Молдова относительно высокого уровня рождаемости.

Наибольшую долю в когортах 1965-1970 годов рождения, завершивших или приближающихся к завершению репродуктивного периода, составляют женщины, родившие двоих детей (45-47%). В когортах 1967-1970 годов рождения наблюдается увеличение доли женщин, родивших только одного ребенка (до 22,9%), и сокращение рождений третьего и более высокого порядка. Так, если среди женщин, родившихся в 1965 г., доля тех, кто родил троих и более детей составила 26,9%, то среди женщин 1970 года рождения несколько меньше – 22,9% (рисунок 8).

Доля женщин, которые не родили ни одного ребенка, невысока и составляет 6,6-7,1% для женских поколений 1965-1968 годов рождения и 8-8,6% для более молодых поколений 1969-1970 годов рождения.

Более молодые поколения (1971-1975 годов рождения), еще не завершившие репродуктивный период, вероятно, укрепят установившиеся тенденции. На момент ПНЖ 2014 их возраст чуть превышал или приближался к 40 годам, что позволяет предположить, что еще не реализованные рождения не внесут существенных изменений в их итоговую рождаемость и распределение по числу рожденных детей.

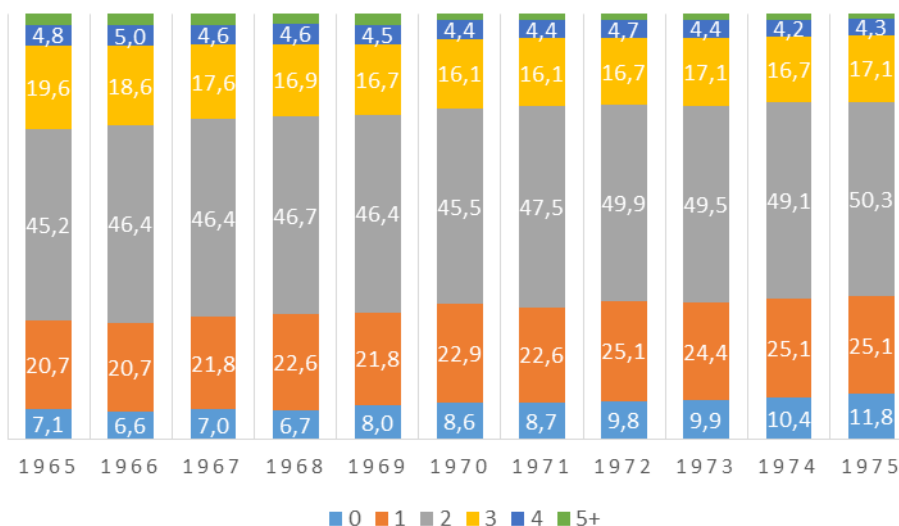

Рисунок 8. Женские поколения 1965-1975 годов рождения по числу рожденных детей, %

Источник: Данные ПНЖ 2014.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОЖДАЕМОСТЬ

После обретения независимости в 1991 г. Республика Молдова столкнулась с затяжным социально-экономическим кризисом, снижением уровня жизни широких слоев населения, распространением бедности. Несмотря на некоторое улучшение ситуации в определённые периоды, напряжённость сохраняется по настоящее время, реализовать существенный экономический прорыв и улучшить материальные условия жизни населения стране не удалось, что является одним из выталкивающих факторов для молодого образованного населения в поисках работы или переезда в страны с более высоким уровнем жизни.

Вместе с тем социальные трансформации, рост территориальной мобильности населения способствовали культурной и нормативной либерализации, вызвавшей быстрое изменение взглядов молодежи на супружество, семью и место ребенка в иерархии приоритетов и решений, а также моделей семьи, сексуального и матримониального поведения.

Массовая миграция, особенно из сельской местности, разделила многие семьи, а длительное раздельное проживание во многих случаях привело к распаду брака. Эти тенденции были наиболее характерны для конца 1990-х – начала 2000-х годов. Изменение миграционной политики принимающих стран и либерализация визового режима со странами ЕС, с одной стороны, помогли многим семьям воссоединиться, а с другой – способствовали повышению интенсивности миграции, в том числе семейной.

Широкое вовлечение женщин в трудовую миграцию оказало влияние на изменение их репродуктивных установок. В настоящее время нет исследований, позволяющих измерить влияние трудовой миграции на рождаемость, тем не менее доступные данные говорят о снижении репродуктивных намерений женщин-трудовых мигрантов, которые ввиду сложности материальной ситуации и необходимости работать вынуждены пересматривать свои планы, откладывая рождение ребенка или отказываясь от него [Женщины-мигранты... 2011].

Одним из факторов, влияющих на рождаемость в Республике Молдова, является распределение населения между городскими и сельскими поселениями. Так, продолжает сохраняться низкий уровень урбанизации (38% от общего населения страны), более того, за годы независимости доля сельских жителей в общей численности населения увеличилась, что обусловлено территориальным разделением правого и левого берегов Днестра и ведением статистики без Приднестровья с относительно высокой долей городского населения. Низкая доступность жилья, отсутствие рабочих мест, особенно в небольших городах, привели к снижению внутренней миграции из села в город, что, в свою очередь, привело к увеличению численности и доли экономически неактивного населения в сельской местности.

Большая экономическая, социальная, культурная и демографическая разница между городским и сельским населением определяет специфику воспроизводства населения страны. Рождаемость сельского населения оказывает определяющее влияние на уровень и характеристики рождаемости страны в целом в силу того, что на протяжении последних двух десятилетий доля рождений в сельской местности в общей численности рождений составляет около 62-65%.

Низкий уровень занятости, особенно в сельской местности, определяет высокую долю незастрахованных получателей пособий при рождении и по уходу за ребенком и оказывает негативное влияние на материальное положение семей после рождения ребенка. Из общего числа получателей разовых пособий по рождению ребенка в 2004-2015 гг. более 2/3 составляют незастрахованные лица, а среди получателей ежемесячных пособий – более 1/2. Размер пособий не покрывает размер прожиточного минимума на ребенка, соотношение размеров ежемесячного пособия и прожиточного минимума для застрахованных лиц составляет около 80%, а для незастрахованных – только 30%.

Быстрое сокращение населения и неблагоприятные демографические показатели (низкая ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость, не обеспечивающая воспроизводство населения, массовая эмиграция) вызвали необходимость принятия Стратегической национальной программы в области демографической безопасности Республики Молдова на 2011-2025 гг. Одним из ее приоритетов является повышение

уровня рождаемости путем создания благоприятных условий для совмещения профессиональных и семейных ролей, развития системы услуг для детей, в том числе в возрасте до трех лет (ясли/детские сады), улучшения доступа населения к качественным услугам по планированию семьи.

За мониторинг и координацию процесса внедрения Стратегии отвечает Министерство здравоохранения, труда и социальной защиты, а контроль за выполнением был возложен на Национальную комиссию по народонаселению и развитию при правительстве Республики Молдова. В 2016 г. независимые эксперты провели оценку внедрения плана работы на 2011-2016 гг. [Vuzu, Lutenco 2016]. Основные выводы экспертов сводятся к тому, что программа малоэффективна, многие политические инициативы носят общий и декларативный характер, не имеют конкретно установленных целей, во многих случаях относятся к общей сфере деятельности и ответственности министерств, а ее финансовая необеспеченность не позволяет реализовать намеченные цели. Было рекомендовано в новом плане работ сконцентрироваться на специфических проблемах, установить конкретные цели и сроки их реализации, а также процесс мониторинга и координации. Однако новый план до сих пор не был принят, кроме того, Национальная комиссия в области населения и развития перешла в субординацию Министерства здравоохранения, труда и социальной защиты, что значительно ограничивает ее возможности по контролю и межведомственной координации процесса внедрения программы.

Вместе с тем за предшествующий период были достигнуты некоторые положительные изменения в области семейной политики. Так, одним из важных шагов в продвижении участия отцов в семейной жизни и воспитании детей являются принятые в 2016 г. законодательные изменения, согласно которым отец новорожденного ребенка имеет право на отпуск по отцовству продолжительностью 14 календарных дней, предоставляемый по письменному заявлению в течение первых 56 дней после рождения ребенка.

Отпуск по отцовству оплачивается из фонда социального страхования в размере средней заработной платы за соответствующий период, при этом период отчислений в социальный фонд должен составлять не менее трех лет. Работодатель обязан поощрять работников к использованию отпуска по отцовству.

Для поддержания материального уровня семей с детьми и создания благоприятных условий для реинтеграции женщин на рынке труда выплата ежемесячного пособия по уходу/воспитанию ребенка не прекращается, если мать или отец (получатель пособия) восстанавливается на работе на условиях сокращенной продолжительности рабочего времени. Если же получатель выплаты трудоустраивается или восстанавливается на работе на условиях полной продолжительности рабочего времени до истечения отпуска по уходу за ребенком, назначенное ежемесячное пособие по уходу/воспитанию ребенка отменяется.

Кроме того, была сокращена продолжительность отпуска по уходу за ребенком, который еще до недавнего времени составлял 3 года оплачиваемого и еще 3 года неоплачиваемого отпуска с сохранением рабочего места. В 2017 г. были внесены соответствующие изменения в трудовое законодательство, согласно которым отпуск по уходу за ребенком сократился до четырех лет, из них 3 года – оплачиваемый отпуск.

Следует также отметить некоторые успехи, достигнутые в области планирования семьи и репродуктивного здоровья. В последнее десятилетие особое внимание было уделено сокращению абортов и улучшению услуг по прерыванию беременности. При поддержке ВОЗ и других международных организаций были разработаны и утверждены Правила и стандарты для проведения безопасных абортов, созданы 6 центров-моделей по оказанию комплексных услуг по прерыванию беременности в амбулаторных условиях. В результате значительно улучшились показатели структуры методов прерывания беременности, значительно сократилась доля абортов, проводимых с помощью кюретажа (с 45% до 24% в 2010-2015 гг.) и увеличилась доля более безопасных методов – вакуумной аспирации (с 54% до 62%) и медикаментозного аборта (с 1% до 14%).

Несмотря на некоторое сокращение (с 41,2 на 100 живорожденных в 2008 г. до 34,2 в 2015 г.), уровень абортов остается достаточно высоким и по-прежнему остается одним из способов внутрисемейного регулирования рождаемости.

Доля замужних и женщин, находящихся в партнерском союзе, использующих современные методы контрацепции, достаточно низка (41,7%), а финансовая недоступность современных методов контрацепции и низкий уровень информированности населения являются основными причинами их низкого распространения. Гормональная оральная контрацепция используется незначительной частью женщин (5%), большее распространение получили внутриматочное средство (20%) и презерватив (12%) [National Centre... 2014].

Выводы

Несмотря на то, что итоговая рождаемость реальных поколений сохраняется на относительно высоком уровне, близком к замещению поколений, сокращение численности населения в молодых возрастах в результате миграции неизбежно ведет к сокращению числа рождений для календарных лет, что в ближайшей и среднесрочной перспективе будет иметь серьезные социально-экономические и демографические последствия для страны.

Снижение рождаемости в Республике Молдова является закономерной тенденцией, вызванной вторым демографическим переходом, начавшимся в странах восточной Европы в середине 90-х годов прошлого столетия. По сравнению с другими странами это снижение началось с более высоких уровней, однако уже в начале 2000-х годов КСР снизился до уровней, сопоставимых с другими постсоветскими странами европейского региона. Вместе с тем исследование уровня рождаемости для условных и реальных поколений показало, что Республика Молдова не относится к странам с низкой или очень низкой рождаемостью (*low fertility or lowest-low fertility*).

Общий профиль рождаемости сохраняет черты восточно-европейской модели, что прослеживается в распределении возрастных коэффициентов рождаемости, а также среднем возрасте деторождения. Несмотря на структурные изменения, процесс постарения материнства идет медленными темпами, молодой профиль рождаемости по-прежнему сохраняется, более того, рост среднего возраста матери при рождении первого ребенка приостановился.

Более высокий по сравнению с другими странами уровень рождаемости, а также медленные темпы перестройки рождаемости определяются высокой долей сельского населения в общей структуре, способствующей сохранению традиционного образа жизни, гендерных стереотипов и соответствующей модели рождаемости.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В.Н. (2018). Рождаемость // Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / Под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 55 с. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment> (дата обращения: 21.02.2018).
- Гагауз О. (2011). Низкая рождаемость в Молдове // Демоскоп Weekly. 457-458. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0457/tema01.php> (дата обращения: 10.01.2018).
- Гагауз О. (2012). Молдова в процессе глобализации низкой рождаемости // Демографическое развитие: вызовы глобализации. Седьмые Валентеевские чтения. Международная конференция (Москва, Россия, 15-17 ноября 2012 г.) / Под ред. В.А. Ионцева и др. М.: МАКС Пресс: 261-270.
- Гагауз О. (2013). Молдова на пути второго демографического перехода: структурные изменения рождаемости // Экономический рост в условиях глобализации. Вып.8. Материалы международной научно-практической конференции, научная сессия "Демографическое развитие: вызовы для социальной политики" (Кишинев, 17-18 окт. 2013): 36-46.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России (2011) / Под ред. Е.В. Тюрюканова. М.: МАКС Пресс. 120 с.
- Фрейка Т., С. Захаров (2014). Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 1: 106-143.
- Щербакова Е.М. (2016). Демографическая ситуация в странах СНГ, 2014 год // Демоскоп Weekly. 675-676. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/barom01.php> (дата обращения: 10.01.2018).
- Billingsley S. (2010). The post-communist fertility puzzle // Population Research and Policy Review. 29(2): 193-231.
- Buzu A., V. Lutenco (2016). Are we up to the task? Assessment report of the National Strategic Programme on Demographic security 2011-2025. Chisinau: 95.
- Fokkema T., A. Liefbroer (2008). Trends in living arrangements in Europe: Convergence or divergence? // Demographic Research. 19 (36): 1351-1418.
- Frejka T. (2008). Overview Chapter 5: Determinants of family formation and childbearing during the societal transition in Central and Eastern Europe. Demographic research volume. 9(7): 139-170. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/7/> DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.7 (accessed: 22.01.2018).
- Frejka T. (2012). The role of contemporary childbearing postponement and recuperation in shaping period fertility trends // Comparative Population Studies. 36(4): 927-957.

- Frejka T., T. Sobotka (2008). Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement // *Demographic research*. 19(3):15-46. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/3/> DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.3. (accessed: 20.12.2017).
- Gagauz O. (2016). Low fertility rate and population decline // *Population Situation Analysis in the Republic of Moldova* / Gagauz Olga, Stratan A. et al., eds. Chisinau: 63-69. URL: <http://ccd.md/en/20-principala-mod/143-population-situation-analysis-in-the-republic-of-moldova> (accessed: 21.12.2017).
- HFD (2018). The Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). URL: www.humanfertility.org (data downloaded on 22.04.2018).
- Kohler H.-P., F. Billari, J. Ortega (2002). The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s. // *Population and Development Review*. 28(4): 641-681.
- Kuijsten A. (1996). Changing family patterns in Europe: a case of divergence // *European Journal of Population*. 12(2): 115-143.
- McDonald P. (2008). Very low fertility consequences, causes and policy approaches // *The Japanese Journal of Population*. 6(1). URL: http://www.ipss.go.jp/webj-ad/WebJournal.files/Population/2008_4/02mcdonald.pdf (accessed: 10.12.2017).
- Myrskylä M., J. Goldstein, Y.-H.A. Cheng (2013). New cohort fertility forecasts for the developed world: rises, falls, and reversals // *Population and Development Review*. 39(1): 31-56.
- National Centre of Public Health of the Ministry of Health of the Republic of Moldova, United Nations Children's Fund (UNICEF) (2014). 2012 Republic of Moldova Multiple Indicator Cluster Survey MICS, Final Report. Chisinau, Republic of Moldova.
- Penina O., D.A. Jdanov, P. Grigoriev (2015). Producing reliable mortality estimates in the context of distorted population statistics: the case of Moldova // *MPIDR Working Paper WP-2015-011*, 35 pages (November 2015). Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Perelli-Harris B. (2008). Ukraine: on the border between old and new. Childbearing trends and policies: Country case studies / T. Frejka, J. Hoem, L. Toulemon, eds. *Demographic Research*. 19:29. 1145-1178.
- Rindfuss R.R., M.K. Choe, S.R. Brauner-Otto (2016). The emergence of two distinct fertility regimes in economically advanced countries // *Population Research and Policy Review*. 35(3): 287-304.
- Sobotka T. (2011). Fertility in Central and Eastern Europe after 1989: collapse and gradual recovery // *Historical Social Research*. 36. 2: 246-296.
- Sobotka T. (2003). Re-emerging diversity: rapid fertility changes in Central and Eastern Europe after the collapse of the communist regimes // *Population Journal*. 58(4/5):451-485.
- Sobotka T. (2008). The diverse faces of the second demographic transition in Europe // *Demographic Research*. 19(8): 171-224.
- Sobotka T. (2017). Post-transitional fertility: childbearing postponement and the shift to low and unstable fertility levels // *Vienna Institute of Demography Working Paper and Human Fertility Database Research Report VID WP 01/2017 and HFD RR 01/2017*: 37.

- Zakharov S. (2008). Russian Federation: From the first to the second demographic transition / T. Frejka, J.M. Hoem, T. Sobotka, L. Toulemon, eds. // *Childbearing Trends and Policies in Europe*. Max Planck Institute for Demographic Research: 907-972.
- Zeman K., E. Beaujouan, Z. Brzozowska, T. Sobotka (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios // *Demographic research*. 38(25): 651-690.

FERTILITY IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: EUROPEAN TRENDS AND NATIONAL PARTICULARITIES

OLGA GAGAUZ

Currently, the official statistics of the Republic of Moldova, based on de jure population data that include citizens who are absent 12 months or more from the country, give underestimated total fertility rates, which has led to the country's being classified as among those with lowest-low fertility.

Based on de facto population data and the results of the Population and Housing Census of 2014, the level and main trends in fertility dynamics are analyzed from a period and cohort perspective. The main goal of the study is to trace to what level the fertility rate has decreased in the Republic of Moldova and whether it can be considered a country with low or lowest-low fertility.

The results of the research show that the transformation of fertility is taking place according to the general model specific to most countries that have completed or are in the process of fertility transition, but is characterized by a slower pace. In the last few years, the period fertility rate has become fixed at 1.6-1.65 births per woman, whereas for cohorts that have completed or are at the end of the reproductive period it is 1.9-2.0 births per woman. Even for the youngest generations, who had reached the age of 35 at the time of the census (2014), the average number of children born exceeded 1.7. Although the average number of births was decreasing by the end of the reproductive period in the intercensal period, the average number of births per women at the age of 50 was 2.1, and the proportion of those who have not given birth to any child remains relatively low.

Based on the results of the study, the author concludes that the Republic of Moldova does not belong to the group of countries with low or lowest-low fertility, and that the preservation of a higher fertility than in other countries is determined by the predominance of the rural population in the general structure.

Key words: *fertility, period and cohort indicators, age-specific fertility rates, mother`s mean age at birth, cumulative fertility.*

OLGA GAGAUZ (gagauzo@inbox.ru), NATIONAL INSTITUTE FOR ECONOMIC RESEARCH, REPUBLIC OF MOLDOVA.

DATE RECEIVED: JUNE 2018.

REFERENCES

- Arhangeliskiy V.N. (2018). Rozhdaemost' [Natality] // Demograficheskoe razvitie postsovetskogo prostranstva: sb. statey i analiticheskikh materialov [Demographic development of the post-Soviet space: collection of articles and analytical materials] / M.B. Denisenko, R.V. Dmitreeva, V.V. Ylizarova, eds. Moscow: Ekonomicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova. 55 p. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment> (accessed: 21.02.2018).
- Billingsley S. (2010). The post-communist fertility puzzle // Population Research and Policy Review. 29(2): 193-231.
- Buzu A., V. Lutenco (2016). Are we up to the task? Assessment report of the National Strategic Programme on Demographic security 2011-2025. Chisinau: 95.
- Fokkema T., A. Liefbroer (2008). Trends in living arrangements in Europe: Convergence or divergence? // Demographic Research. 19(36): 1351-1418.

- Frejka T. (2008). Overview Chapter 5: Determinants of family formation and childbearing during the societal transition in Central and Eastern Europe. Demographic research volume. 9(7): 139-170. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/7/> DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.7 (accessed: 22.01.2018).
- Frejka T. (2012). The role of contemporary childbearing postponement and recuperation in shaping period fertility trends // Comparative Population Studies. 36(4): 927-957.
- Frejka T., T. Sobotka (2008). Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement // Demographic research. 19(3):15-46. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/3/> DOI: 10.4054/DemRes.2008.19.3. (accessed: 20.12.2017).
- Frejka T., S. Zakharov (2014). Evolyutsiya rozhdamosti v Rossii za polveka: optika uslovykh i real'nykh pokoleniy [Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 1: 106-143.
- Gagauz O. (2011). Nizkaya rozhdamost' v Moldove [Low fertility in Moldova] // Demoscop Weekly [Demoscope Weekly]. 457-458. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0457/tema01.php> (accessed: 10.01.2018).
- Gagauz O. (2012). Moldova v protsesse globalizatsii nizkoy rozhdamosti [Moldova in the process of low fertility globalization] // Demograficheskoe razvitiye: vyzovy globalizatsii [Demographic development: challenges of globalization]. Sed'mye Valenteevskie chteniya [The Seventh Valenteevskiy Chteniya]. Mezhdunarodnaya konferentsiya [International conference] (Moscow, Russia, November 15-17 2012) / V.A. Iontsev, ed. Moscow: MAKSS Press: 261-270.
- Gagauz O. (2013). Moldova na puti vtorogo demograficheskogo perekhoda: strukturnye izmeneniya rozhdamosti [Moldova on the path of the second demographic transition: structural changes in the birth rate] // Ekonomicheskiy rost v usloviyakh globalizatsii [Economic growth in the conditions of globalization]. Vip.8 [Issue 8]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, nauchnaya sessiya "Demograficheskoe razvitiye: vyzovy dlya sotsial'noy politiki" [Materials of the international scientific-practical conference, scientific session "Demographic development: challenges for social policy"]. (Kishinev, 17-18 okt. 2013): 36-46.
- Gagauz O. (2016). Low fertility rate and population decline // Population Situation Analysis in the Republic of Moldova / Gagauz Olga, Stratan A. et al., eds. Chisinau: 63-69. URL: <http://ccd.md/en/20-principala-mod/143-population-situation-analysis-in-the-republic-of-moldova> (accessed: 21.12.2017).
- HFD (2018). The Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). URL: www.humanfertility.org (data downloaded on 22.04.2018).
- Kohler H.-P., F. Billari, J. Ortega (2002). The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s. // Population and Development Review. 28(4): 641-681.
- Kuijsten A. (1996). Changing family patterns in Europe: a case of divergence // European Journal of Population. 12(2): 115-143.
- McDonald P. (2008). Very low fertility consequences, causes and policy approaches // The Japanese Journal of Population. 6(1). URL: http://www.ipss.go.jp/webj-ad/WebJournal.files/Population/2008_4/02mcdonald.pdf (accessed: 10.12.2017).
- Myrskylä M., J. Goldstein, Y.-H.A. Cheng (2013). New cohort fertility forecasts for the developed world: rises, falls, and reversals // Population and Development Review. 39(1): 31-56.

- National Centre of Public Health of the Ministry of Health of the Republic of Moldova, United Nations Children's Fund (UNICEF) (2014). 2012 Republic of Moldova Multiple Indicator Cluster Survey MICS, Final Report. Chisinau, Republic of Moldova.
- Penina O., D.A. Jdanov, P. Grigoriev (2015). Producing reliable mortality estimates in the context of distorted population statistics: the case of Moldova // MPIDR Working Paper WP-2015-011, 35 pages (November 2015). Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Perelli-Harris B. (2008). Ukraine: on the border between old and new. Childbearing trends and policies: Country case studies / T. Frejka, J. Hoem, L. Toulemon, eds. Demographic Research. 19:29. 1145-1178.
- Rindfuss R.R., M.K. Choe, S.R. Brauner-Otto (2016). The emergence of two distinct fertility regimes in economically advanced countries // Population Research and Policy Review. 35(3): 287-304.
- Shcherbakova E.M. (2016). Demograficheskaya situatsiya v stranakh SNG, 2014 god [Demographic situation in the CIS countries, 2014 year] // Demoscop Weekly [Demoscope Weekly]. 675-676. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/barom01.php> (accessed: 10.01.2018).
- Sobotka T. (2003). Re-emerging diversity: rapid fertility changes in Central and Eastern Europe after the collapse of the communist regimes // Population Journal. 58(4/5):451-485.
- Sobotka T. (2008). The diverse faces of the second demographic transition in Europe // Demographic Research. 19(8): 171-224.
- Sobotka T. (2011). Fertility in Central and Eastern Europe after 1989: collapse and gradual recovery // Historical Social Research. 36. 2: 246-296.
- Sobotka T. (2017). Post-transitional fertility: childbearing postponement and the shift to low and unstable fertility levels // Vienna Institute of Demography Working Paper and Human Fertility Database Research Report VID WP 01/2017 and HFD RR 01/2017: 37.
- Zakharov S. (2008). Russian Federation: From the first to the second demographic transition / T. Frejka, J.M. Hoem, T. Sobotka, L. Toulemon, eds. // Childbearing Trends and Policies in Europe. Max Planck Institute for Demographic Research: 907-972.
- Zeman K., E. Beaujouan, Z. Brzozowska, T. Sobotka (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios // Demographic research. 38(25): 651-690.
- Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii [Women-migrants from the CIS countries in Russia] (2011) / E.V. Tyuryukanova, ed. Moscow: MAKS Press. 120 p.

НОРМАТИВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СЕМЬЮ И ГЕНДЕР: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖИТЕЛИ ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ 2008 ГОДА)

МАРГАРИТА ФАБРИКАНТ, ВЛАДИМИР МАГУН

В статье представлены результаты сравнительного исследования уровня традиционности–модерности нормативных взглядов русскоязычного населения Латвии и Эстонии на семью и гендер. Была выдвинута гипотеза, что русскоязычные занимают промежуточное положение между относительно более традиционными по своим взглядам россиянами и относительно более современными жителями обеих стран – латышами и эстонцами. Для проверки гипотезы были использованы данные Европейского исследования ценностей, собранные в 2008 г. и включающие семь индикаторов семейно-гендерных нормативных взглядов. Полученные результаты подтвердили более сильную традиционность взглядов русскоязычного населения Латвии и Эстонии в сравнении с нерусскоязычным населением этих стран. В то же время оказалось, что значимые отличия русскоязычных жителей Латвии и Эстонии друг от друга и от россиян отсутствуют. Таким образом, все эти три группы характеризуются большей традиционностью, нежели эстонцы и латыши. Внутристрановые отличия взглядов русскоязычных жителей Латвии и Эстонии от живущих с ними в одной стране носителей латышского или эстонского языка отражают характерную для русскоязычного населения этих стран двойственную идентичность, в которой присутствует и сознание принадлежности к своей стране (Латвии или Эстонии), и одновременно сознание принадлежности к носителям русского языка и русской культуры, для которых референтной группой, трендсеттером, является Россия. Во всех пяти изученных группах более традиционные взгляды характерны для респондентов старшего возраста и состоящих в зарегистрированном браке. При этом значимого влияния уровня образования и дохода, гендерных различий, а также различий между иммигрантами в первом и втором поколениях и неиммигрантами не обнаружено.

Ключевые слова: модернизация, социальные нормы, гендер, семья, Россия, Прибалтика.

ВВЕДЕНИЕ

Нуклеаризация семьи и изменение ее функций, фундаментальные изменения в детской смертности и рождаемости, индивидуализация образа жизни людей – все эти процессы, разворачивающиеся в России и мире в рамках демографической модернизации [Вишневецкий, Захаров, Иванова 2006; Вишневецкий 2010], связаны с появлением новых стереотипов поведения и новых социальных норм.

Изменения, которые отмечаются в качестве ключевых для характеристики второго демографического перехода, включают размывание границ социального института брака и распространение новых форм легитимного партнерства, таких как сожительство; выдвижение в центр семейной жизни отношений любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи; формирование в связи с этим терпимого отношения к разводам; прогресс в сфере равноправия женщин, мужчин, представителей сексуальных меньшинств [Lesthaeghe 1995].

МАРГАРИТА САУЛОВНА ФАБРИКАНТ (mfabrykant@hse.ru), НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

ВЛАДИМИР САМУИЛОВИЧ МАГУН (maghome@yandex.ru), ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

Статья поступила в редакцию в июле 2018 г.

Смысл всех этих изменений – в снятии существовавших в традиционном институте брака ограничений, в расширении возможностей личного выбора как между различными формами организации семейной жизни, так и между семьей и другими сферами жизни, в движении к равновысокой социальной ценности и социальному достоинству всех членов общества. В более широком плане, по мнению американских исследователей А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко, речь идет о дальнейшем и более последовательном воплощении в жизнь выдвинутых Просвещением идеалов свободы, равенства и терпимости [Thornton, Young-DeMarco 2001]. Р. Инглхарт рассматривает демографическую модернизацию как одно из направлений общего процесса модернизации и культурной эволюции [Инглхарт 2018; Borinskaya et al. 2014].

Демографическая модернизация включает и модернизацию гендерных отношений. В этой, как и в других сферах, демографическая модернизация выражается не в установлении единого эталона «эмансипированной женщины», а в легитимации свободы индивидуального выбора и конструирования гендерных ролей [Freedman 2007; Gill 2007; Kostenko, Kuzmichev, Ponarin 2016].

В разных странах мира эти процессы в целом характеризуются одинаковой направленностью [Вишневский 2011], но стартовали они в разное время и протекают с разной скоростью. В связи с этим наблюдаются различия между странами по степени приверженности людей этим новым социальным нормам. В.И. Сакевич, анализируя результаты социологического опроса, проведенного американским Pew Research Center в 2013 г. в 40 странах, обращает внимание на многомерность межстрановых различий в вопросах морали в сфере гендерно-семейных отношений. При наличии групп относительно более традиционных и более современных стран, межстрановые различия внутри каждой из этих групп могут иметь свои особенности в зависимости от конкретного вопроса [Сакевич 2014]. В то же время показано, что нормативные представления взаимосвязаны и образуют общий фактор традиционности–модерности, куда входят показатели согласия с суждениями по широкому кругу норм гендерно-семейных отношений [Магун 2009; Фабрикант, Магун 2014].

Сравнения России с другими европейскими странами по этому обобщенному параметру позволили установить, что Россия характеризуется средневысоким показателем традиционности нормативных взглядов на семейно-гендерные отношения. Средние показатели большинства европейских стран статистически значимо отличаются от российской средней в более современную сторону. Примечательно, что среди этих стран оказались Латвия и Эстония, в которых имеются значительные (27% в Эстонии [Population by ethnic... 2017] и 30% в Латвии [Latvia Population 2018]) доли русскоязычного населения. По результатам ряда исследований, русскоязычные меньшинства имеют собственные социальные идентичности [Vihalemm, Masso 2003; Ivlevs 2013; Cheskin 2015; Ehin 2016], и многим представителям этих меньшинств присуща культурная привязанность (attachment) к России. Как пишут Т. Вихалемм и А. Массо, характеризуя одну из групп своих русскоязычных респондентов в Эстонии, «их культурная и гражданская привязанности направлены к разным полюсам: гражданская – к Эстонии, а культурная – к России» («Their cultural and civic attachment is oriented towards different poles, that is the civic attachment towards Estonia and the cultural

attachment towards Russia» [Vihalemm, Masso 2003: 110-111]). Можно предположить, что эта культурная привязанность влияет и на особенности семейно-гендерных взглядов русскоязычных меньшинств.

Исследование М.Г. Руднева посвящено базовым ценностям, а не семейно-гендерным нормативным представлениям, но оно – одно из немногих, где прямо изучалось влияние принадлежности к русскоязычному меньшинству на характеристики субъективной культуры [Руднев 2009]. В отношении русскоязычных жителей Эстонии автор показал, что их ценности, измеренные по методике Ш. Шварца, оказались ближе к ценностям российского населения, нежели к ценностям их сограждан, говорящих по-эстонски. В отношении русскоговорящих жителей Латвии картина иная: они по своим ценностям ближе к латышам, нежели к россиянам, хотя и немного меньше отличаются от россиян, чем латыши. Руднев обнаружил в Эстонии и Латвии внутристрановые различия между ценностями русскоязычных и нерусскоязычных жителей этих стран. В обеих странах русскоязычные респонденты отличались более низкими показателями ценностей открытости изменениям и более высокими показателями ценностей сохранения. Ценности сохранения предполагают большую приверженность наиболее распространенным в настоящее время взглядам, ценности же открытости – наоборот, большую готовность к изменениям, инновационность. Можно предположить, что эти ценности проявляются и в сфере семейно-гендерных норм, и поэтому русскоязычное население Эстонии и Латвии будет привержено более традиционным нормам, нежели живущие в тех же странах эстонцы и латыши.

Цель настоящего исследования – изучить влияние принадлежности к русскоязычному меньшинству на нормативные взгляды жителей Эстонии и Латвии. Ранее было выявлено, что средние показатели Латвии и Эстонии указывают на их большую модерность и меньшую традиционность по сравнению с россиянами. Учитывая, что русскоязычное население Латвии и Эстонии находится под влиянием взглядов на семью и гендер, которые распространены в России, но в то же время испытывают воздействие и тех взглядов, которые распространены в их собственных странах, мы предполагаем, что русскоязычное население будет придерживаться более традиционных представлений в семейно-гендерной сфере, чем латыши и эстонцы, но при этом более современных, чем россияне.

ДАННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЯ

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы данные 5-ой волны Европейского исследования ценностей (European Values Study, далее – EVS), собранные в 2008 г. Европейское исследование ценностей проводится на репрезентативных страновых выборках. Нами были использованы данные для выборок по России, а также Латвии и Эстонии – двух стран с существенной долей русскоязычного населения. Объем российской выборки – 1504, латвийской и эстонской – 1506 и 1518 респондентов соответственно. Принадлежность респондентов двух прибалтийских стран к русскоязычным определяли на основании переменной «язык, на котором проводилось интервью с респондентом», включенной в базу данных. На этом основании эстонская выборка была разделена на 469 русскоязычных и 1049 использовавших эстонский язык, а латвийская – на 531 русскоязычных и 975 использовавших

латышский язык. Всем российским респондентам предлагали опросник на русском языке. В дальнейшем респонденты из российской выборки будут обозначаться как россияне, респонденты из Латвии и Эстонии, выбравшие русскоязычную версию опросника, – как русскоязычные в Латвии и Эстонии, а жители Латвии и Эстонии, проходившие опрос на государственных языках своих стран, – соответственно, как латыши и эстонцы.

В качестве зависимых переменных для исследования были отобраны 7 показателей, характеризующих представления людей о гендерных и семейных нормах. Большинство этих норм четко сфокусировано на горизонтальных отношениях между партнерами либо на вертикальных отношениях между родителями и детьми, но для описания нескольких норм потребовались дополнительные признаки. По каждой норме одни варианты ответа соответствуют более традиционным, консервативным взглядам, а другие, напротив, более современным, либеральным. Шкалы для ответов об отношении респондентов к разным нормам не совпадали по числу градаций. Для удобства обработки и интерпретации данных числовые обозначения по всем этим шкалам переменных были перекодированы таким образом, чтобы меньшим значениям соответствовала более традиционная нормативная ориентация, а большим – более современная.

Перечислим 3 переменные, характеризующие взгляды людей на горизонтальные отношения.

Переменная, которая в базе данных EVS указана под номером *v150*, соответствует вопросу анкеты: *«Согласны Вы или нет со следующим утверждением: “Брак – это устаревший способ организации семьи”?»* Варианты ответа: *«1 – Не согласен. 2 – Согласен»*, согласие с утверждением, что брак устарел, соответствует более современным нормам, несогласие – более консервативным.

Переменная *v153* в анкете соответствует вопросу: *«Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: Брак или длительные постоянные отношения необходимы, чтобы быть счастливым»*. Варианты ответа: *«1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Не согласен. 5 – Полностью не согласен»*. Согласие с утверждением о необходимости постоянных отношений соответствует более традиционным нормам, несогласие – более современным.

Переменная *v155* соответствует вопросу: *«Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: Я считаю нормальным совместное проживание без заключения брака»*. Варианты ответа: *«1 – Полностью не согласен. 2 – Не согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Согласен. 5 – Полностью согласен»*. Согласие с приемлемостью внебрачного сожительства соответствует более современным нормам, несогласие – более традиционным.

Еще 3 переменные характеризуют взгляды людей на вертикальные отношения между родителями и детьми.

Переменная *v149* соответствует вопросу: *«Как Вы считаете, необходимо ли женщине для того, чтобы чувствовать себя полноценной, иметь детей или это не обязательно?»* Варианты ответа: *«1 – Необходимо иметь детей. 2 – Не обязательно»*. Согласие с

необходимостью для женщины иметь детей соответствует более традиционным нормам, несогласие – более современным¹.

Переменная *v151* соответствует вопросу: «Если женщина хочет иметь ребенка, не желая при этом устанавливать прочные отношения с мужчиной, одобряете Вы это или нет?» Варианты ответа: «1 – Не одобряю. 2 – Смотря по обстоятельствам. 3 – Одобряю». Одобрение желания женщины стать «матерью-одиночкой» соответствует более современным нормам, неодобрение – более традиционным.

Следующая переменная *v154* отражает отношение к норме, которая находится в процессе формирования, толерантность к социальным явлениям, которые регулируются посредством этой нормы, возникла относительно недавно, и поэтому она представляет собой своего рода «передний край» модернизации. Речь идет о праве гомосексуальной пары иметь детей, и в этой норме присутствует двойная непривычность для респондентов: новизна проявляется прежде всего в допустимости самого существования гомосексуальной пары и уже дополнительно к этому – в допустимости для нее усыновлять ребенка (т.е. здесь имеет место комбинация двух видов нетрадиционных отношений: и по горизонтали, и по вертикали). В анкете вопрос звучал так: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: Гомосексуальные пары должны иметь возможность усыновлять детей». Варианты ответа: «1 – Полностью не согласен. 2 – Не согласен. 3 – Ни то, ни другое. 4 – Согласен. 5 – Полностью согласен». Согласие с правом на усыновление для гомосексуальных пар соответствует более современным ценностям, несогласие – более традиционным.

Еще один показатель касается взглядов людей на соотношение семейных и трудовых ролей в жизни женщины. В традиционной системе взглядов в качестве приоритетных или даже единственно возможных для женщины рассматривались роли жены и матери, а мужчине отводилась роль добытчика, модернизация же выражается в отказе от гендерной асимметрии в распределении ролей. Переменная *v161* отражает эти изменения и соответствующий вопрос звучит так: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: Работа – это хорошо, но в действительности, большинство женщин хотят иметь дом и детей». Варианты ответа: «1 – Полностью согласен. 2 – Согласен. 3 – Не согласен. 4 – Полностью не согласен». Согласие с утверждением, что дом и дети, а не работа, – подлинная потребность женщины, соответствует более традиционным ценностям, а несогласие – более современным.

Анализ этих данных был проведен в два этапа. На первом (описательном) этапе были построены частотные распределения по каждой переменной внутри каждой из пяти выборок: русскоязычных в Латвии, русскоязычных в Эстонии, латышей, эстонцев и россиян. Далее все семь описанных выше переменных были подвергнуты факторному анализу методом главных осей (без вращения), таким образом была построена новая переменная, отражающая обобщенную традиционность–модерность нормативных взглядов на семью и гендер и проведено сравнение средних значений этой переменной в разных страноязыковых группах. На втором (объяснительном) этапе влияние страноязыковой принадлежности респондентов на

¹ В Европейском исследовании ценностей присутствует аналогичный вопрос о необходимости иметь детей мужчине. Его включению в анализ помешали ошибки перевода в анкетах, предназначенных для части выборочных совокупностей.

традиционность-модерность их нормативных взглядов оценивали с помощью моделей линейного регрессионного анализа, в которых, наряду с фактором страноязыковой принадлежности, участвовали контрольные социально-демографические переменные. К ним относятся: пол (мужской или женский); возраст (число полных лет, вычислено по дате рождения респондента; медианный возраст респондентов составил 47 лет при минимальном значении 18 лет, максимальном – 98 лет); наличие высшего образования; матримониальный статус (состоит в зарегистрированном браке и живет вместе с супругом/супругой – не состоит в браке и/или не живет вместе с супругом/супругой); число детей у респондента (количественная переменная); размер населенного пункта (пятибалльная шкала: 1 – меньше 5 тыс. человек, 2 – 5-20 тыс., 3 – 20-100 тыс., 4 – 100-500 тыс., 5 – от 500 тыс.); являются ли респондент, его отец или мать иммигрантами (три отдельные дихотомические переменные); уровень среднемесячного дохода домохозяйства, к которому принадлежит респондент (доход в каждой стране измерялся в ее денежных единицах, весь внутрискановой диапазон доходов был разделен на 15 интервалов, и респондент выбирал интервал, к которому принадлежит, в международном массиве эти оценки перекодировались в трехбалльную шкалу «низкий – средний – высокий»).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Описательные характеристики показателей традиционности–модерности семейно-гендерных нормативных взглядов

На первом этапе анализа рассмотрим распределения нормативных взглядов в каждой из пяти страноязыковых групп, в графической форме они представлены на рисунках 1-7, на каждом рисунке выборки расположены слева направо в порядке от наибольшей традиционности нормативных представлений к наименьшей традиционности или большей модерности.

На рисунке 1 приводятся распределения реакций респондентов на суждение «Брак – это устаревший способ организации семьи», согласие с этим утверждением отражает более современные, а несогласие – более традиционные представления. Различия между распределениями в данном случае очень малы и статистически незначимы, около 80% респондентов во всех пяти выборках не согласны с тем, что институт брака устарел. Таким образом, большинство населения во всех рассматриваемых совокупностях рассматривает институт брака как необходимый элемент общественной организации.

Следующее тестируемое утверждение – «Брак или длительные постоянные отношения необходимы, чтобы быть счастливым». В нем упомянутый в предыдущем суждении институт брака дополнен вариантом «длительных постоянных отношений», которые могут существовать и без официального оформления брака. Изменена также модальность нормативного высказывания с негативной («устарел») на позитивную («чтобы быть счастливым»). Кроме того, респондентам предлагается более дробная шкала (пятибалльная вместо двухбалльной). Все эти изменения не слишком изменили порядок цифр, характеризовавших рассмотренную выше нормативную приверженность официальному браку: в разных выборках сумма ответов «согласен» и «полностью согласен» колеблется от 69

до 82%. Это означает, что большинство респондентов рассматривают институты официального брака или длительного неофициального партнерства как универсальную социальную норму.

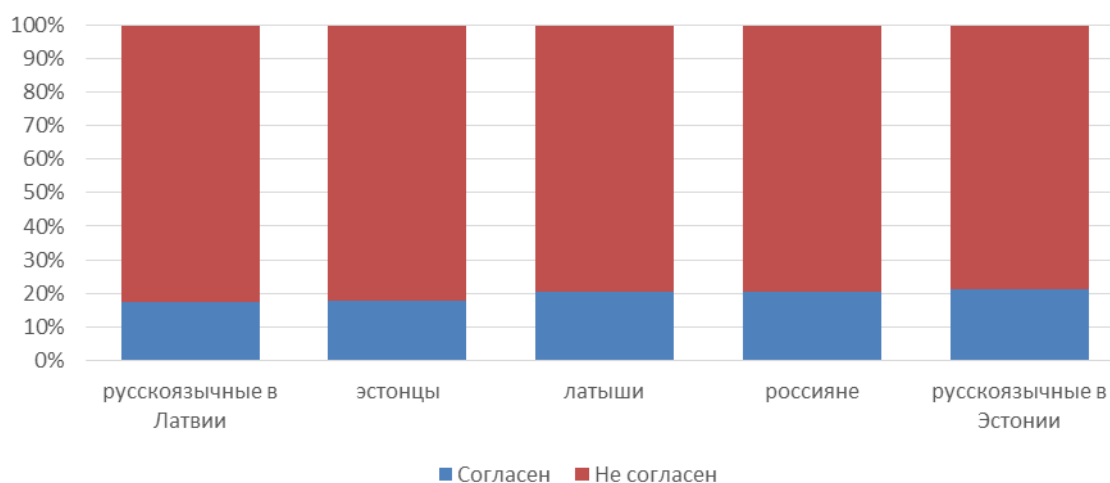

Рисунок 1. Реакции на суждение «Брак – это устаревший способ организации семьи» в пяти языковых группах

Вместе с тем реакции респондентов на данное суждение оказались более чувствительны к языковым различиям. По суммарной доле согласных плюс полностью согласных рассматриваемые группы делятся на две категории: более традиционно настроенные россияне и русскоязычные жители Латвии и Эстонии, с одной стороны, и менее традиционно настроенные латыши и эстонцы.

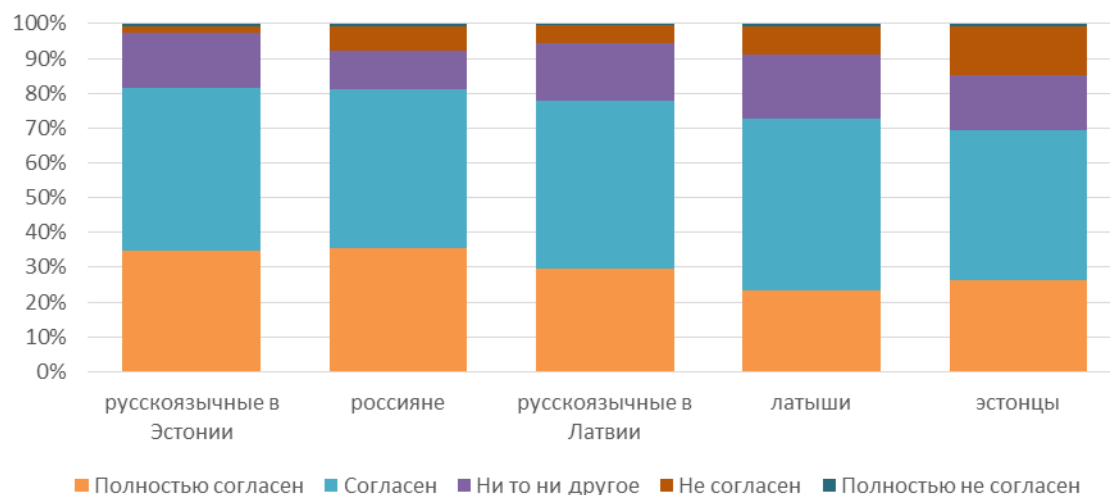

Рисунок 2. Реакции на суждение «Брак или длительные постоянные отношения необходимы, чтобы быть счастливым» в пяти языковых группах

Рисунок 3 отражает реакции респондентов на утверждение о допустимости сожительства. Здесь преобладают современные нормативные представления: от 59 до 80% респондентов в каждой выборке согласны либо полностью согласны с допустимостью

сожителства без официальной регистрации брака. Эта информация дополняет картину нормативных взглядов на разные формы отношений между партнерами. Реакции на два предшествующих вопроса указывают на то, что респонденты считают брак или длительное совместное проживание социальной нормой, теперь же мы видим, что респонденты «разрешают» и отклонение от этой нормы. Они считают нормальным совместное проживание без заключения брака, причем не обязательно длительное, правда не всегда связывают такую форму отношений с ощущениями счастья. Наибольшее согласие с «нормальностью» сожителств выражают эстонцы и латыши (их доли согласия значимо не различаются), наименьшее согласие – россияне. Русскоязычные в Латвии и Эстонии занимают по степени согласия промежуточную позицию, значимо отличаясь от россиян и эстонцев и незначимо от латышей.

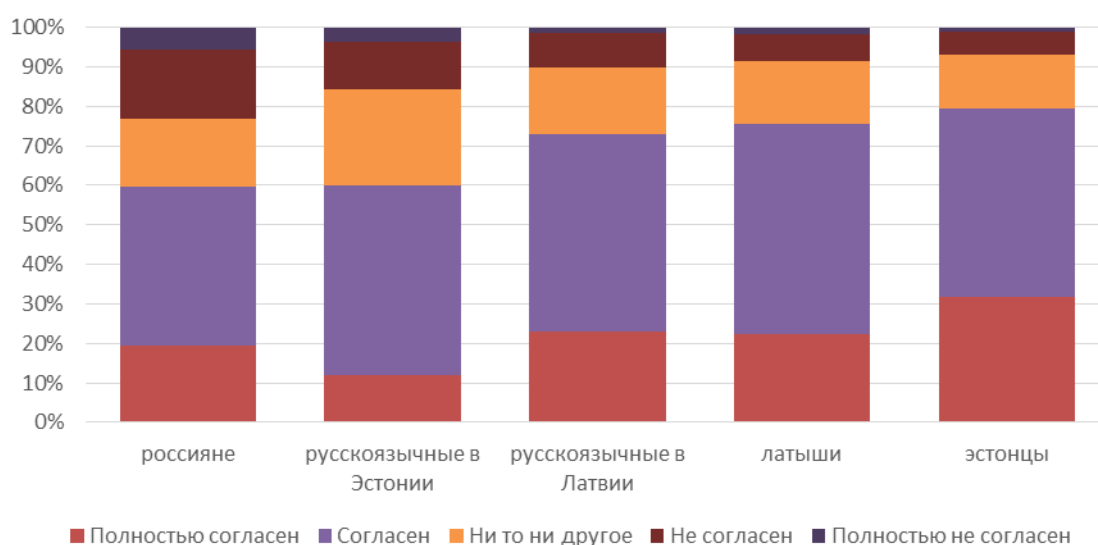

Рисунок 3. Реакции на суждение «Я считаю нормальным совместное проживание без заключения брака» в пяти страноязыковых группах

На рисунке 4 представлены распределения позиций респондентов в отношении необходимости для женщины иметь детей. Здесь сильно преобладают традиционные взгляды, не менее двух третей респондентов в каждой выборке считают, что для ощущения собственной полноценности женщине необходимо иметь детей. Россияне и русскоязычные в Латвии и Эстонии (не различающиеся между собой) чаще всего оказываются носителями традиционных представлений. Реже всего (в 67% случаев) такие взгляды выражают эстонцы; латыши занимают в этом отношении промежуточное положение, но их показатель ближе к показателям россиян и русскоязычных.

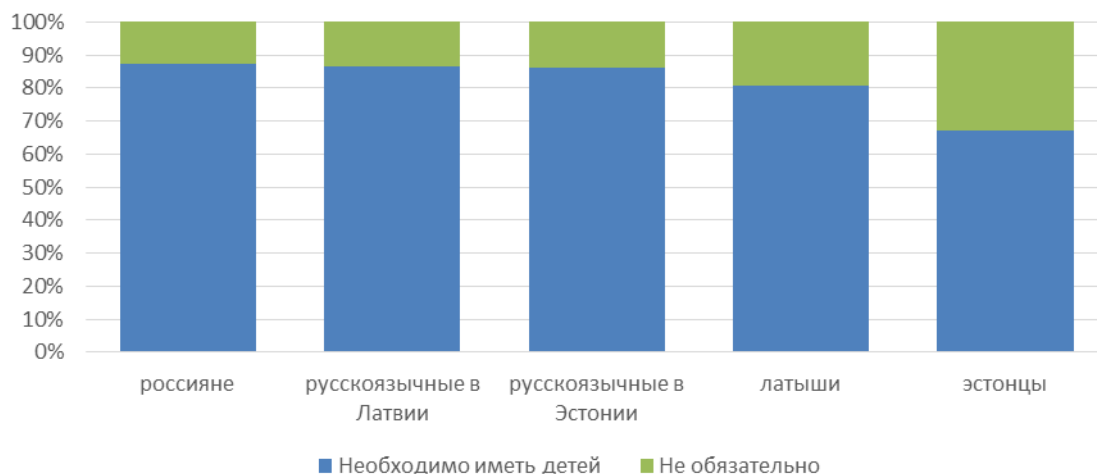

Рисунок 4. Ответы на вопрос «Необходимо ли женщине для того, чтобы чувствовать себя полноценной, иметь детей или это не обязательно?» в пяти страноязыковых группах

На рисунке 5 представлены позиции респондентов в отношении матерей, желающих иметь ребенка, не устанавливая прочных отношений с мужчиной (тех, кто реализовал такое желание, обычно называют у нас «матерями-одиночками»). От 45 до 63% респондентов одобряют подобное желание женщины. Плюс еще некоторая часть респондентов занимает относительно толерантную позицию «смотря по обстоятельствам», и таким образом, во всех выборках большинство респондентов придерживаются в этом отношении современных нормативных взглядов. Наименьшая доля одобрения (суммарно – безусловного и условного) – у русскоязычных в Эстонии и Латвии, а наибольшее одобрение такого желания женщины – у латышей. В Латвии наблюдается контраст нормативных позиций между говорящими на латышском и русском языке.

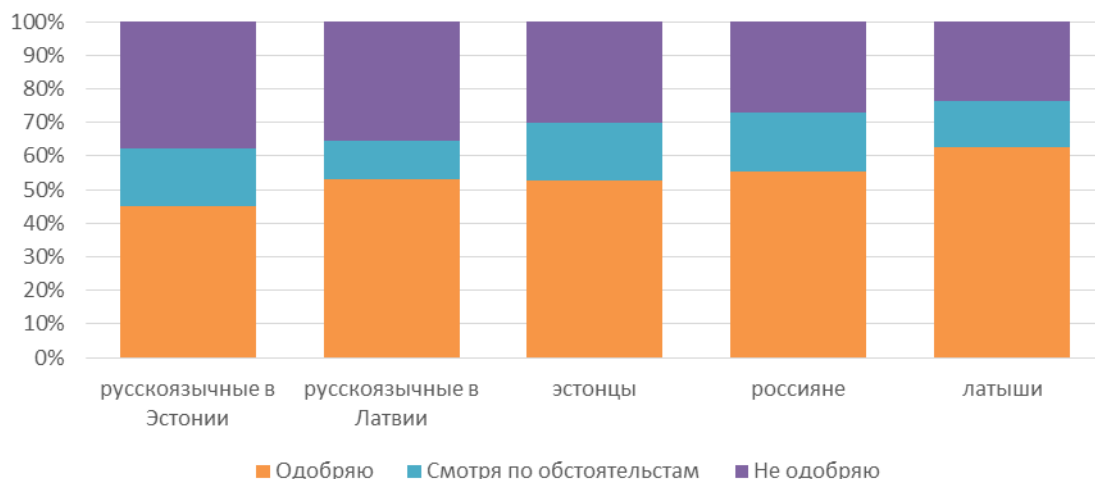

Рисунок 5. Ответы на вопрос «Если женщина хочет иметь ребенка, не желая при этом устанавливать прочные отношения с мужчиной, одобряете Вы это или нет?» в пяти страноязыковых группах

На рисунке 6 представлены позиции респондентов в отношении права гомосексуальных пар на усыновление. Здесь, что неудивительно для столь радикальной новации, во всех пяти выборках явно преобладают традиционные взгляды, от 68 до 75% респондентов не согласны или полностью не согласны на предоставление подобного права. Небольшие, но значимые отличия имеются между чуть менее толерантными в этом отношении латышами, с одной стороны, и чуть более толерантными эстонскими и российскими респондентами – с другой. Внутри каждой из этих двух категорий, группы между собой не отличаются.

Рисунок 6. Реакции на суждение «Гомосексуальные пары должны иметь возможность усыновлять детей» в пяти страноязыковых группах

На рисунке 7 отражены позиции респондентов в отношении социальной нормы, утверждающей приоритет семейной роли женщины. В отношении этой радикально традиционалистской нормы, которая к тому же апеллирует к якобы «действительным» желаниям женщины, во всех пяти выборках преобладает согласие. Совокупная доля согласных и полностью согласных немного превышает половину выборки (56 и 61%) среди латышей и эстонцев, приближается к 90% у россиян и русскоязычных в Эстонии, и равняется 72% у русскоязычных в Латвии (различия между этими тремя категориями значимы). Таким образом, наиболее традиционалистских позиций придерживаются русскоязычные в Эстонии и россияне, латыши и эстонцы выражают с этими позициями наименьшее согласие (внутри упомянутых пар нет значимых различий), а русскоязычные в Латвии занимают в этом отношении промежуточное положение, отличаясь значимо от обоих «полюсов».

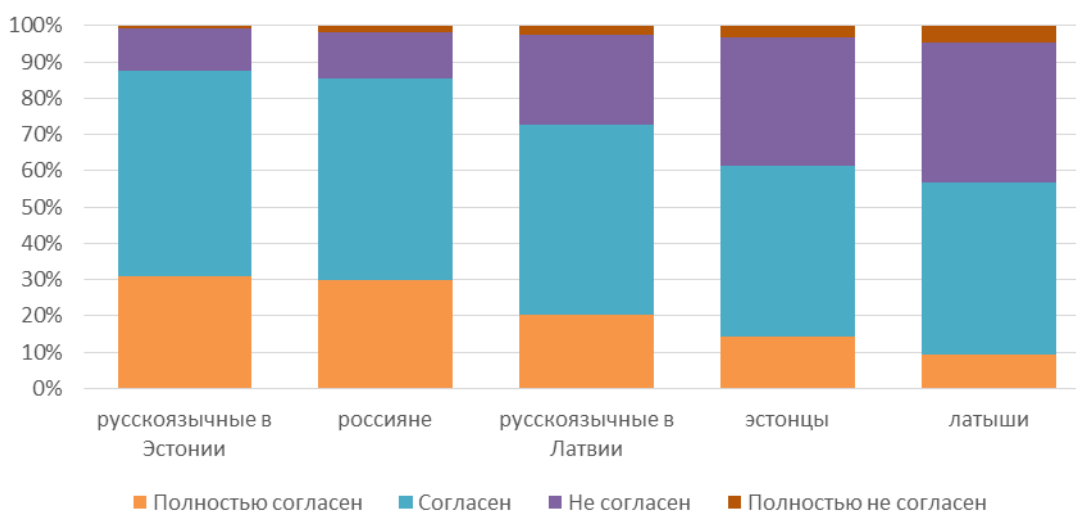

Рисунок 7. Реакции на суждение «Работа – это хорошо, но в действительности большинство женщин хотят иметь дом и детей» в пяти страноязыковых группах

Таким образом, в отношении большинства рассмотренных семейно-гендерных норм респонденты во всех страноязыковых группах склоняются в сторону традиционных взглядов. По степени традиционности (или традиционности–модерности) этих взглядов между страноязыковыми группами наблюдаются статистически значимые различия, в том числе и различия между русскоязычными в Эстонии и эстонцами, а также между русскоязычными в Латвии и латышами.

Чтобы получить обобщенный параметр, характеризующий традиционность–модерность нормативных представлений респондентов, все 8 переменных, описывающих отдельные аспекты взглядов на семейно-гендерные проблемы, были подвергнуты факторному анализу. Матрица факторных нагрузок, выявленная на всем массиве, а также аналогичные матрицы, полученные на каждой из пяти страноязыковых выборок, содержали близкий по смыслу и по структуре нагрузок фактор, в который с положительными нагрузками вошли все рассматриваемые переменные (таблица 1). Шкалы переменных преобразованы так, что большие по величине оценки указывают на меньшую традиционность или большую модерность нормативных взглядов, соответственно переформулированы и названия признаков.

Таким образом, этот фактор (он первый по порядку и наибольший по доле описываемой дисперсии во всех шести факторных матрицах) и представляет собой искомый обобщенный параметр традиционности–модерности нормативных взглядов, похожий на тот, что описан в литературе [Магун 2009; Фабрикант, Магун 2014]. Хотя заметные положительные нагрузки по данному фактору имеют показатели согласия со всеми рассматриваемыми в исследовании взглядами, величины разных показателей неодинаковы. Наиболее тесно в большинстве групп связаны с фактором взгляды относительно необходимости постоянных отношений и допустимости сожительства, иными словами, в центре этого фактора – взгляды на формат горизонтальных отношений между партнерами.

Таблица 1. Фактор традиционности–модерности нормативных взглядов на семью и гендер на всем массиве и в пяти страноязыковых группах (метод главных осей)

Названия переменных	Факторные нагрузки					
	Весь массив N= 3511	Русско-язычные в Латвии N= 409	Русско-язычные в Эстонии N= 403	Латыши N= 758	Эстонцы N= 878	Россияне N= 1063
Нет необходимости в постоянных отношениях (v154)	0,60	0,38	0,59	0,68	0,59	0,37
Допустимость сожительства (v156)	0,51	0,29	0,59	0,52	0,51	0,71
Нет необходимости в детях для женщины (v149)	0,44	0,49	0,46	0,45	0,54	0,21
Допустимость матерей-одиночек (v152)	0,40	0,37	0,42	0,34	0,44	0,46
Институт брака устарел (v150)	0,32	0,48	0,47	0,44	0,27	0,32
Неверно, что большинство женщин хотят дом и детей (v161)	0,28	0,18	0,38	0,15	0,24	0,19
Право гомосексуальных пар на усыновление (v155)	0,21	0,19	0,32	0,21	0,33	0,17
Процент объясненной дисперсии	17,1	13,0	22,2	18,6	19,1	15,3

Примечание: Отсортировано по величине факторных нагрузок на всем массиве.

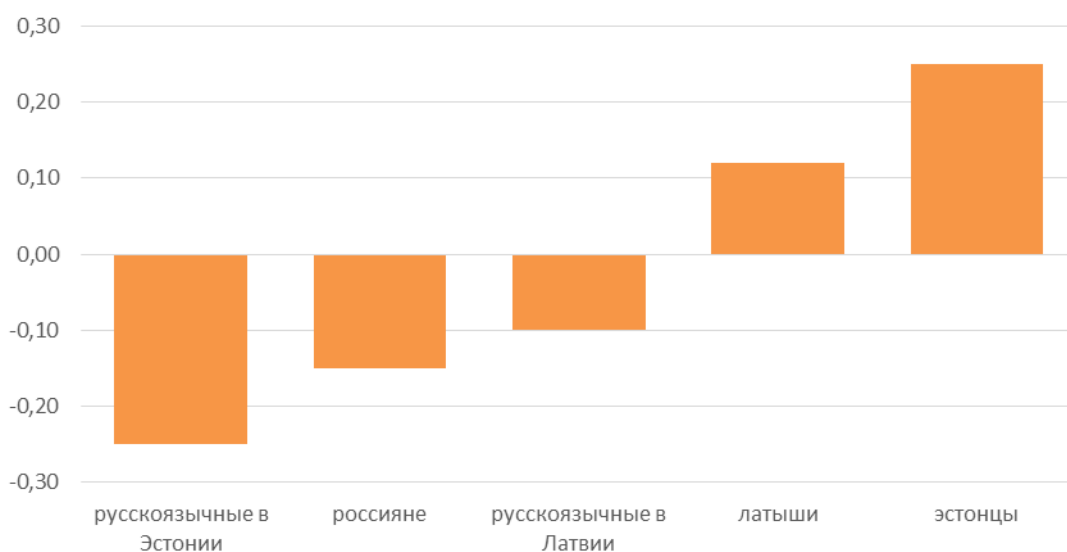

Рисунок 8. Средние значения фактора традиционности–модерности нормативных взглядов в пяти страноязыковых группах

Рисунок 8 демонстрирует различия средних значений обобщенного фактора традиционности–модерности в пяти рассматриваемых страноязыковых группах, различия статистически значимы ($p < 0,001$) между всеми группами, кроме различий между русскоязычными в Латвии и россиянами. Как видим, россияне, а также русскоязычные респонденты в Эстонии и Латвии демонстрируют большую традиционность или меньшую модерность, чем латыши и эстонцы. В этих различиях смешаны эффекты собственно страноязыковой принадлежности и социально-демографического состава этих групп. Чтобы отделить влияние страноязыковой принадлежности на уровень общей традиционности–

модерности нормативных взглядов от влияний социально-демографического состава рассматриваемых страноязыковых групп, были построены регрессионные модели.

Влияние страноязыковой принадлежности респондентов на традиционность-модерность их нормативных взглядов: регрессионный анализ

Во всех регрессионных моделях зависимая переменная – общий фактор традиционности–модерности, большие значения которого соответствуют меньшей традиционности или большей модерности семейно-гендерных нормативных взглядов, а меньшие – их большей традиционности или меньшей модерности.

Основная независимая переменная – принадлежность респондента к одной из пяти страноязыковых групп; для оценки ее эффектов были сконструированы 5 фиктивных дихотомических переменных, фиксирующих, относится ли респондент к соответствующей группе или нет. Чтобы попарно сравнить все группы между собой, мы построили пять регрессионных моделей, меняя каждый раз референтную группу. В качестве контрольных переменных в модели были также включены социально-демографические характеристики респондентов, их эффекты для всех пяти моделей одинаковы.

Результаты расчетов приведены в таблице 2. Положительные регрессионные коэффициенты означают для количественных независимых переменных положительную связь с модерностью представлений, а для качественных переменных – относительно большую модерность представлений для соответствующей группы респондентов в сравнении с референтной.

Регрессионные коэффициенты показывают, что все различия между россиянами и русскоязычными группами являются статистически незначимыми, а все отличия этих групп от латышей и эстонцев, как и различия между двумя последними, статистически значимы. Эстонцы оказываются менее приверженными традиционным взглядам, чем латыши, но обе эти группы настроены менее традиционно (или более модерно), чем россияне и русскоязычные респонденты. При этом отличия русскоязычных от остального населения своих стран (в сторону большей традиционности) в Эстонии более заметны, чем в Латвии.

Что касается социально-демографических предикторов, для массива в целом выявлены значимые эффекты для возраста, матримониального статуса, числа детей и размера населенного пункта, в котором проживает респондент. Большой традиционностью взглядов, как и следовало ожидать, отличаются респонденты более старшего возраста, респонденты, состоящие в традиционном официально зарегистрированном браке и живущие совместно с супругом/супругой, имеющие большее число детей и проживающие в наименьшем по размеру населенном пункте (в сравнении с несколько более крупными по размеру поселениями).

Вопреки возможному предположению о позитивной связи между уровнем дохода и модерностью взглядов (те, кто в большей степени выиграл от модернизации, предположительно должны придерживаться более современных взглядов во всех сферах, в том числе и в семейно-гендерной) значимого эффекта для этой переменной не наблюдается. Это может быть результатом двух противоположно направленных и уравновешивающих друг

друга механизмов: эффект меньшего выигрыша от модернизации у респондентов с более низким уровнем дохода может нейтрализоваться тем, что для реализации традиционалистской семейно-гендерной жизненной модели ее стороннику необходимы довольно значительные ресурсы на содержание детей или неработающей супруги (если речь о мужчине), и лица с низким доходом просто адаптируют свои взгляды к своей реальной финансовой ситуации (см. [Rivera, Tilcsik 2016]).

Примечательно, что в данном массиве на уровень традиционности–модерности семейно-гендерных нормативных представлений не влияют ни пол респондента, ни наличие у него высшего образования. Дополнительно нами был проверен эффект наличия высшего образования родителей, и этот эффект также оказался незначимым. Это объясняется достаточно сильной отрицательной корреляцией наличия высшего образования с возрастом и отрицательной же связью с возрастом респондента уровня образования его родителей. При исключении из числа независимых переменных возраста эффект высшего образования становится статистически значимым, а направление, как и следовало ожидать, – положительным: люди с высшим образованием склонны придерживаться более современных нормативных представлений. Включение более дробной международной шкалы образования ISCED дало те же результаты, что и дихотомия наличие-отсутствие высшего образования.

Не влияет значимо и то, является ли респондент иммигрантом в первом или во втором поколении (о втором поколении иммигрантов мы делаем вывод на основании информации об иммигрантском статусе родителей). Поскольку в подвыборках россиян, а также латышей и эстонцев число иммигрантов в первом поколении крайне мало, а в обеих подвыборках русскоязычных, напротив, значительно (почти 40% русскоязычных в Латвии и почти 50% русскоязычных в Эстонии), мы дополнительно проверили влияние этой переменной для каждой из подвыборок русскоязычных, однако и внутри обеих подвыборок значимого эффекта обнаружено не было. Для основной части иммигрантов среди русскоязычных в Латвии и Эстонии страной рождения является Россия (на втором и третьем местах с большим отрывом – Белоруссия и Украина, другие страны, тоже постсоветские, встречаются в единичных случаях), и отсутствие регрессионного эффекта иммиграции указывает на то, что традиционализм нормативных взглядов, скорее всего, не «привезен» этими людьми из России, а сформирован в странах нынешнего проживания.

Таблица 2. Влияние страноязыковой принадлежности и социально-демографических переменных на общий уровень традиционности–модерности: модели линейной регрессии со стандартизованными коэффициентами

	Референтная группа – русскоязычные в Латвии	Референтная группа – русскоязычные в Эстонии	Референтная группа – латыши	Референтная группа – эстонцы	Референтная группа – россияне
Основная независимая переменная					
Страноязыковая принадлежность респондента					
русскоязычные в Латвии	-	0,039	-0,068**	-0,153**	0,035
русскоязычные в Эстонии	-0,039	-	-0,106**	-0,190**	-0,004
латыши	0,088**	0,138**	-	-0,109**	0,133**
эстонцы	0,206**	0,259**	0,114**	-	0,254**
россияне	-0,051	0,005	-0,148**	-0,270**	-
Контрольные независимые переменные					
Возраст			-0,283**		
Пол женский			0,006		
Образование высшее			-0,002		
Состоит в зарегистрированном браке и живет вместе с супругом/супругой			-0,084**		
Количество детей у респондента			-0,037*		
Размер населенного пункта (референтная категория – меньше 5 тыс. человек)					
от 5 до 20 тыс.			0,019		
от 20 до 100 тыс.			0,041*		
от 100 до 500 тыс.			-0,037		
свыше 500 тыс.			0,029		
Респондент иммигрант			-0,015		
Отец иммигрант			-0,039		
Мать иммигрантка			0,028		
Среднемесячный доход домохозяйства (референтная категория – низкий)					
средний			-0,025		
высокий			0,017		
R^2 , %			16,3		

*Примечание: * – значимо на уровне 0,05, ** – значимо на уровне 0,001.*

На рисунке 9 отображены оценки фактора традиционности–модерности в пяти рассматриваемых страноязыковых группах, предсказанные на основе регрессионных моделей, при этом влияние со стороны социально-демографических переменных как бы выносилось за скобку.

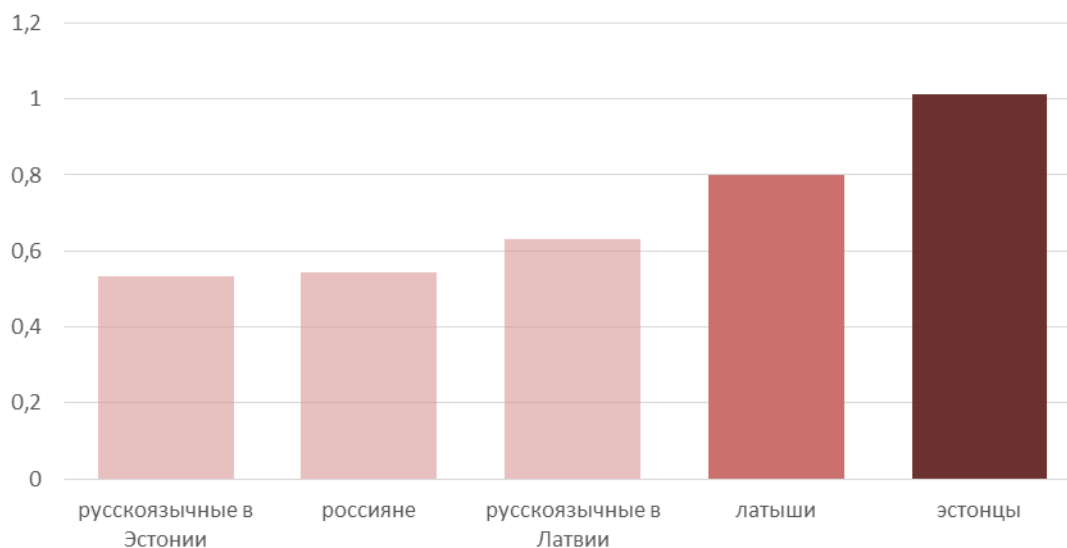

Рисунок 9. Средние оценки общего фактора традиционности – модерности в пяти страноязыковых группах, предсказанные на основе регрессионных моделей (влияния социально-демографических контрольных переменных вынесены за скобку; группы, статистически значительно различающиеся по средним оценкам, обозначены разными цветовыми оттенками)

Таким образом, на рисунке 9 средние значения очищены от влияния социально-демографических переменных, и этим они отличаются от средних значений фактора, фигурирующих на рисунке 8. Кроме различий между русскоязычными в Эстонии, русскоязычными в Латвии и россиянами, все остальные различия являются статистически значимыми (в основном при $p < 0,001$). Это значит, что русскоязычные Эстонии и Латвии вместе с россиянами придерживаются наиболее традиционных семейно-гендерных взглядов, латыши – несколько более современных и, наконец, эстонцы являются носителями наиболее современных представлений. Таким образом, благодаря контролю социально-демографических переменных, соотношение средних несколько изменилось в сравнении с тем, что мы наблюдали при сравнении «сырых» значений фактора (рисунок 9). Теперь можно утверждать, что по показателю традиционности–модерности взглядов все три русскоязычные группы – россияне, а также русскоязычные в Эстонии и Латвии примерно одинаковы (не имеют значимых различий).

ВЫВОДЫ

Исследование подтвердило роль русскоязычности в детерминации традиционности–модерности нормативных взглядов на семью и гендер. Мы предполагали, что в силу культурной привязанности к России русскоязычное население Латвии и Эстонии по

степени традиционности–модерности своих нормативных взглядов в семейно-гендерной сфере занимает промежуточное положение между более модерно настроенными латышами и эстонцами, с одной стороны, и более традиционно настроенными россиянами – с другой. Это предположение подтвердилось только частично. Русскоязычное население Латвии и Эстонии, действительно, придерживается более традиционных взглядов, чем латыши и эстонцы, но от россиян по своим семейно-гендерным взглядам значимо не отличается.

Таким образом, по обобщенной шкале традиционности–модерности страноязыковые группы расположились в таком порядке: более традиционалистские нормативные взгляды на семью и гендер разделяют живущие в Эстонии и Латвии русскоязычные, а также жители России, а далее, если двигаться в направлении меньшей традиционности и большей модерности, на этой шкале располагаются латыши, наибольшая модерность характерна для эстонцев.

Можно предположить, что внутристрановая дифференциация взглядов на семью и гендер между русскоязычными жителями Латвии и Эстонии и живущими с ними в одной стране латышами или эстонцами возникает под действием механизмов, которые связаны с упомянутыми ранее особенностями идентичности русскоязычных жителей этих стран. Для них характерна двойственная (hyphenated) [Çaglar 1997] идентичность, в которой присутствует и сознание принадлежности к своей стране (Латвии или Эстонии), и одновременно сознание принадлежности к носителям русского языка и русской культуры, для которых референтной группой, трендсеттером, служит Россия. Эта референтная группа – более традиционалистская, чем большинство европейских стран [Магун 2009; Фабрикант, Магун 2014], поэтому ориентация на нее ведет к движению русскоязычного населения Латвии и Эстонии в сторону большего традиционализма и меньшей модерности.

На взгляды русскоязычных жителей Эстонии и Латвии, по-видимому, прямо влияют и взгляды более модерно ориентированных жителей собственной страны, латышей или эстонцев, и взгляды жителей других европейских стран, а также соответствующие социальные нормы. Но, судя по полученным результатам, эти прямые влияния оказываются сравнительно слабыми.

Стоит учитывать, что влияние со стороны более модерно ориентированной части населения может иметь и иной, обратный эффект. Русскоязычная идентичность может выполнять в данном случае своеобразную защитную, блокирующую функцию в отношении более современных взглядов. В Эстонии и Латвии может действовать механизм, описанный А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко [Thornton, Young-DeMarco 2001] применительно к США, где бурное распространение среди американцев в 1960-1980-х годах прошлого века новых семейных норм и практик вызвало в качестве реакции усиление и противоположного по смыслу типа нормативного сознания, т.е. укрепление и рост популярности традиционалистских взглядов на семейные отношения. Этот феномен можно было бы назвать реактивным контрастом: традиционалистские взгляды радикализируются через самоопределение их носителей как противостоящих инновационно настроенному большинству.

В каких случаях более модерно ориентированная часть населения страны оказывает модернизирующее влияние на категорию населения, придерживающуюся более

традиционных взглядов («эффект ассимиляции»), а когда, наоборот, возникает эффект отталкивания и население с традиционными взглядами еще более в них укрепляется («эффект контраста») – вопрос для дальнейших исследований.

Анализируя эффекты социально-демографических переменных на традиционность–модерность нормативных взглядов, мы установили отсутствие значимых различий между иммигрантами (в первом и втором поколениях) и неиммигрантами. Это подтверждает внутреннее, а не внешнее, происхождение различий между русскоязычными и нерусскоязычными: имеющийся у части русскоязычных респондентов опыт первичной социализации в России, принесенный в страну проживания, не сказывается на их нормативных взглядах. На них преимущественно влияет актуальный опыт жизни в Латвии и Эстонии и то, как современная Россия видится русскоязычным из этих стран.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят М.С. Тольца, двух анонимных рецензентов, а также всех участников семинара “Behavior patterns of immigrant Russians in comparison to origin and destination countries”, проходившего в рамках 10-й ежегодной конференции эстонских социальных наук (Таллинн, 2016), за ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А.Г. (2010). Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 430 с.
- Вишневский А.Г. (2011). Цивилизация, культура и демография // *Общественные науки и современность*. 2: 57-76.
- Вишневский А.Г., С.В. Захаров, Е.И. Иванова (2006). Обновление семьи и брака // *Демографическая модернизация России 1900-2000* / Под ред. А. Вишневого. М.: Новое издательство: 66-146.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль. 334 с.
- Магун В.С. (2009). Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе* / Под ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП: 477-516.
- Руднев М.Г. (2009). Влияние «русскоязычности» на жизненные ценности // *Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М)*. 28: 107-128.
- Сакевич В.И. (2014). Отношение к разводам, внебрачным отношениям, гомосексуализму, абортam, контрацепции в 40 странах мира // *Демоскоп Weekly*. 595–596. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/reprod01.php> (дата обращения: 08.05.2018).
- Фабрикант М.С., В.С. Магун. (2014). Семейные ценности россиян и европейцев // *Демоскоп Weekly*. 613-614: 6-19 (дата обращения: 12.06.2018).

- Borinskaya S., R. Inglehart, J. Harro, A. Cotter, E. Ponarin, C. Welzel. (2014). Genetic factors, cultural predispositions, happiness and gender equality // *Journal of Research in Gender Studies*. 4(1): 32-100.
- Çaglar A. (1997). Hyphenated identities and the limits of culture // *The politics of multiculturalism in the New Europe* / T. Modood, P. Werbner, eds. London: Zed Books: 169-185.
- Cheskin A. (2015). Identity and integration of Russian speakers in the Baltic States: A framework for analysis // *Ethnopolitics*. 14(1): 72-93.
- Ehin P. (2016). *Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration*. London: Routledge. 216 p.
- Freedman E. (2007). *No turning back: The history of feminism and the future of women*. NYC: Ballantine Books. 464 p.
- Gill R. (2007). Postfeminist media culture Elements of a sensibility // *European journal of cultural studies*. 10(2): 147-166.
- Ivlevs A. (2013). Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority // *The Annals of Regional Science*. 51(1): 33-52.
- Kostenko V., P. Kuzmichev, E. Ponarin (2016). Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab World // *Democratization*. 23(5): 862-891.
- Latvia Population 2018 (2018). *World Population Review*. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/latvia-population> (дата обращения: 01.06.2018).
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation // *Gender and family change in industrialized countries*. 17-62.
- Population by ethnic nationality, 1 January, years (2017). *Statistics Estonia: Tallinn*. URL: <http://www.stat.ee/34278> (дата обращения: 01.06.2018).
- Rivera L.A., A. Tilcsik (2016). Class advantage, commitment penalty: The gendered effect of social class signals in an elite labor market // *American Sociological Review*. 81(6): 1097-1131.
- Thornton A., L. Young-DeMarco (2001). Four decades of trends in attitudes toward family issues in the United States: The 1960s through the 1990s // *Journal of marriage and family*. 63(4): 1009-1037.
- Vihalemm T., A. Masso (2003). Identity dynamics of Russian-speakers of Estonia in the transition period // *Journal of Baltic Studies*. 34(1): 92-116.

NORMATIVE ATTITUDES TO FAMILY AND GENDER: RUSSIAN-SPEAKERS IN LATVIA AND ESTONIA IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE (BASED ON THE 2018 SURVEYS)

MARHARYTA FABRYKANT, VLADIMIR MAGUN

The article presents the results of a comparative study of the level of traditionality/modernity of normative gender attitudes in the Russian-speaking population of Latvia and Estonia. The research hypothesis is that Russian-speakers hold an intermediate position between the relatively more traditional Russians and the relatively more modern non-Russian-speaking populations of Latvia and Estonia. To test the hypothesis, we used survey data of the 2008 wave of the European Values Study including seven indicators of family and gender attitudes. The results obtained proved Russian-speakers in Latvia and Estonia to hold more traditional views compared to the non-Russian-speaking population of these countries. At the same time, Russian-speakers in Latvia, as hypothesized, appeared to be more modern in their views than Russians. Russian-speakers in Estonia, however, were found to be similar to Russians in their views and much more traditional than Russian-speakers in Latvia, while non-Russian-speakers in Estonia, on the contrary, presented more modern views than their counterparts in Latvia. The results obtained confirm the theoretical proposition that social identity may affect even normative attitudes substantively unrelated to the criteria on which this identity is based and that this impact is mediated by the general level of traditionality/modernity ascribed to a culture by its representatives as actual and/or desirable. No differences in the power and direction of influence of sociodemographic variables were found across samples: in all the five groups, more traditional views are espoused primarily by older respondents and those legally married. At the same time, education and income levels were found to have no significant impact, and no significant differences between men and women and between first and second generation immigrants vs. not immigrants were discovered.

Key words: modernization, social norms, gender, family, Russia, Baltics.

MARHARYTA FABRYKANT (mfabrykant@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

VLADIMIR MAGUN (maghome@yandex.ru), INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF FCTAS RAS, RUSSIA; NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JULY 2018.

REFERENCES

- Borinskaya S., R. Inglehart, J. Harro, A. Cotter, E. Ponarin, C. Welzel. (2014). Genetic factors, cultural predispositions, happiness and gender equality // *Journal of Research in Gender Studies*. 4(1): 32-100.
- Çaglar A. (1997). Hyphenated identities and the limits of culture // *The politics of multiculturalism in the New Europe* / T. Modood, P. Werbner, eds. London: Zed Books: 169-185.
- Cheskin A. (2015). Identity and integration of Russian speakers in the Baltic States: A framework for analysis // *Ethnopolitics*. 14(1): 72-93.
- Ehin P. (2016). *Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration*. London: Routledge. 216 p.

- Fabrykant M.S., V.S. Magun. (2014). Semeynye tsennosti rossiyan i evropeytsev [Family values in Russians and Europeans] // Demoskop Weekly [Demoscope Weekly].613-614: 6-19. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/demoscope613.pdf> (accessed: 12.06.2018).
- Freedman E. (2007). No turning back: The history of feminism and the future of women. NYC: Ballantine Books. 464 p.
- Gill R. (2007). Postfeminist media culture Elements of a sensibility // European journal of cultural studies. 10(2): 147-166.
- Inglehart R. (2018). Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir [Cultural evolution. People's motivations are changing, and reshaping the world]. Moscow: Mysl'. 334 p.
- Ivlevs A. (2013). Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority // The Annals of Regional Science. 51(1): 33-52.
- Kostenko V., P. Kuzmichev, E. Ponarin (2016). Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab World // Democratization. 23(5): 862-891.
- Latvia Population 2018 (2018). World Population Review. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/latvia-population> (accessed: 01.06.2018).
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation // Gender and family change in industrialized countries. 17-62.
- Magun V.S. (2009). Normativnye vzglyady na sem'yu u rossiyan i frantsuzov: traditsionnoe i sovremennoe [Normative views on family in Russians and the French: traditional and modern] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve [Parents and children, men and women in family and society] / S.V. Zaharov, T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya, eds. Moscow: NISP: 477-516.
- Population by ethnic nationality, 1 January, years (2017). Statistics Estonia: Tallinn. URL: <http://www.stat.ee/34278> (accessed: 01.06.2018).
- Rivera L.A., A. Tilcsik (2016). Class advantage, commitment penalty: The gendered effect of social class signals in an elite labor market // American Sociological Review. 81(6): 1097-1131.
- Rudnev M.G. (2009). Vliyanie «russkoyazychnosti» na zhiznennye tsennosti [Impact of Russian-speaking on basic values]. // Sotsiologiya: metodologiya, metody i matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M) [Sociology: methodology, methods and mathematical modeling (Sociology: 4M)]. 28: 107-128.
- Sakevich V.I. (2014). Otnoshenie k razvodam, vnebrachnym otnosheniyam, gomoseksualizmu, abortam, kontratseptsii v 40 stranakh mira [Attitudes towards divorce, extramarital relations, homosexuality, abortions, and contraception in 40 countries] // Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 595–596. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/reprod01.php> (accessed: 08.05.2018).
- Thornton A., L. Young-DeMarco (2001). Four decades of trends in attitudes toward family issues in the United States: The 1960s through the 1990s // Journal of marriage and family. 63(4): 1009-1037.
- Vihalemm T., A. Masso (2003). Identity dynamics of Russian-speakers of Estonia in the transition period // Journal of Baltic Studies. 34(1): 92-116.

- Vishnevsky A.G. (2010). *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and Rouble. Conservative modernization in the USSR] Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 430 p.
- Vishnevsky A.G. (2011). *Tsivilizatsiya, kul'tura i demografiya* [Civilization, culture and demography] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2: 57-76.
- Vishnevsky A.G., S.V. Zakharov, E.I. Ivanova (2006). *Obnovlenie sem'i i braka* [Rejuvenation of family and marriage] // *Demograficheskaja modernizacija Rossii 1900-2000* [Russia's demographic modernization, 1900-2000] / A. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoe izd-vo: 66-146.

ОЦЕНКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МОДЕЛИ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ-СМЕРТНОСТЬ

РУСТАМ ТУРСУН-ЗАДЕ

В данной работе предпринимается попытка оценки непубликуемых производных показателей онкологической заболеваемости и смертности в населении РФ с использованием таблиц множественного выбытия – популяционной модели рака Д. Дюшен в сложившихся условиях ограниченной доступности медико-демографических данных. Смоделированные таким образом показатели (средний возраст заболевания злокачественными новообразованиями (ЗНО), средняя ожидаемая продолжительность болезни, распространенность ЗНО в населении и средний возраст смерти от ЗНО) позволят определить, происходит ли в России рост распространенности ЗНО и является ли этот рост результатом экспансии заболеваемости ЗНО (понимаемой как среднее увеличение времени, прожитого в состоянии нездоровья, обусловленного этим заболеванием)?

Показано, что в России наблюдается сопоставимый рост среднего возраста заболевания ЗНО и среднего возраста смерти от ЗНО с приматом последнего. Результатом этих изменений является увеличение среднего числа лет, прожитых с ЗНО, а также рост распространенности ЗНО в населении РФ. Отмечены локализации с наибольшим и наименьшим наблюдаемым ростом распространенности ЗНО, а также локализации исключения из выраженной тенденции к этому росту.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что в России происходит экспансия заболеваемости ЗНО, выраженная в увеличении среднего числа лет, прожитого в состоянии неполного здоровья. Исключением является локализация «ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода» (C00-C15) у женщин, для которой отмечается компрессия заболеваемости, выраженная в сокращении числа лет, прожитых с ЗНО.

Ключевые слова: *таблицы множественного выбытия, смертность и заболеваемость злокачественными новообразованиями, распространенность злокачественных новообразований, производные онкологической смертности и заболеваемости, анализ данных онкологической статистики.*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время злокачественные новообразования (ЗНО) являются второй по значимости причиной смерти населения в мире. По оценкам ВОЗ, в 2015 г. количество смертей, вызванных ЗНО, равнялось 8,8 млн [WHO 2017], уступая лидирующее место только количеству смертей, вызванных сердечно-сосудистыми заболеваниями. Существует мнение, что новообразования, во многих странах с высоким доходом уже являющиеся первой по значимости причиной смерти населения, в ближайшие десятилетия станут основной причиной не только смерти, но и инвалидизации населения в мире [Brau et al. 2012].

Рустам Тимурович Турсун-заде (rtursun-zade@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование финансировалось в рамках программы государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Статья поступила в редакцию в июле 2018 г.

Традиционно в России смертность населения определяла в основном так называемая «большая четверка» причин: болезни системы кровообращения (БСК), новообразования, внешние причины смерти и болезни органов дыхания [Вишневский 2014]. В последние годы (начиная с 2006 г.), болезни органов пищеварения сместили на 5-ю позицию болезни органов дыхания, заняв соответственно 4-ю позицию в структуре смертности по причинам [Росстат 2017; Щербакова 2018]. С 2003 г. в России формируются условия, определяющие рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения [Shkolnikov et al. 2013]. Эти условия во многом определяются снижением избыточной смертности, вызванной БСК и внешними причинами смерти [Андреев, Кваша, Харькова 2014].

В возрастном разрезе этот рост обеспечивался в основном за счет двух возрастных групп: детской до 15 лет и пожилой 65+ лет [Андреев, Кваша, Харькова 2014]. Наблюдаемое снижение коэффициентов смертности от цереброваскулярных заболеваний привело к тому, что в настоящий момент она снизились до исторического минимума у женщин и приближаются к таковому у мужчин [Grigoriev et al. 2014]. Данные тенденции явились в достаточной степени стабильными и долгосрочными, чтобы заговорить о начале первой стадии сердечно-сосудистой революции в РФ.

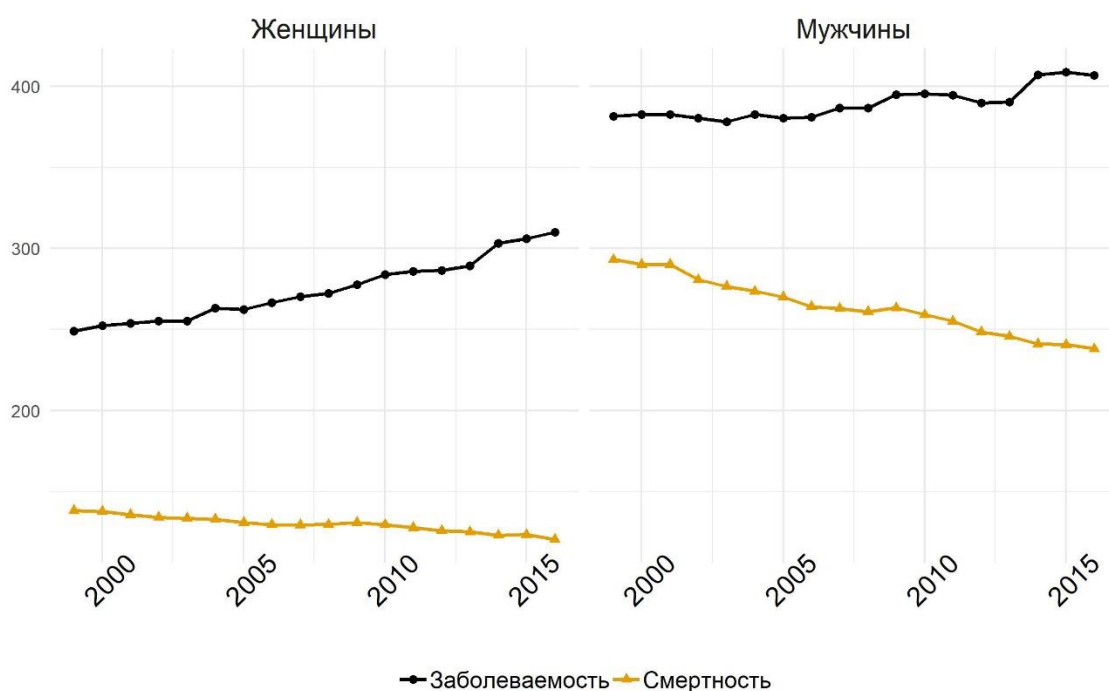

Рисунок 1. Стандартизованные по возрасту коэффициенты смертности и заболеваемости злокачественными новообразованиями, все локализации, на 100 000 населения, 1999-2016

Источник: Расчет автора на основе данных, описанных в разделе «Данные и методы».

Стандартизация выполнена прямым методом с использованием европейского возрастного стандарта.

Злокачественные новообразования являются второй по значимости причиной смерти населения в РФ. В 2016 г. 15,6% всех зарегистрированных в РФ смертей были вызваны ЗНО [Каприн, Старинский, Петрова 2018a]. На рисунке 1 представлена динамика

стандартизованных по возрасту коэффициентов смертности и заболеваемости населения РФ всеми ЗНО за период с 1999 по 2016 г.

На рисунке 1 очевидна тенденция к снижению стандартизованных по возрасту коэффициентов смертности, однако стандартизованные коэффициенты заболеваемости в рассматриваемый период неуклонно росли, причем в 2014 г. наблюдалось увеличение скорости их роста.

Так как известно, что заболеваемость ЗНО увеличивается с возрастом и в основном сосредоточена в пожилых возрастах (наибольшее число заболеваний в 2016 г. приходилось на возрастную группу 65-69 лет) [Каприн, Старинский, Петрова 2018a], то при учете происходящего в России процесса старения населения нет оснований ожидать сокращения числа случаев заболевания ЗНО. Логичным следствием в сложившейся ситуации может стать рост распространенности ЗНО в населении РФ, а следовательно, и рост их значимости как фактора инвалидизации населения.

К сожалению, несмотря на наличие развитого института сбора и обработки статистической информации об онкологической заболеваемости (данные собираются с 1953 г., а в 1996 г. принят законопроект о создании Федерального ракового регистра¹), принятая в современной России практика не предусматривает полноценной публикации данных по распространенности ЗНО в населении. В ежегодниках «Состояние онкологической помощи населению», выпускаемых куратором Федерального популяционного ракового регистра Институтом им. П.А. Герцена Минздрава России с 2007 г., содержатся только общие коэффициенты распространенности в расчёте на 100 тыс. населения без половозрастного распределения [Каприн, Старинский, Петрова 2018b]. Данные по распространённости ЗНО в населении можно было бы получить из популяционных раковых регистров, однако существуют сомнения, касающиеся возможностей современной отечественной онкологической службы осуществлять пожизненный мониторинг больных ЗНО, своевременно снимать больных с учета в случае их смерти, а также полноценно регистрировать все случаи ЗНО, выявленные посмертно, равно как и полноценно связывать данные заболеваемости с данными по смертности. В частности, насколько нам известно, после ратификации в 2006 г. закона о персональных данных² Федеральный раковый регистр потерял возможность проводить персонифицированную проверку данных, оперируя в настоящий момент массивом деперсонифицированных агрегированных данных³. Таким образом, в значительной степени было затруднено получение регистрами достоверных данных о смертях онкологических больных, ранее внесенных в регистр [Петрова, Старинский, Грецова 2016], следствием чего может стать недостоверность данных о накоплении контингентов (распространенности) вследствие несвоевременного снятия пациентов с учета. Эта проблема стояла особенно остро в первые годы после ратификации закона о персональных данных, однако в

¹ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23 декабря 1996 г. №420 «О создании Государственного ракового регистра».

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных».

³ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 апреля 1999 г. №135 «О совершенствовании системы Государственного ракового регистра».

настоящее время ситуация несколько улучшилась. Популяционные раковые регистры находят новые способы взаимодействия, однако в настоящий момент проблема все еще далека от решения [Петрова, Старинский, Грецова 2016].

В своих ежегодных статистических отчетах «Злокачественные новообразования в России: заболеваемость и смертность» [Каприн, Старинский, Петрова 2014, 2015, 2016, 2017, 2018а; Чиссов, Старинский, Петрова 2009, 2010, 2011, 2012, 2013] Институт им. П.А. Герцена указывает, что использует данные по смертности, полученные из статистической таблицы С51 Росстата «Распределение умерших по полу, возрастным группам и причинам смерти», де-факто независимого от непосредственно регистрации заболеваемости ЗНО и структуры Минздрава источника данных. Данная таблица используется, несмотря на то, что смертность в ней учитывается по краткой номенклатуре причин смерти МКБ-10 с ограниченным набором локализаций. В тоже самое время, на уровне регионов, показатель распространённости ЗНО формируется на основании базы данных (записей о случаях заболевания и смерти пациентов) самого регистра, что может повлечь за собой недостоверную оценку показателя распространённости ввиду отсутствия возможности своевременного снятия с учета пациентов выбывших из региона, либо скончавшихся на территории не подотчетной раковому регистру. Ввиду недостаточной сопоставимости полноты регистрации данных по заболеваемости и смертности, осуществляемой в рамках двух ведомств, а также возможного недоучета смертей онкологическими регистрами на уровне регионов, можно предположить неполную достоверность данных по распространённости, содержащихся как в Федеральном, так и в территориальных популяционных раковых регистрах.

Если в населении действительно наблюдается рост распространённости ЗНО, то важно выявить причины этого роста. Является ли он исключительно следствием роста заболеваемости, или же мы имеем дело с увеличением продолжительности болезни, выраженного в увеличении среднего числа лет, прожитых в состоянии нездоровья (феномена, получившего название экспансия заболеваемости)? [Fries 1980, 2005].

Мы предлагаем использовать демографический метод таблиц множественного выбытия (multidecrement life tables), разработанный Д. Дюшен [Duchêne 2002], для моделирования непубликуемых производных онкологической заболеваемости и смертности в населении РФ. Эти производные (средний возраст заболевания ЗНО, средняя продолжительность болезни, распространённость ЗНО в населении и средний возраст смерти от ЗНО) позволят нам определить, происходит ли в РФ рост распространённости ЗНО и является ли этот рост результатом экспансии заболеваемости.

Смоделированные для стационарного населения таблицы смертности данные, хотя и не могут считаться полноценной заменой данным реальным, тем не менее могут быть использованы для оценки динамики популяционных процессов.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Мы предлагаем использовать популяционную модель рака (в дальнейшем именуемую

«модель Дюшен» [Duchêne 2002]) для оценки не публикуемых обычно производных показателей онкологической заболеваемости и смертности. Модель основывается на повозрастных коэффициентах смертности и заболеваемости и вычисляется методом таблиц множественного выбытия. Мы применяем модель Дюшен для моделирования распространённости ЗНО, а также ряда производных показателей: среднего возраста заболевания ЗНО, среднего возраста смерти от ЗНО, средней продолжительности болезни. Данный метод получил дальнейшую реализацию и был подробно описан в техническом отчете Института им. Макса Планка [Andreev, Shkolnikov, Jasilionis 2018].

Предположив, что смертность и заболеваемость до определенного года x были равны таковым в рассматриваемом году x , мы можем рассчитать распространённость ЗНО в стационарном населении таблицы смертности для года x . Для этого в первую очередь необходимо рассчитать долю гипотетического населения таблицы смертности, страдающего ЗНО, в определенном возрастном интервале, равном по длине x годам, по следующей формуле:

$$Pi_x = \frac{L_x^c}{L_x}, \quad (1)$$

где L_x^c - число лет, прожитых, больными ЗНО, в возрастном интервале, равном x годам;

- L_x число лет, прожитых всем населением таблицы смертности в возрастном интервале, равном x годам.

Произведением полученных коэффициентов Pi_x и реальной повозрастной численности среднегодового населения РФ, проживающего в определённом возрастном интервале, равном x годам, мы оцениваем распространённость ЗНО в населении, проживающем в возрастном интервале, равном x годам:

$$C_{pr} = Pi_x * P_x, \quad (2)$$

где Pi_x - доля населения, больного ЗНО, проживающего в возрастном интервале, равном x годам;

P_x – численность населения, проживающего в возрастном интервале, равном x годам.

При расчетах модели использовались повозрастные (по 5-летним возрастным интервалам) коэффициенты смертности от всех причин смерти M_x , аналогичные им коэффициенты смертности по причинам смерти M_x^c и повозрастные коэффициенты заболеваемости ЗНО для рассматриваемых локализаций I_x^c . Модель рассчитывается для 5-летних возрастных интервалов, начиная с интервала 15-19 лет и заканчивая открытым интервалом 85+ лет.

В данной работе мы рассматриваем следующие диагностические категории:

- все злокачественные новообразования (C00-C97);
- ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода (C00 - C15);
- ЗНО желудка (C16);
- ЗНО кишечника и прямой кишки (колоректальный рак) (C17 - C21);

- ЗНО трахеи, бронхов и легкого (С33 - С34);
- ЗНО женской молочной железы (С50);
- ЗНО женских половых органов (С51 - С58);
- ЗНО предстательной железы (С61);
- все другие злокачественные новообразования.

В скобках указаны коды согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10).

Для расчетов коэффициентов заболеваемости мы использовали данные государственной статистической отчетности по форме №7 «Отчет о заболеваниях злокачественными новообразованиями», опубликованные в статистических ежегодниках Института им. П.А. Герцена «Злокачественные новообразования в России» [Каприн, Старинский, Петрова 2014, 2015, 2016, 2017, 2018а; Чиссов Старинский, Петрова 2009, 2010, 2011, 2012, 2013], а также в статистическом сборнике «Злокачественные новообразования в России в 1993-2013 годах» [Петрова и др. 2015]. Для расчетов коэффициентов смертности использованы данные таблиц С51 Росстата. Для расчетов повозрастных коэффициентов распространенности ЗНО мы применяли данные по среднегодовой численности населения по 5-летним возрастным интервалам. До 2014 г. данные по заболеваемости и смертности не учитывают Республику Крым и город Севастополь.

В данной работе рассматривается временной промежуток с 1999 по 2016 г. Выбор 1999 г. оправдан переходом РФ на Международную классификацию болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), что позволяет исключить возможные неточности вследствие переклассификации причин при переходе с одной редакции МКБ в другую. Необходимо также отметить, что заболеваемость и смертность практически от всех рассматриваемых локализаций наблюдается, начиная с возрастного интервала 15-19 лет, что оправдывает выбор данного интервала в качестве стартового для расчетов модели. События в возрастных интервалах ниже указанного не учитываются при расчетах популяционной модели рака.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На рисунке 2 представлена динамика среднего возраста заболевания ЗНО в России. Следует отметить, что для диагностической группы «другие ЗНО» для мужского населения модель Дюшен не позволяет рассчитать рассматриваемые нами показатели среднего возраста заболевания и смерти от ЗНО, а также среднюю продолжительность болезни до 2007 г. на основе имеющихся входных данных.

На рисунке 2 мы видим, что для диагностической категории «все ЗНО» средний возраст заболевания у мужчин превосходит таковой у женщин. В последние годы (после 2004 г.) наблюдается выраженная тенденция к дивергенции, являющейся результатом продолжающегося роста среднего возраста заболевания ЗНО у мужчин и одновременного выхода на плато у женщин. Для данной диагностической категории средний возраст заболевания у мужчин до 2004 г. был примерно равен таковому у женщин, однако с 2005

по 2007 г. у мужчин наблюдается резкий рост среднего возраста заболевания ЗНО, замедляющийся в 2007 и 2008 г. и увеличивающийся впоследствии вплоть до 2016 г. После 2004 г. средний возраст заболевания ЗНО у женщин, хотя и продолжает расти, уступает таковому у мужчин, причем данный разрыв увеличивается, начиная с 2008 г. В последние годы наблюдения сколько-нибудь значимого роста среднего возраста заболевания ЗНО у женщин не фиксируется. Учитывая, что для всех других рассматриваемых нами диагностических категорий в отдельности средний возраст заболевания ЗНО у женщин превосходит таковой у мужчин, можно сделать вывод, что данная разница может определяться локализациями, не свойственными мужскому полу.

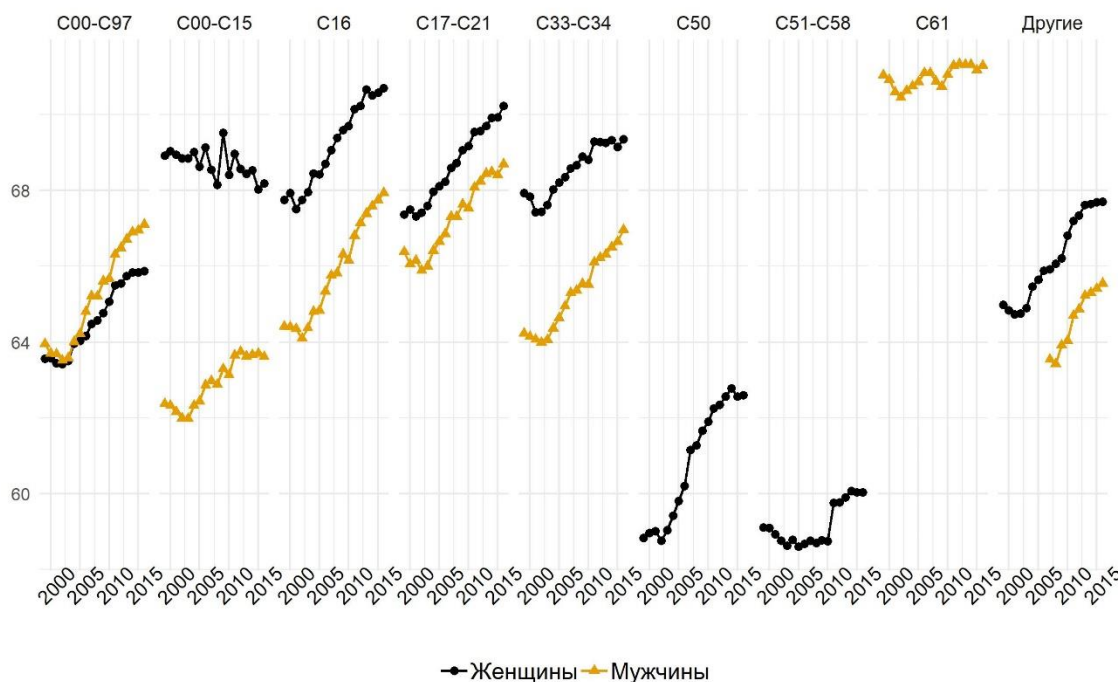

Рисунок 2. Средний возраст заболевания ЗНО, 1999-2016

C00-C97 – все локализации; C00 - C15 – ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода; C33 - C34 – ЗНО трахеи, бронхов и легкого; C16 – ЗНО желудка; C17 - C21 – ЗНО кишечника и прямой кишки (колоректальный рак); C50 – ЗНО женской молочной железы; C51 - C58 – ЗНО женских половых органов; C61 – ЗНО предстательной железы.

Источник: Расчет автора на основе данных, описанных в разделе «Данные и методы».

Проанализируем особенности динамики среднего возраста заболевания для рассматриваемых нами диагностических категорий.

Для ЗНО желудка начало роста среднего возраста заболевания приходится на 2003 г. у мужчин и на 2002 г. у женщин, фиксируется заметный прирост показателя с незначительным снижением его у женщин в 2014 г.

Начало роста для диагностической категории «колоректальный рак» приходится на 2003 г. у мужчин и на 2001 г. у женщин, у женщин устойчивый рост наступает после небольшого снижения между 2000 и 2001 г., у мужчин рост наблюдается с 2002 г.

Для ЗНО трахеи, бронхов и легкого у мужчин рост наблюдается с 2003 г., у женщин – с 2001 г., в то время как для ЗНО молочной железы значительный рост наблюдается с 2002 г., а для других ЗНО – с 2002 г. у женщин и с 2008 г. у мужчин.

Стоит отдельно рассмотреть показатели ЗНО женских половых органов и ЗНО предстательной железы, так как особенности их динамики отличаются от таковых, наблюдаемых для других локализаций. Показатель среднего возраста заболевания пациентов с ЗНО женских половых органов снижался вплоть до 2003 г., затем после некоторого роста в 2004 г. и последовавшего за этим снижения в 2005 г. показатель выходит на плато, колеблясь в значениях 58,7 года вплоть до 2011 г., когда происходит значительный рост с последующим выходом на очередное плато вплоть до конца рассматриваемого периода. Средний возраст заболевания ЗНО предстательной железы за рассматриваемый период растет незначительно, колеблясь в значениях, равных 71 году.

Для ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у мужчин после периода снижения, приходящегося на 1999-2003 гг., наблюдается последовательный рост вплоть до 2016 г. У женщин динамика среднего возраста заболевания ЗНО данной диагностической категории является исключением из общей тенденции к росту. Вплоть до 2006 г. показатель колеблется в районе 69 лет, затем в 2007-2008 гг. происходит его резкое снижение с последующим значительным увеличением в 2009 г. до отметки 69,5 года и дальнейшим снижением до значения, равного 68,2 года в 2016 г., что ниже уровня, зарегистрированного в 1999 г. (68,9 года).

Наиболее значительное увеличение среднего возраста заболевания у мужчин наблюдается для ЗНО желудка, трахеи, бронхов и легкого, колоректального рака, других ЗНО, ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода. Наименьший рост наблюдается для ЗНО предстательной железы, однако тут следует отметить, что данная диагностическая категория изначально являлась категорией с самым высоким регистрируемым возрастом заболевания, в то время как локализацией с наименьшим регистрируемым возрастом заболевания ЗНО у мужчин является ЗНО губы, полости рта и пищевода. Наиболее значительное увеличение среднего возраста заболевания у женщин наблюдается для ЗНО молочной железы, желудка, колоректального рака, других ЗНО, ЗНО трахеи, бронхов и легкого и женских половых органов. Для ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у женщин наблюдается снижение среднего возраста заболевания. Локализацией с наименьшим регистрируемым возрастом заболевания является ЗНО женской молочной железы, в то время как локализацией с наибольшим возрастом – ЗНО желудка.

Рост среднего возраста заболевания у мужчин был в целом более значительным, чем у женщин, практически для всех рассматриваемых диагностических категорий, за исключением колоректального рака и других ЗНО. Этот рост во многом определяется такими локализациями, как ЗНО желудка, а также трахеи, бронхов и легкого. У женщин лидирующую позицию занимают ЗНО молочной железы, желудка и колоректальный рак. Наибольшая разница в среднем возрасте заболевания у мужчин и женщин регистрируется для ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода, ЗНО желудка и ЗНО трахеи, бронхов и легкого, в то время как наименьшая – для колоректального рака.

Обратимся к динамике среднего возраста смерти от ЗНО (рисунок 3).

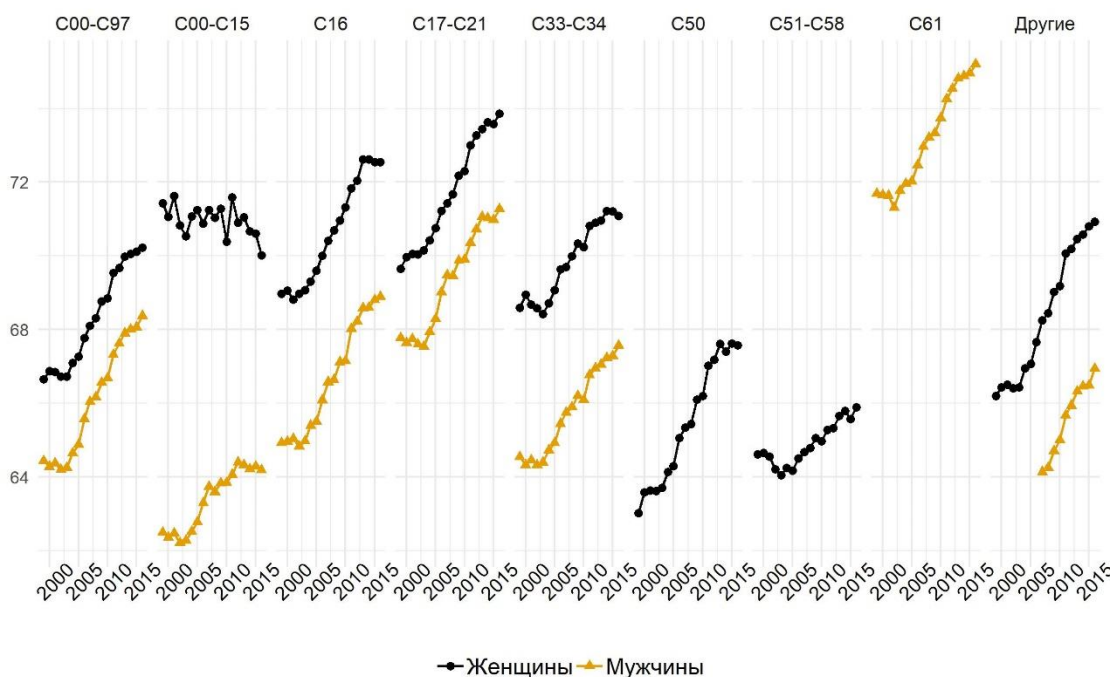

Рисунок 3. Средний возраст смерти от ЗНО, 1999-2016

C00-C97 – все локализации; C00 - C15 – ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода; C33 - C34 – ЗНО трахеи, бронхов и легкого; C16 – ЗНО желудка; C17 - C21 – ЗНО кишечника и прямой кишки (колоректальный рак); C50 – ЗНО женской молочной железы; C51 - C58 – ЗНО женских половых органов; C61 – ЗНО предстательной железы.

Источник: Расчет автора на основе данных, описанных в разделе «Данные и методы».

На рисунке 3 видно, что средний ожидаемый возраст смерти, вызванной ЗНО, у женщин превосходит таковой у мужчин для всех рассматриваемых диагностических категорий. Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению показателя, исключением служат только ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у женщин. К локализациями с наибольшим регистрируемым возрастом смерти относятся ЗНО предстательной железы у мужчин и колоректальный рак у женщин; с наименьшим регистрируемым возрастом смерти - ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у мужчин и половых органов у женщин.

Рост среднего возраста смерти для всех умирающих от рака наблюдается с 2002 г. у мужчин и с 2003 г. у женщин, но для разных локализаций динамика была различной. Для ЗНО желудка этот рост идет с 2002 г. у мужчин и с 2001 г. у женщин; для «колоректального рака – с 2003 г. у мужчин и с 1999 г. у женщин; для ЗНО трахеи, бронхов и легкого с 2003 г. у мужчин и с 2004 г. у женщин; для других ЗНО рост показателя регистрируется с первых лет наблюдений как для мужчин, так и для женщин; для ЗНО молочной железы рост регистрируется с 1999 г., а для ЗНО женских половых органов – после периода снижения в 2000-2003 гг. Средний возраст смерти от ЗНО предстательной железы растет с 2002 г. Средний возраст смерти от ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у мужчин растет после периода снижения, продолжавшегося до 2002 г., вплоть до 2012 г. с последующим выходом на плато. У женщин динамика этого показателя является исключением из общей

тенденции к увеличению среднего возраста смерти от ЗНО, он колебался в районе 71 года с двумя периодами резкого снижения между 2001 и 2003 г. и в 2010 г. с наблюдаемым в 2011 г. ростом и последующим снижением вплоть до 2016 г. В 2016 г. показатель достигает значения 70,1 года, что ниже значения, наблюдаемого в 1999 г. (71,4 года). Наибольшая разница среднего возраста смерти у мужчин и у женщин наблюдается для ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода и ЗНО трахеи, бронхов и легкого, наименьшая – для колоректального рака. Локализации с наибольшим наблюдаемым средним возрастом смерти у мужчин – ЗНО предстательной железы, а у женщин – колоректальный рак, с наименьшим – ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у мужчин и ЗНО половых органов у женщин.

За рассматриваемый период рост среднего возраста смерти превосходил рост среднего возраста заболевания ЗНО. Однако если средний возраст заболевания у мужчин для всех ЗНО был выше, чем у женщин, то с возрастом смерти наблюдается обратная ситуация. Несмотря на то, что средний возраст смерти у мужчин увеличился больше, чем у женщин, последние тем не менее умирают от всех ЗНО на 1,9 года позже, чем мужчины. У мужчин повышение среднего возраста смерти во многом определяется ЗНО желудка, колоректальным раком и ЗНО трахеи, бронхов и легкого, в то время как у женщин – другими ЗНО, ЗНО молочной железы, колоректальным раком и ЗНО желудка. Как и в случае с возрастом заболевания, максимальный возраст смерти практически для всех локализаций приходится на 2014-2016 гг. Однако значимым исключением здесь (как и в случае с заболеваемостью) являются ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у женщин, для которых наблюдается тенденция к снижению среднего возраста смерти.

Перейдем к анализу динамики продолжительности болезни, в данной модели представляющей собой разность среднего возраста заболевания и среднего возраста смерти от ЗНО. На рисунке 4 представлена динамика средней ожидаемой продолжительности болезни ЗНО рассматриваемых локализаций в населении РФ.

Логичным следствием роста среднего возраста смерти, опережающего рост среднего возраста заболевания ЗНО, является увеличение значений средней продолжительности болезни, иными словами, увеличение числа лет, прожитых в состоянии неполного здоровья. Из графиков на рисунке 4 следует, что продолжительность болезни растет для всех рассматриваемых локализаций, за исключением ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у женщин. Очевидно, что продолжительность болезни у мужчин значительно короче таковой у женщин, причем для категории «все ЗНО» наблюдается тенденция к дальнейшей конвергенции в значениях данного показателя. У мужчин, тем не менее, наблюдается значительный рост среднего числа лет, прожитых с ЗНО предстательной железы. За рассматриваемый период наименьшая средняя продолжительность болезни у мужчин приходится на ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода, а также ЗНО трахеи, бронхов и легкого со средними значениями, равными примерно 0,5 года, в то время как у женщин – на ЗНО трахеи, бронхов и легкого (1,3 года) и желудка (1,5 года). Локализациями с наименее стабильной динамикой являются ЗНО молочной железы и половых органов у женщин, причем для ЗНО женских половых органов рассматриваемый показатель принимает наибольшие значения в 2009-2010 гг. У мужчин для всех рассматриваемых

диагностических категорий наблюдается тенденция к росту числа лет, прожитых с ЗНО. Наиболее значительный рост этого показателя у мужчин приходится на ЗНО предстательной железы, в то время как у женщин при исключении группы «другие ЗНО» – на колоректальный рак. Следует, однако, отметить тенденцию к некоторому снижению средней продолжительности болезни, наметившуюся в последние годы наблюдений, наиболее ярко выраженную у женщин для следующих локализаций: ЗНО желудка, колоректальный рак и ЗНО трахеи, бронхов и легкого.

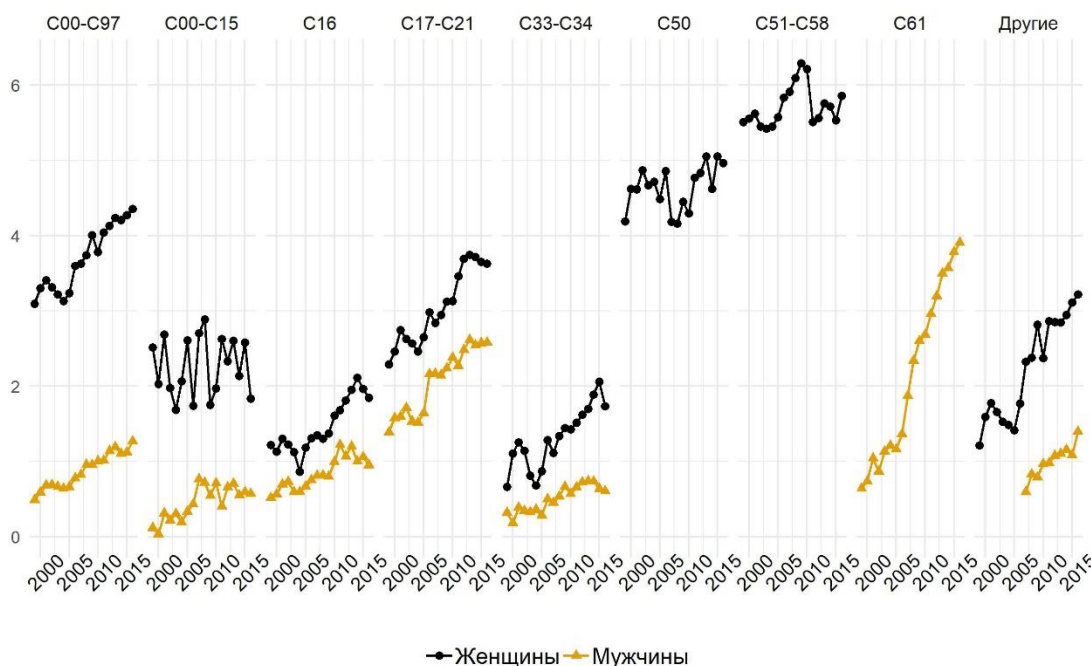

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительности болезни, 1999-2016, лет

C00-C97 – все локализации; C00 - C15 – ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода; C33 - C34 – ЗНО трахеи, бронхов и легкого; C16 – ЗНО желудка; C17 - C21 – ЗНО кишечника и прямой кишки (колоректальный рак); C50 – ЗНО женской молочной железы; C51 - C58 – ЗНО женских половых органов; C61 – ЗНО предстательной железы.

Источник: Расчет автора на основе данных, описанных в разделе «Данные и методы».

Рост показателя средней продолжительности болезни, выраженный в увеличении числа лет, прожитых с ЗНО, может привести к росту распространённости ЗНО в населении РФ. На рисунке 5 представлены стандартизованные по возрасту коэффициенты распространённости ЗНО рассматриваемых локализаций в населении РФ.

У мужчин, исключая группу «другие ЗНО», распространённость которых в населении является самой высокой, наиболее распространенной формой являются ЗНО предстательной железы, за которыми следуют колоректальный рак, ЗНО трахеи, бронхов и легкого и губы, полости рта, глотки и пищевода. ЗНО желудка являются наименее распространенной формой рака у мужчин, очевидно вследствие высокой летальности. Единственной локализацией у мужчин, для которой наблюдается незначительное снижение коэффициентов распространённости, является ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода. Наибольшая скорость роста коэффициента распространённости наблюдается для ЗНО

предстательной железы и для колоректального рака, в то время как для распространенности ЗНО желудка и для ЗНО трахеи, бронхов и лёгкого наблюдается относительно стабильная динамика.

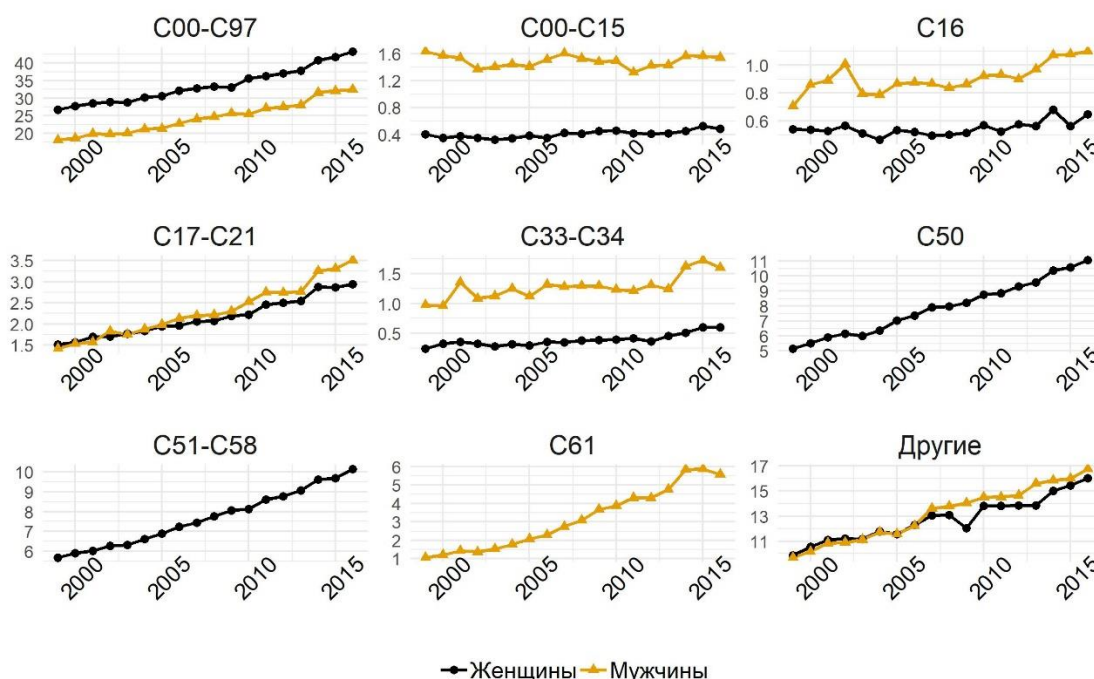

Рисунок 5. Стандартизованные по возрасту коэффициенты распространенности ЗНО в населении РФ, на 1000 населения, 1999-2016

Стандартизация выполнена прямым методом с использованием европейского возрастного стандарта.

C00-C97 – все локализации; C00 - C15 – ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода; C33 - C34 – ЗНО трахеи, бронхов и легкого; C16 – ЗНО желудка; C17 - C21 – ЗНО кишечника и прямой кишки (колоректальный рак); C50 – ЗНО женской молочной железы; C51 - C58 – ЗНО женских половых органов; C61 – ЗНО предстательной железы.

Источник: Расчет автора на основе данных, описанных в разделе «Данные и методы».

Представленная на рисунке 5 динамика коэффициентов распространенности у женщин более стабильна, чем у мужчин, но в тоже время рост распространенности злокачественных новообразований наблюдается для всех без исключения рассматриваемых локализаций. Не считая группы «другие ЗНО», больше всего распространены ЗНО молочной железы и женских половых органов, для которых также наблюдается наибольшая скорость роста, за ними следуют колоректальный рак, ЗНО желудка и трахеи, бронхов и легкого. Локализация с наименьшей распространенностью - ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода.

Не считая несвойственных обоим полам локализаций, мы наблюдаем следующие структурные различия в распространенности злокачественных новообразований у мужчин и у женщин: если у мужчин ЗНО трахеи, бронхов и легкого более распространены, чем ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода, а ЗНО желудка являются наименее распространенной локализацией, то у женщин более распространены именно ЗНО желудка,

за ними следуют ЗНО трахеи, бронхов и легкого, наименее распространены ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода. В целом распространённость ЗНО в женском населении превосходит таковую в мужском, несмотря на то, что заболеваемость ЗНО в мужском населении гораздо выше, чем в женском. В последние годы наблюдения фиксируется тенденция к ускорению роста стандартизованного по возрасту показателя распространённости ЗНО в населении РФ, причем наиболее выраженного именно у мужчин. Примером могут служить локализации «ЗНО трахеи, бронхов и легкого» и «ЗНО предстательной железы».

Рассмотрим коэффициенты распространённости, сравнив показатели 2016 и 1999 г. За рассматриваемый период динамика стандартизованных по возрасту коэффициентов распространённости была следующей.

У мужчин:

- все ЗНО – рост в 1,8 раза,
- другие ЗНО – рост в 1,7 раза,
- ЗНО предстательной железы – рост в 5,2 раза,
- колоректальный рак – рост в 2,5 раза,
- ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода – снижение в 0,1 раза,
- ЗНО трахеи, бронхов и легкого и ЗНО желудка – рост в 1,6 раза.

У женщин:

- все ЗНО и другие ЗНО – рост в 1,6 раза,
- ЗНО женских половых органов – рост в 1,8 раза,
- ЗНО молочной железы – рост в 2,1 раза,
- колоректальный рак – рост в 2 раза,
- ЗНО желудка – рост в 1,2 раза,
- ЗНО трахеи, бронхов и легкого – рост в 2,5 раза,

ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода – рост в 1,2 раза.

Исходя из полученных при помощи модели Дюшен данных, мы делаем вывод о росте распространённости ЗНО всех локализаций в населении РФ, за исключением незначительного снижения коэффициентов распространённости ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода у мужчин.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют утверждать, что распространённость ЗНО в населении России увеличивается, а следовательно, растёт и роль ЗНО как фактора инвалидизации населения. В последние годы наблюдения фиксируется тенденция к ускорению роста стандартизованного по возрасту показателя распространённости ЗНО в населении РФ, наиболее выраженная у мужчин. Примером могут служить ЗНО трахеи, бронхов и легкого (С33-С34), предстательной железы (С61), желудка (С16). В этот период не наблюдается значительного ускорения роста показателя средней продолжительности

болезни, однако отмечается тенденция к росту стандартизованного по возрасту показателя заболеваемости населения РФ всеми ЗНО (рисунок 1), наиболее выраженная в мужском населении. Таким образом, можно предположить, что рост заболеваемости также играет важную роль в росте распространенности ЗНО в населении РФ, по крайней мере, в разрезе названных локализаций. Так, несмотря на то, что средняя продолжительность жизни у женщин больше, чем у мужчин распространённость, например, ЗНО трахеи, бронхов и лёгкого (С33–С34) и желудка (С16) у мужчин превосходит таковую у женщин.

Наибольший рост коэффициентов распространённости приходится на ЗНО предстательной железы (С61), однако наиболее вероятной причиной такого роста может служить гипердиагностика как результат практики проведения процедуры скрининга на рак простаты [Bray, Parkin 2009]. Единственной локализацией, для которой наблюдается незначительное снижение коэффициентов распространённости, являются ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода (С00-С15) у мужчин. Несмотря на то, что заболеваемость в мужском населении значительно выше, чем в женском, распространённость ЗНО у последних выше, чем у мужчин, что может свидетельствовать в пользу гипотезы о лучшей выживаемости женщин, больных ЗНО, выраженной большей, по сравнению с мужчинами, продолжительностью жизни. Следует также отметить существующую в будущем угрозу роста женской смертности от злокачественных новообразований. Так как число умерших от рака является функцией роста заболеваемости, то наблюдаемый для женского населения рост последней может в дальнейшем выразиться в увеличении числа умерших от рака.

Средний возраст заболевания ЗНО и средний возраст смерти от них за рассматриваемый период росли, казалось бы, независимо. Мужчины за рассматриваемый период стали заболевать ЗНО позже, чем женщины, подтверждая гипотезу о смещении модального возраста заболевания ЗНО в старшие возрастные интервалы. В тоже время наблюдается рост среднего возраста смерти, более значительный, чем рост среднего возраста заболевания. Следовательно, модальные значения возраста смерти от ЗНО также смещаются в сторону старших возрастных интервалов. У женщин отмечается аналогичная мужчинам динамика. Рост среднего возраста заболевания уступает росту среднего возраста смерти. Единственной локализацией, для которой наблюдается обратная динамика, являются ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода (С00-С15) у женщин, для которой наблюдается снижение как возраста смерти, так и возраста заболевания, причем снижение возраста смерти более значительно. Несмотря на то, что минимальный возраст заболевания ЗНО рассматриваемых локализаций приходится на разные годы, максимальное значение во всех рассматриваемых нами случаях приходилось либо на 2016, либо на один из нескольких предшествующих ему годов. Следствием динамики наблюдаемых процессов является и рост средней продолжительности жизни, фиксирующийся для всех рассматриваемых локализаций как у мужчин, так и у женщин, за исключением локализации «ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода» (С00-С15) у женщин.

В настоящее время в работах, посвященных проблеме заболеваемости хроническими болезнями и последующей смертности от них, весьма популярна концепция компрессии заболеваемости. Автор концепции [Fries 1980, 2002, 2005] выдвигает следующее предположение: в случае, если в населении наблюдается рост ожидаемой

продолжительности жизни, одновременно с этим должна происходить и так называемая компрессия заболеваемости, выраженная в сокращении числа лет жизни, прожитых в состоянии неполного здоровья. Согласно выдвигаемой им гипотезе, снижение коэффициентов заболеваемости хроническими болезнями будет происходить по аналогии с наблюдавшимся ранее снижением смертности. Автор также предполагает, что будет наблюдаться смещение среднего возраста заболевания в сторону старших возрастов, иными словами будет сокращаться время между началом заболевания и смертью (это и есть компрессия заболеваемости) [Crimmins, Beltrán-Sánchez 2011]. Мы видим, что рост среднего возраста заболевания ЗНО действительно наблюдается в России. Однако одновременно с этим отмечается гораздо более значительный рост среднего возраста смерти от ЗНО. В результате этих процессов, подкрепленных снижением смертности от ЗНО и отсутствием снижения заболеваемости ЗНО, происходит рост распространенности ЗНО. Он определяется как ростом продолжительности болезни, являющимся в том числе и результатом лучшей выживаемости онкологических больных, так и ростом стандартизованных коэффициентов заболеваемости для диагностической категории «все ЗНО». Это позволяет сделать вывод, что в населении России в разрезе рассмотренных нами диагностических категорий ЗНО не наблюдается феномена компрессии заболеваемости. В противоположность этому наблюдается феномен экспансии заболеваемости, выраженный в увеличении среднего количества лет, прожитого населением в состоянии нездоровья, обусловленного ЗНО. Исключением является локализация «ЗНО губы, полости рта, глотки и пищевода» (C00-C15) у женщин, для которой наблюдается компрессия заболеваемости, выраженная в снижении числа лет, прожитых с ЗНО. В мужском населении компрессия заболеваемости для этой локализации не наблюдается, несмотря на некоторое снижение стандартизованного коэффициента распространённости, так как одновременно происходит рост среднего числа лет, прожитых с ЗНО.

Результатом наблюдаемой динамики могут стать дальнейший рост распространённости ЗНО и дальнейшее увеличение роли ЗНО как фактора инвалидизации населения.

В заключение скажем несколько слов об ограничениях данного исследования. При интерпретации полученных результатов следует помнить, что используемая нами модель Д. Дюшен не является мультистатусной в полной мере, но лишь приближенной или искусственной. Модель обладает двумя особенностями, результатом которых могут оказаться отрицательные значения функции дожития. С учетом доступности данных мы вынуждены рассчитывать показатель заболеваемости по отношению ко всему населению, а не только к здоровым людям, т.е. использовать не показатель интенсивности заболеваемости, но так называемый коэффициент второго порядка. Смертность в рамках модели также относится ко всему населению, а не только к больным ЗНО определенной диагностической категории. В результате мы получаем приближенные показатели. Тем не менее, так как все показатели рассчитаны с использованием идентичного метода, анализ их динамики и ее сравнение для мужского и женского населения имеют смысл.

Важно также отметить одну из фундаментальных особенностей модели Д. Дюшен. В рамках этой модели синтетическая когорта изначально делится на 2 группы: группу больных и группу здоровых. Предполагается, что выбытие из первой группы

осуществляется не только в результате воздействия изучаемой причины, но также и других, отличных от нее причин. Сама модель основывается на применении двух частных моделей заболеваемость-смертность. Первая из них не учитывает возможность ремиссии и в свою очередь состоит из двух моделей двойного выбытия, в рамках которых члены синтетической когорты либо остаются в группе здоровых, либо выбывают из нее вследствие перехода в группу заболевших, либо в группу умерших от причин, отличных от рассматриваемой. Таким образом, заболевшие члены когорты могут, в свою очередь, выбыть из-под наблюдения вследствие смерти как от рассматриваемой причины, так и от иной отличной от нее причины.

Вторая модель принимает во внимание возможность ремиссии и включает в себя три взаимосвязанных состояния: отсутствие данного заболевания, его наличие, выбытие из-под наблюдения вследствие смерти. Между этими тремя состояниями осуществляется 4 перехода, которые можно охарактеризовать как заболевание, ремиссия, смерть от рассматриваемой причины или от любой иной причины. Таким образом, в рамках модели смертность гипотетического поколения вследствие причин, отличных от изучаемой, принимается за равную таковой в здоровом населении (т.е. в населении, не страдающим от данного заболевания). Безусловно, такое допущение является слабой стороной модели, так как очевидно, что структура смертности населения, больного ЗНО, отличается от таковой у здорового населения в силу воздействия иных факторов риска и поведенческих факторов. Следует также учесть, что так как в рамках модели существует возможность выбытия из-под наблюдения вследствие смерти от причины, отличной от рассматриваемой, часть смертей пациентов, рассматриваемых в модели по поводу одной локализации ЗНО, но умерших от другой, попадает в группу «другие ЗНО».

Другой проблемой является неполная сопоставимость данных по смертности с данными по заболеваемости. За рассматриваемый период отчетная форма по заболеваемости и смертности менялась один раз в 2011 г. (до этого отчетная форма по смертности менялась в 1999 г.) [Петрова и др. 2015]. Таким образом, данные, опубликованные Институтом им. П.А. Герцена за рассматриваемый нами период, различаются полнотой перечня локализаций. К примеру, в публикуемых Институтом им. П.А. Герцена данных по заболеваемости вплоть до 2011 г. отсутствуют коды МКБ-10, соответствующие таким локализациям, как ЗНО тонкого кишечника (C17) у мужчин и у женщин, а также ряд локализаций, относящихся к классу «ЗНО женских половых органов»: ЗНО вульвы (C51) и ЗНО влагалища (C52). Данный фактор следует обязательно учитывать при интерпретации результатов, полученных при помощи модели. Следует также помнить, что в России сбор данных по заболеваемости и по смертности по причинам смерти осуществляется независимо двумя различными ведомствами (Минздравом и Росстатом), что также может сказываться на полноте данных и их сопоставимости.

Совокупность этих двух факторов, т.е. неполной сопоставимости данных по смертности и заболеваемости, а также того, что модель не является в полной мере мультистатусной, и определяет возникающую при расчете модели проблему отрицательного дожития для диагностической группы «другие ЗНО» у мужчин. Следует также отметить, что средняя продолжительность болезни в связи с этими фактами является

наименее надежным из всех полученных нами показателей, так как представляет собой разность показателей, рассчитанных на основании данных, полученных из независимых источников (форма С51 и форма №7).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует отдельно отметить, что анализ роста распространенности ЗНО в населении сам по себе является малоинформативным, так как такой рост может являться как функцией роста заболеваемости, так и следствием лучшей выживаемости онкологических больных. Очевидно, что в случае если рост распространенности наблюдается в значительной степени вследствие увеличения заболеваемости, то ему следует дать в целом негативную оценку, однако если такой же рост происходит вследствие лучшей выживаемости пациентов уже больных ЗНО, то это несомненно положительный тренд. К сожалению показатель распространенности ЗНО в населении не позволят дать однозначный ответ на поставленный таким образом вопрос, а следовательно необходимо анализировать его в совокупности с другими популяционными характеристиками рака.

В данной работе мы применили модель Д. Дюшен и таблицы множественного выбытия на ее основе для оценки ряда неизвестных характеристик онкологической смертности и заболеваемости населения РФ в разрезе рассматриваемых диагностических категорий. Мы оценили распространенность ЗНО, средний возраст заболевания и смерти от ЗНО и среднюю продолжительность болезни. На основании полученных результатов можно предположить, что, несмотря на то что рост распространенности ЗНО в населении РФ является, в том числе, и результатом роста заболеваемости, он также обусловлен и ростом средней ожидаемой продолжительности болезни, косвенно подтверждая гипотезу, о лучшей выживаемости онкологических больных. Наблюдаемое смещение среднего возраста заболеваемости и среднего возраста смерти от ЗНО рассматриваемых локализаций в старшие возрастные интервалы, выражается в увеличении средней продолжительности болезни рассматриваемой как разность среднего возраста смерти и среднего возраста заболевания ЗНО. Данная тенденция предопределяет феномен экспансии заболеваемости, наблюдаемый для всех рассмотренных групп ЗНО, за исключением группы «ЗНО губы, полости рта и пищевода» (C00-C15) у женщин, для которой наблюдается сокращение средней продолжительности болезни или компрессия заболеваемости. В настоящее время в РФ в целом подтверждается не только смещение заболевания ЗНО в старший возраст, но также есть и косвенные свидетельства улучшения прогноза на выживаемость, что и выражается в росте распространенности ЗНО. Таким образом, основываясь на наблюдаемой динамике популяционных процессов, можно выдвинуть гипотезу о вероятности дальнейшего увеличения роли ЗНО как фактора инвалидизации населения РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М., Е.А. Кваша, Т.Л. Харьковская (2014). Продолжительность жизни в России: восстановительный рост // Демоскоп Weekly. 621–622. URL:

- <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0621/demoscope621.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).
- Вишневский А.Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 1(4). URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1801/2524> (дата обращения: 20.03.2018).
- Каприн А.Д., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2014). Злокачественные новообразования в России в 2012 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения и социального развития России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2012.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Каприн А.Д., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2015). Злокачественные новообразования в России в 2013 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2013.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Каприн А.Д., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2016). Злокачественные новообразования в России в 2014 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2014.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Каприн А.Д., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2017). Злокачественные новообразования в России в 2015 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2015.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Каприн А.Д., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2018a). Злокачественные новообразования в России в 2016 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2016.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Каприн А.Д., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2018b). Состояние онкологической помощи населению России в 2017 году // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения России. URL: <http://www.oncology.ru/service/statistics/condition/2017.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
- Петрова Г.В., А.Д. Каприн, О.П. Грецова, В.В. Старинский (2015). Злокачественные новообразования в России обзор статистической информации за 1993-2013 гг. // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/1993-2013.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Петрова Г.В., В.В. Старинский, О.П. Грецова (2016). Оценка качества учета умерших больных со злокачественными новообразованиями в России // Исследования и практика в медицине. 3(4): 70–74.
- Чиссов В.И., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2010). Злокачественные новообразования в России в 2008 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения и социального развития России. URL:

- http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2008.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Чиссов В.И., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2009). Злокачественные новообразования в России в 2007 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения и социального развития России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2007.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Чиссов В.И., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2011). Злокачественные новообразования в России в 2009 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения и социального развития России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2009.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Чиссов В.И., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2012). Злокачественные новообразования в России в 2010 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Минздравсоцразвития России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2010.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Чиссов В.И., В.В. Старинский, Г.В. Петрова (2013). Злокачественные новообразования в России в 2011 году (заболеваемость и смертность) // ФГБУ МНИОИ им. П.А. Герцена. М.: Министерство здравоохранения и социального развития России. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2011.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
- Щербакова Е.М. (2018). Россия: предварительные демографические итоги 2017 года часть II // Демоскоп Weekly. 761-762. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0761/barom01.php> (дата обращения: 05.04.2018).
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, D. Jasilionis (2018). Two demographic models for estimation of population-level burden of cancer: an excel spreadsheet // MPIDR - 2018. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/technicalreports/tr-2018-004.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
- Bray F., A. Jemal, N. Grey, J. Ferlay, D. Forman (2012). Global cancer transitions according to the human development index (2008–2030): a population-based study // *The Lancet oncology*. 13(8): 790–801.
- Bray F., D. Parkin (2009). Evaluation of data quality in the cancer registry: principles and methods part I: Comparability, validity and timeliness // *European journal of cancer*. 45(5): 747–755.
- Crimmins E., H. Beltrán-Sánchez (2011). Mortality and morbidity trends: is there a compression of morbidity? // *The journals of gerontology series B: psychological sciences and social sciences*. 66B(1): 75–86.
- Duchêne J. (2002). *The Measurement of mortality by cause and of morbidity: the life table* // Springer. 209–244.
- Fries J. (2002). Aging, natural death, and the compression of morbidity // *Bulletin of the World Health Organization*. 80: 245–250.
- Fries J. (1980). Aging, natural death, and the compression of morbidity // *The new England journal of medicine*. 303(3): 130–135.
- Fries J. (2005). The compression of morbidity // *The Milbank quarterly*. 83(4): 801–823.

Grigoriev P., F. Meslé, V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova, J. Vallin (2014). The recent mortality decline in Russia: beginning of the cardiovascular revolution? // Population and development review. 40(1): 107–129.

Shkolnikov V.M., E.M. Andreev, M. McKee, D. Leon (2013). Components and possible determinants of decrease in Russian mortality in 2004-2010 // Demographic Research. 28(32): 917–50. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol28/32/28-32.pdf> (дата обращения: 09.04.2018).

World Health Organization factsheet (2017). URL: <http://www.who.int/en/news-room/factsheets/detail/cancer> (дата обращения: 30.03.2018).

AN EVALUATION OF THE PREVALENCE OF MALIGNANT NEOPLASMS IN RUSSIA USING AN INCIDENCE-MORTALITY MODEL

RUSTAM TURSUN-ZADE

This paper aims to estimate the cancer mortality and morbidity derivatives for the Russian population given the limited access to medical and demographic data. The multiple-decrement life table method - also known as the population model of cancer - was originally proposed by J. Duchêne and makes it possible to assess otherwise inaccessible indicators, such as the prevalence of cancer in the Russian population. Applying this model to the publicly available data on cancer mortality and morbidity, we were able to estimate the following indicators for the Russian population: average age at malignant neoplasms (MN) diagnosis, average duration of disease, prevalence of MN, and average age at death from MN. We aimed to determine whether the prevalence of MN is increasing in the Russian Federation and whether this growth is occurring due to expansion of morbidity.

It was found that the average age at cancer diagnosis, along with the average age at death from cancer, is increasing in the Russian population, with the primacy of the latter. These processes are in turn resulting in an increase of the average number of years lived with cancer, hence justifying the claim for an expansion of morbidity. This phenomenon, along with the increase in the incidence of MN, is the cause of the increase in MN prevalence in Russia.

Localizations with the highest and lowest MN prevalence were identified, as well as localizations for which the expansion of morbidity phenomenon does not occur. It was found that in Russia the general trend is for the expansion of morbidity, expressed in an increase of the number of years lived in an imperfect health condition. MN of the lip, oral cavity and esophagus (C00-C15) in women is the only localization for which this phenomenon is not observed. This localization is the only exception to the otherwise observed expansion of morbidity. The main limitations and drawbacks of the study are discussed in a separate section.

Key words: *multiple decrement life-tables, incidence and mortality of malignant neoplasms, prevalence of malignant neoplasms, derivatives of cancer mortality and incidence, oncological statistics, cancer data analysis.*

RUSTAM TURSUN-ZADE (rtursun-zade@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THIS STUDY WAS FUNDED BY THE STATE SUPPORT PROGRAM FOR LEADING UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: «5-100».

DATE RECEIVED: JULY 2018.

REFERENCES

- Andreev E.M., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova (2014). Prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii: vosstanovitel'nyy rost [Life expectancy in Russia: the compensatory increase] // Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]. 621–622. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0621/demoscope621.pdf> (accessed: 01.04.2018).
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, D. Jasilionis (2018). Two demographic models for estimation of population-level burden of cancer: an excel spreadsheet // MPIDR - 2018. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/technicalreports/tr-2018-004.pdf> (accessed: 10.05.2018).

- Bray F., A. Jemal, N. Grey, J. Ferlay, D. Forman (2012). Global cancer transitions according to the human development index (2008–2030): a population-based study // *The Lancet oncology*. 13(8): 790–801.
- Bray F., D. Parkin (2009). Evaluation of data quality in the cancer registry: principles and methods part I: Comparability, validity and timeliness // *European journal of cancer*. 45(5): 747–755.
- Chissov V.I., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2009). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2007 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2009 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A. Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2007.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Chissov V.I., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2010). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2008 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2008 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A. Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2008.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Chissov V.I., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2011). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2009 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2009 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A. Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2009.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Chissov V.I., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2012). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2010 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2010 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A. Gertsen]. Moscow: Minzdravsotsrazvitiya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2010.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Chissov V.I., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2013). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2011 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2011 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A. Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2011.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Crimmins E., H. Beltrán-Sánchez (2011). Mortality and morbidity trends: is there a compression of morbidity? // *The journals of gerontology series B: psychological sciences and social sciences*. 66B(1): 75–86.
- Duchêne J. (2002). The Measurement of mortality by cause and of morbidity: the life table // Springer. 209–244.
- Fries J. (1980). Aging, natural death, and the compression of morbidity // *The new England journal of medicine*. 303(3): 130–135.
- Fries J. (2002). Aging, natural death, and the compression of morbidity // *Bulletin of the World Health Organization*. 80: 245–250.
- Fries J. (2005). The compression of morbidity // *The Milbank quarterly*. 83(4): 801–823.

- Grigoriev P., F. Meslé, V.M. Shkolnikov, E.M. Andreev, A. Fihel, M. Pechholdova, J. Vallin (2014). The recent mortality decline in Russia: beginning of the cardiovascular revolution? // Population and development review. 40(1): 107–129.
- Kaprin A.D., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2014). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2012 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2012 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2012.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Kaprin A.D., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2015). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2013 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2013 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2013.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Kaprin A.D., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2016). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2014 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2014 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2014.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Kaprin A.D., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2017). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2015 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2015 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2015.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Kaprin A.D., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2018a). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii v 2016 godu (zabolevaemost' i smertnost') [Malignant neoplasms in Russia in 2016 (mortality and incidence)] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/2016.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Kaprin A.D., V.V. Starinskiy, G.V. Petrova (2018b). Sostoyanie onkologicheskoy pomoshchi naseleniyu Rossii v 2017 godu [State of the oncological aid to Russian population in 2017] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: <http://www.oncology.ru/service/statistics/condition/2017.pdf> (accessed: 10.05.2018).
- Petrova G.V., A.D. Kaprin, O.P. Gretsova, V.V. Starinskiy (2015). Zlokachestvennyye novoobrazovaniya v Rossii obzor statisticheskoy informatsii za 1993-2013 gg. [Malignant neoplasms in Russia statistical review for 1993-2013] // FGBU MNIOI im. P.A. Gertsena [FGBA MROI named after P.A Gertsen]. Moscow: Ministerstvo zdravookhraneniya Rossii. URL: http://www.oncology.ru/service/statistics/malignant_tumors/1993-2013.pdf (accessed: 07.03.2018).
- Petrova G.V., V.V. Starinskiy, O.P. Gretsova (2016). Otsenka kachestva ucheta umershikh bol'nykh so zlokachestvennym novoobrazovaniyami v Rossii [Assessments of the quality of

- accounting for deaths caused by malignant neoplasms in Russia] // *Issledovaniya i praktika v meditsine* [Research and practical medicine journal]. 3(4): 70–74.
- Rosstat (2017). *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. Statisticheskij sbornik* [The demographic yearbook of Russia] // M.: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (accessed 10.06.2018)
- Shcherbakova E.M. (2018). *Rossiya: predvaritel'nye demograficheskie itogi 2017 goda* [Preliminary demographic resume for 2017]. Chast' II [part II] // *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. 761-762. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0761/barom01.php> (accessed: 05.04.2018).
- Shkolnikov V.M., E.M. Andreev, M. McKee, D. Leon (2013). Components and possible determinants of decrease in Russian mortality in 2004-2010 // *Demographic Research*. 28(32): 917–50. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol28/32/28-32.pdf> (accessed: 09.04.2018).
- Vishnevsky A.G. (2014). *Smernost' v Rossii: nesostoyavshayasya vtoraya epidemiologicheskaya revolyutsiya* [Mortality in Russia: unfulfilled second epidemiologic revolution] // *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 1(4). URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1801/2524> (accessed: 20.03.2018).
- World Health Organization factsheet (2017). URL: <http://www.who.int/en/news-room/factsheets/detail/cancer> (accessed: 30.03.2018).

АРМЯНЕ РОССИИ – ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОШЛОГО, СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СЕРГЕЙ СУЩИЙ

В статье анализируется количественный рост, пространственная динамика, гендерная структура и форма расселения армянского населения России в XVIII-XX веках. Изучено демографическое соотношение крупнейших региональных сообществ на разных этапах их развития. Определены основные исторические периоды геодемографической динамики армян России.

Первый может быть обозначен как «южнороссийский» (вторая треть XVIII века – 1920-е годы). На его протяжении подавляющая часть армянского населения России концентрировалась в пределах южного макрорегиона. На втором этапе (середина 1920-х – первая половина 1980-х гг.) армяне расселяются почти по всей территории РСФСР, но представляют внутренне слабосвязанные этнические группы. Третий период (вторая половина 1980-х – настоящее время) связан с трансформацией данных групп в развитые региональные общины.

Три века количественного роста позволили армянам стать к началу XXI века одним из крупнейших народов Российской Федерации. В среднесрочной перспективе (к 2030 г.) при благоприятном сценарии демографической динамики армяне в состоянии занять третью позицию в демографическом рейтинге народов России (следом за русскими и татарами).

Ключевые слова: геодемографическая динамика, армянское население России, региональные диаспоры, миграционные процессы, система расселения, гендерный баланс.

Учитывая исторически изменчивую динамику территориальных пределов Российского государства, геодемографическая динамика армянского населения будет рассматриваться нами в пространственных границах современной Российской Федерации (по состоянию на 2018 г.). Тем самым мы исключаем из данного исследования анализ крупных средоточий армян, существовавших не только в пределах Армянской или двух других закавказских, но и всех остальных союзных республик бывшего СССР, как и ряда регионов, до 1917 г. входивших в состав Российской империи. Но в отдельных случаях (они оговариваются в тексте) речь будет идти обо всем армянском населении страны, будь то Российская империя или Советский Союз. При этом под Югом России (южным макрорегионом) мы будем понимать районы Подонья, нижнего Поволжья, степного Предкавказья, Северного Кавказа и Крыма, т.е. территории, в настоящее время составляющие два федеральных округа – Южный и Северо-Кавказский.

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ СУЩИЙ (SS7707@mail.ru), ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН, РОССИЯ.

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В РАМКАХ ПРОЕКТА РФФИ «АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА ДОНА В НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЯ, ИНСТИТУТЫ, ИДЕНТИЧНОСТЬ» (18-59-05004).

СТАТЬЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В МАЕ 2018 Г.

Отдельные выходцы из Армении или локальные группы ее уроженцев появляются в пределах будущей России еще в античности и средневековье. Но только с момента включения в состав Российского государства нижнего Поволжья (середина XVI века) в пределах страны появляются центры с крупными армянскими общинами (прежде всего выделим Астрахань, в которой армяне являлись старожильческим населением). Число таких центров заметно увеличивается в XVIII веке, когда на присоединенных землях степного Предкавказья начинает формироваться новый российский макрорегион.

Организованные (или стимулируемые) властью миграции армянского населения закладывают в это время основы его поселенческой сети в пределах Юга России. Основные ее средоточия со второй половины столетия становятся центрами притяжения и концентрации все новых групп переселенцев. Самым существенным образом меняется и удельная композиция очагов армянского присутствия в южном макрорегионе. Если в XVI–XVII веках основные средоточия армян – это Астрахань, Дербент, адыго-черкесский ареал черкесогаев на Северо-Западном Кавказе, то в середине – второй половине XVIII века на значимые позиции выдвигаются нижнее Подонье (Нор-Нахичеван с прилегающими армянскими селами), Кизлярский и Моздокский уезды Кавказской области. В общей сложности армянское население Юга России на рубеже XIX века составляет порядка 23–24 тыс. человек (без черкесогаев, учет которых способен увеличить данное множество до 30–35 тыс.). На южный макрорегион приходится до 98–99% армянского населения всей России, и он на долгое время становится основным их средоточием (рисунок 1).

Рисунок 1. Армяне в России, 1800¹

¹ Для составления картосхемы использовались данные взятые из [Аваков 2012; Аганесова, Суздальцева 2007; Акопян 2005; Аракелян 1984; Волкова 1966; Кабузан 1990, 1996; Тер-Саркисянц 1998, 2005].

Даже спустя 100 лет, в конце XIX века, система расселения армян в пределах большой России почти не изменилась, при том что в составе империи появилось Закавказье, располагавшее многочисленным армянским населением. Но территории данного национального региона армяне практически не покидали. За его пределами их было немного, и они по-прежнему в максимальной степени концентрировались в Новороссии, которая в это время помимо степного Предкавказья (Дон, Кубань и Ставрополье) включала причерноморские губернии и Бессарабию. Как результат на Юг России все еще приходилось более 95% армянского населения, расселенного в территориальных границах современной РФ (рисунок 2).

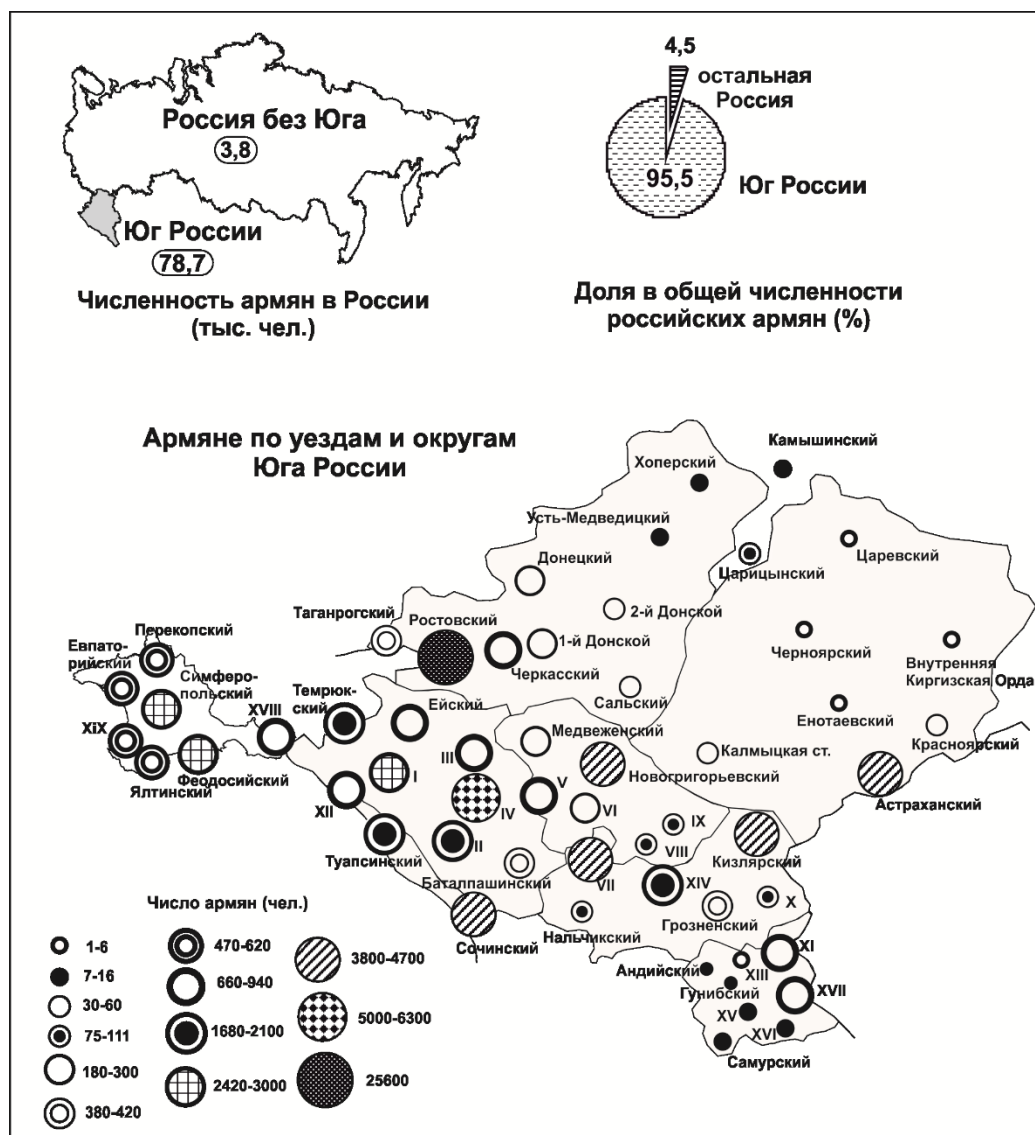

Рисунок 2. Армяне в России, 1897²

² Для составления картосхем 2-3, 5-17 использовались материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также Всесоюзных переписей населения 1926–1989 гг. и Всероссийских переписей населения 2002–2010 гг. Геодемографическая статистика армянского населения на 2002 и 2010 гг. по российским регионам и городским центрам была собрана с сайта Росстата, а также, частично, с сайтов его региональных отделений. Электронные ресурсы: перепись 1897 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php; перепись 1926 г. – URL:

В подавляющем большинстве губерний центральной, северной или зауральской России армяне на рубеже XIX-XX веков крайне малочисленны. Первая всеобщая перепись населения империи 1897 г. зафиксировала их здесь по 5-15 человек на губернию. Эти малые группы отличал очень высокий по меркам данного времени уровень урбанизации и преимущественно мужской состав. В большинстве губерний империи число армян-мужчин в 3-4 раза (иногда и в 10-12 раз) превышало число женщин. Учитывая минимальные размеры и гендерный дисбаланс, речь скорее идет даже не о локальных этнических группах, но о дисперсном расселении – некотором числе одиноких мужчин, проживающих в городах, причем преимущественно крупных, уровня губернского центра.

Среди демографических средоточий армянского населения в пределах центральной России выделим обе столичных общины (рисунок 3). Впрочем, и они по своему размеру на рубеже XX века в разы уступают городским армянским общинам многих южнороссийских городов (а петербургская вообще не попадает в первую десятку).

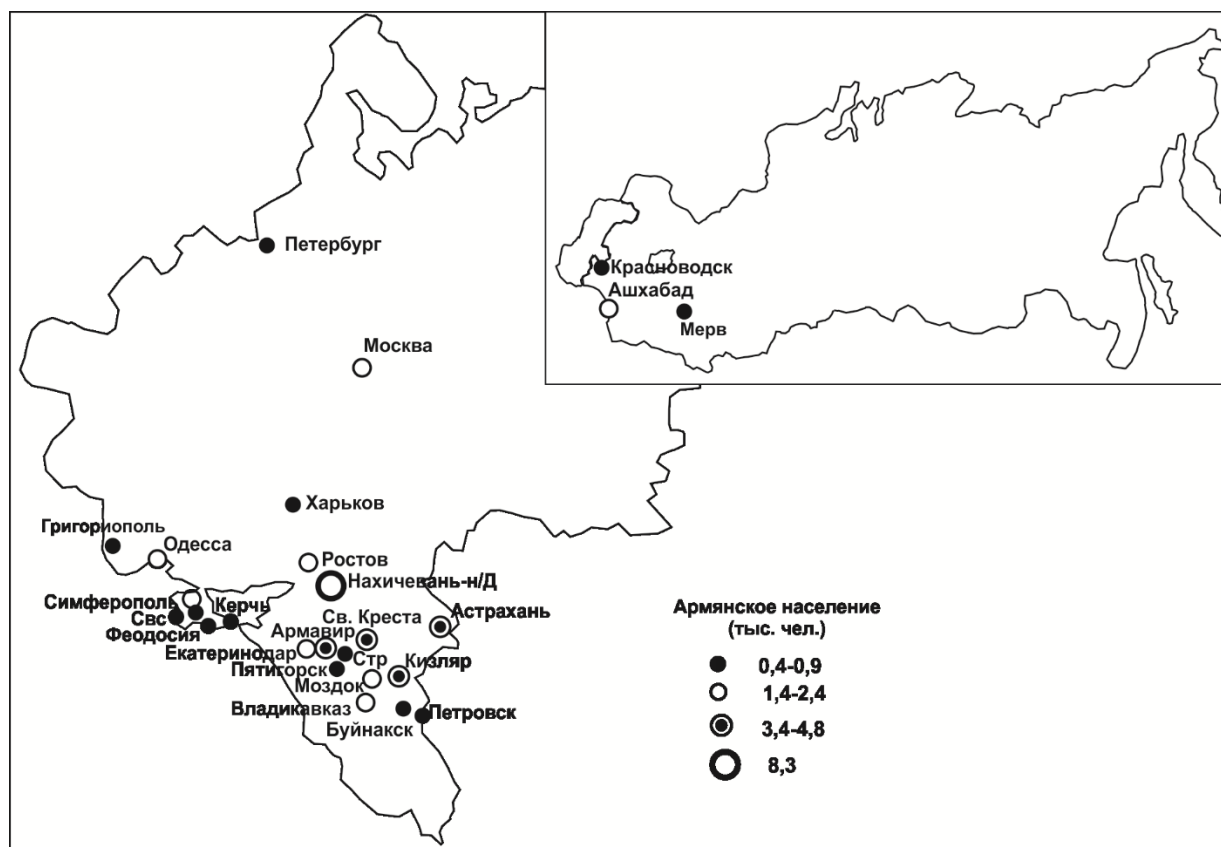

Рисунок 3. Крупнейшие городские общины армян в Российской империи, 1897 г. (без Закавказья)

http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg; перепись 1939 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php; перепись 1959 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; перепись 1970 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; перепись 1979 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; перепись 1989 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php; перепись 2002 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php; перепись 2010 г. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php (дата обращения: 14.03.2018).

Начало XX века, тем более период Первой мировой войны – время известных трагических событий для всего армянского народа, которые непосредственно в геодемографическом плане обернулись очередным в многовековой истории армян кардинальным изменением их системы расселения. Геноцид 1915–1916 гг., массовая миграция последующих лет и распад Османской империи, потерявшей значительную часть своей территории, на порядок сократили демографический потенциал армянского населения Турции. В течение 15-20 лет она перестала быть главным средоточием армянского народа. И в качестве такового определилась Советская Россия, в начале – середине 1920-х годов уже многократно опережавшая Турцию по численности своего армянского населения (рисунок 4).

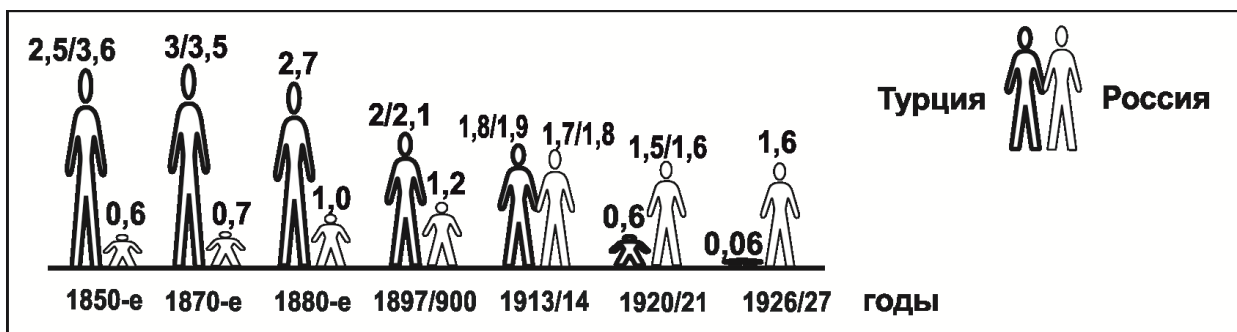

Рисунок 4. Динамика численности армянского населения в Османской Порте (Турции) и в Российской империи (СССР), 1850-е – 1920-е годы, млн³

Однако в первую очередь беженцами и мигрантами в поздней Российской империи пополнилось Закавказье; во много меньшей степени – Юг России, в пределах которого в конце XIX – начале XX века осело всего несколько десятков тысяч мигрантов. До центральной России, тем более ее зауральских регионов, эта миграционная волна практически не докатилась. И хотя общая численность российских армян в первой четверти века выросла почти втрое, перепись 1926 г. (рисунок 5) обнаружила почти ту же их географию, что и в конце XIX века. Более 95% армян России (в современных границах РФ) по-прежнему являлись жителями ее южного макрорегиона.

Очевидным процесс пространственной децентрализации системы расселения армянского населения в пределах РСФСР становится только в 1930-е годы. К концу данного десятилетия доля его за пределами Юга увеличивается в 3 раза и превышает 20% от общей численности. Объяснение, казалось бы, лежит на поверхности. Стремительно выросшая в период первых пятилеток и всесоюзных трудовых десантов межрегиональная миграция затягивала в свою пространственную циркуляцию и население Армении. Отчасти так и было. Число армян РСФСР за пределами ее южного макрорегиона в 1926-1939 гг. выросло в 3,5 раза (рисунок 6), однако на самом Юге их количество в это время сократилось. В абсолютных цифрах сокращение было незначительным, но с учетом имевшегося естественного прироста местного армянского населения масштабы его оттока могли достигать 15-20% (если не 25%) от общей численности армян южного макрорегиона.

³ Картограмма составлена по данным, собранным Г.Г. Саркисяном [Армяне 2012: 81-87].

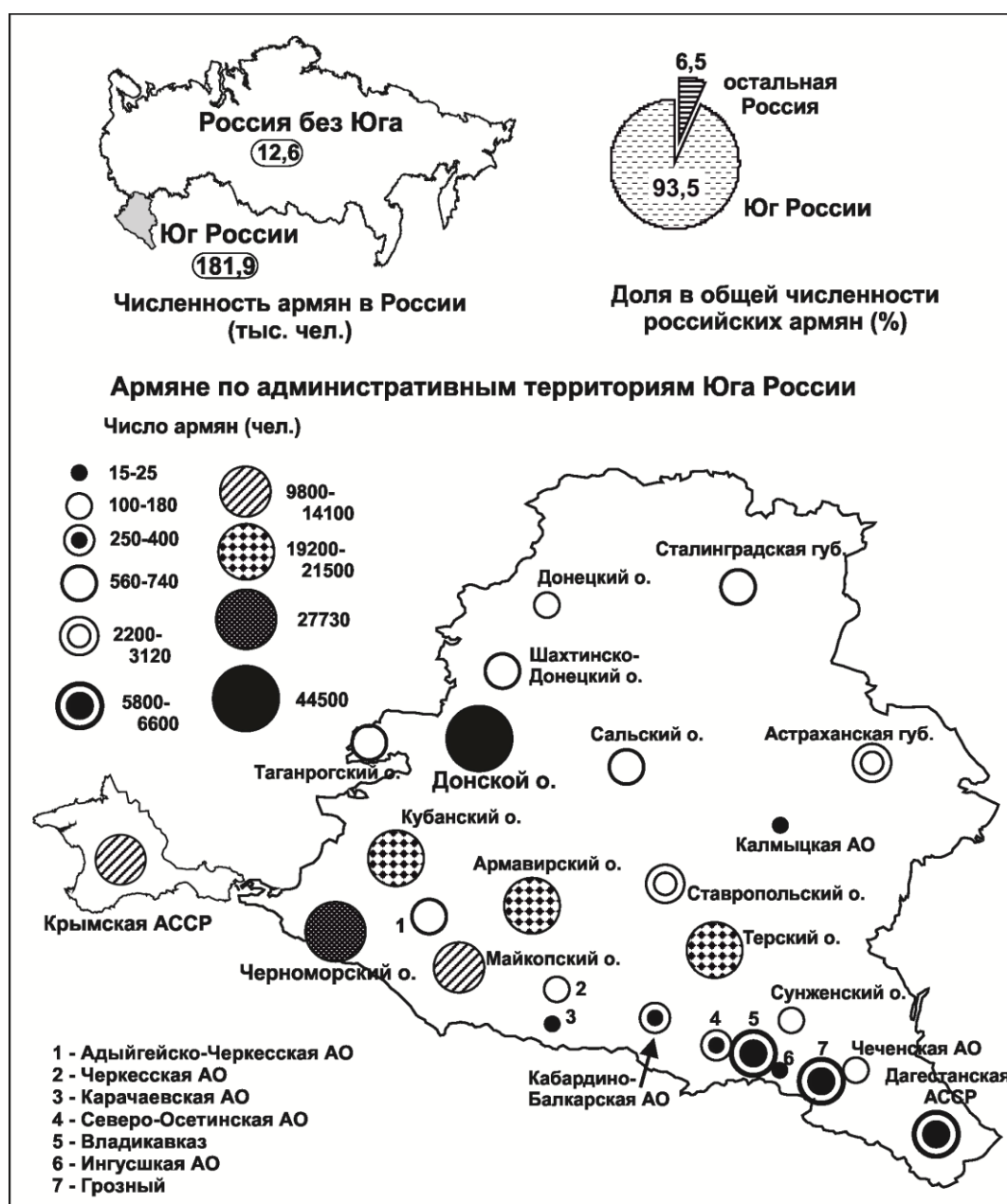

Рисунок 5. Армяне в России, 1926

Таким образом, миграционная циркуляция между Арменией и РСФСР в 1930-е годы была сложносоставной. С одной стороны, часть мигрантов, осевших на Юге России в период Мировой и Гражданской войн, теперь возвращалась в свою союзную республику. А из последней в это же время небольшие группы титульного населения перемещались в другие союзные республики СССР, в том числе в РСФСР и зачастую в самые отдаленные от Кавказа регионы.

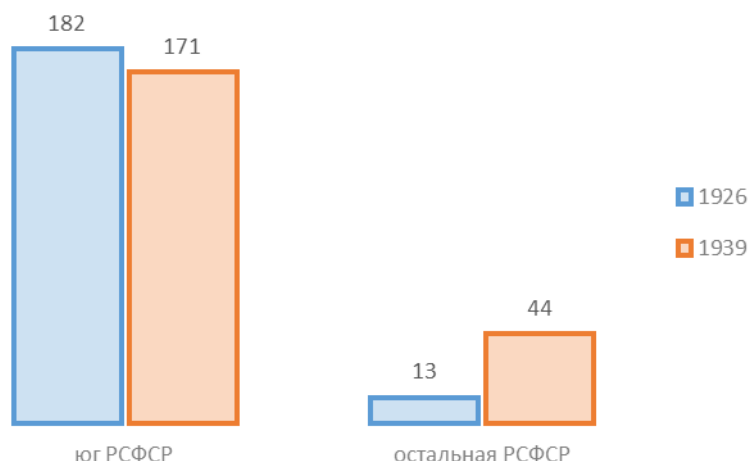

Рисунок 6. Динамика армянского населения южного макрорегиона и остальной РСФСР, 1926-1939, тыс.

Как результат, численность армянского населения во многих российских регионах увеличивается многократно. Впрочем, даже этого роста в межвоенный период было недостаточно, чтобы новые региональные группы армян (они по-прежнему концентрировались в городах), превратились в крупные демографические средоточия, сопоставимые по размеру с ведущими городскими общинами Юга России (рисунок 7).

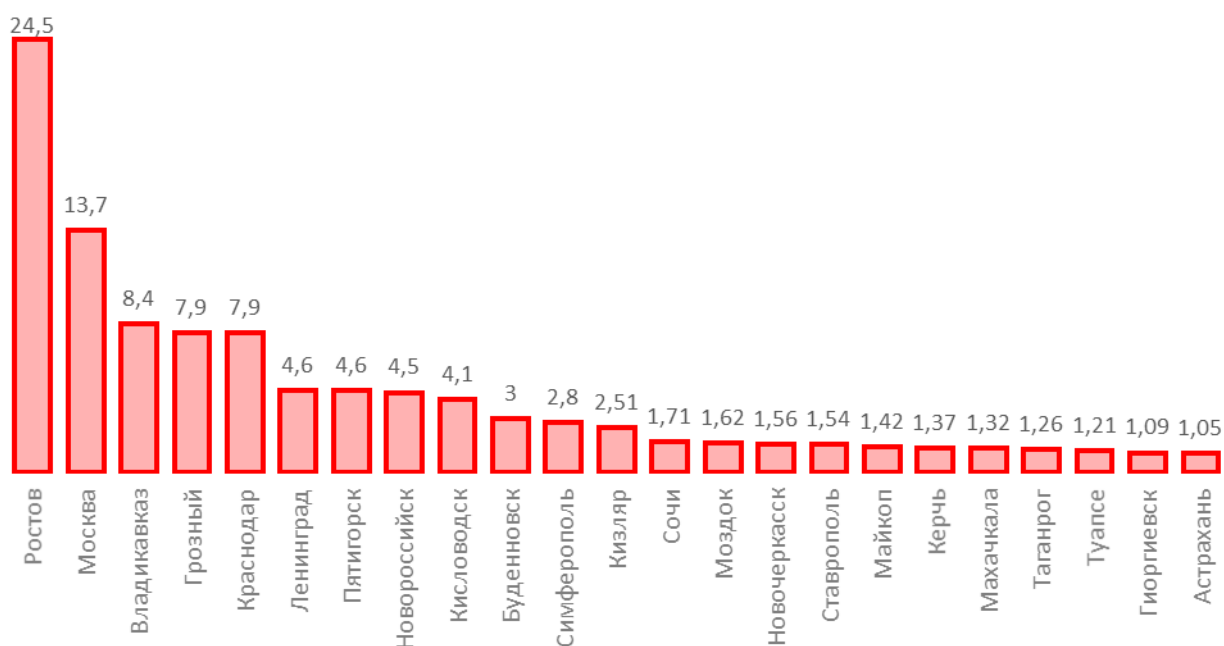

Рисунок 7. Размеры ведущих городских армянских общин РСФСР, 1939, тыс. чел.

Помимо городской формы расселения, сохраняется и другая социодемографическая особенность российских армян – значительный гендерный дисбаланс. В большинстве регионов большой России за пределами ее южных территорий армянское население в 1930-е годы по-прежнему было преимущественно представлено мужчинами.

Отечественная война самым существенным образом отразилась на геодемографической динамике армянского населения России. Но первая послевоенная перепись населения СССР была проведена только в 1959 г. Полтора послевоенных десятилетия компенсировали понесенные человеческие потери, замаскировали связанные с войной сдвиги системы расселения и, в целом, зафиксировали некоторый количественный рост армянского населения РСФСР в сравнении с довоенным периодом (с 218 тыс. человек в 1939 г. оно увеличилось до 256 тыс. на рубеже 1960-х годов).

В дальнейшем этот восходящий демографический тренд уже не прерывался. Причем параллельно росли как общины юга России, так и группы армян в других макрорегионах РСФСР. В пространственном плане этот рост был почти повсеместным. И если в 1959 г. размеры большинства региональных групп российских армян располагались в диапазоне 100-500 человек, то к концу 1980-х годов они поднялись в среднем до 1-3 тыс. (рисунки 8-9). Однако даже столь значительный количественный рост долгое время оказывается недостаточным условием для превращения данного растущего демографического множества в полноценную сеть территориальных общин, о чем наглядно свидетельствует гендерная структура большинства региональных групп российских армян в 1970 г. (рисунок 10).

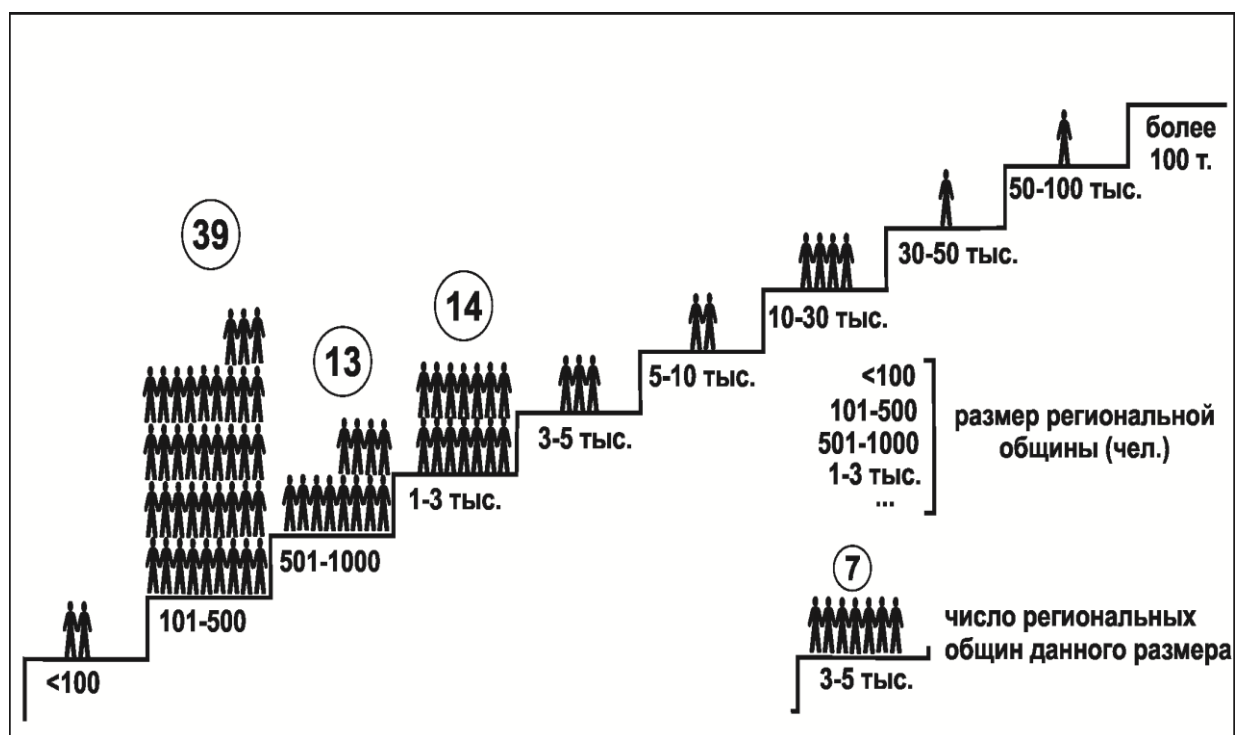

Рисунок 8. Размеры региональных групп армянского населения в РСФСР, 1959

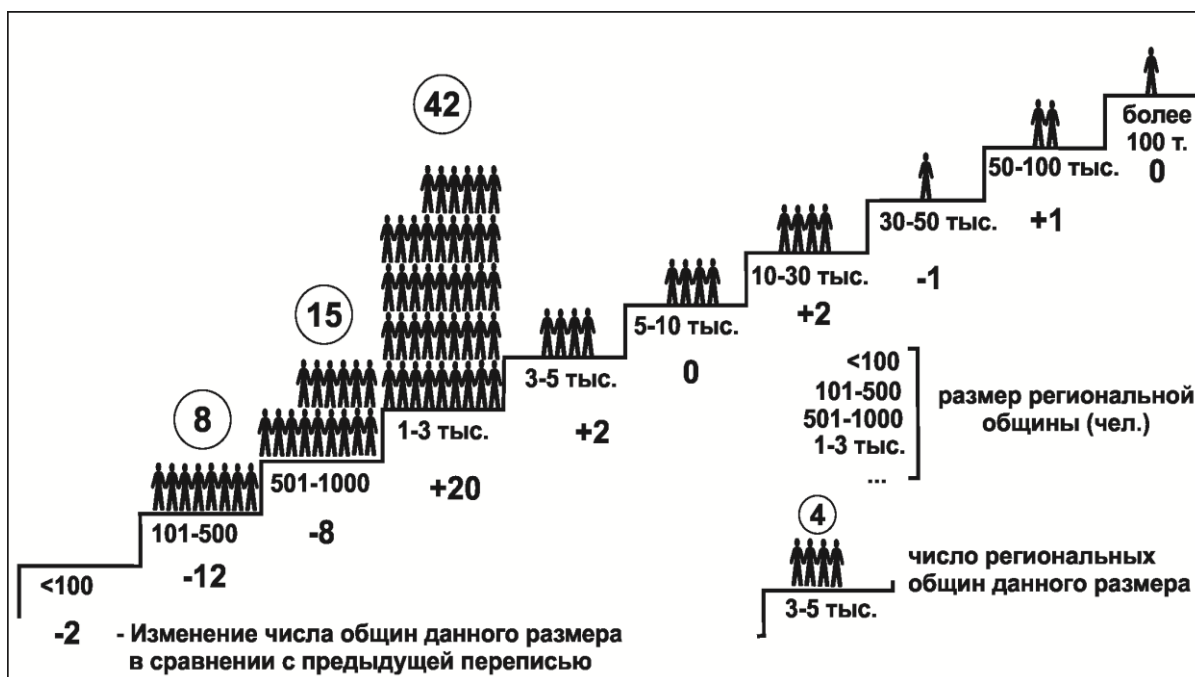

Рисунок 9. Размеры армянских региональных общин в РСФСР, 1989

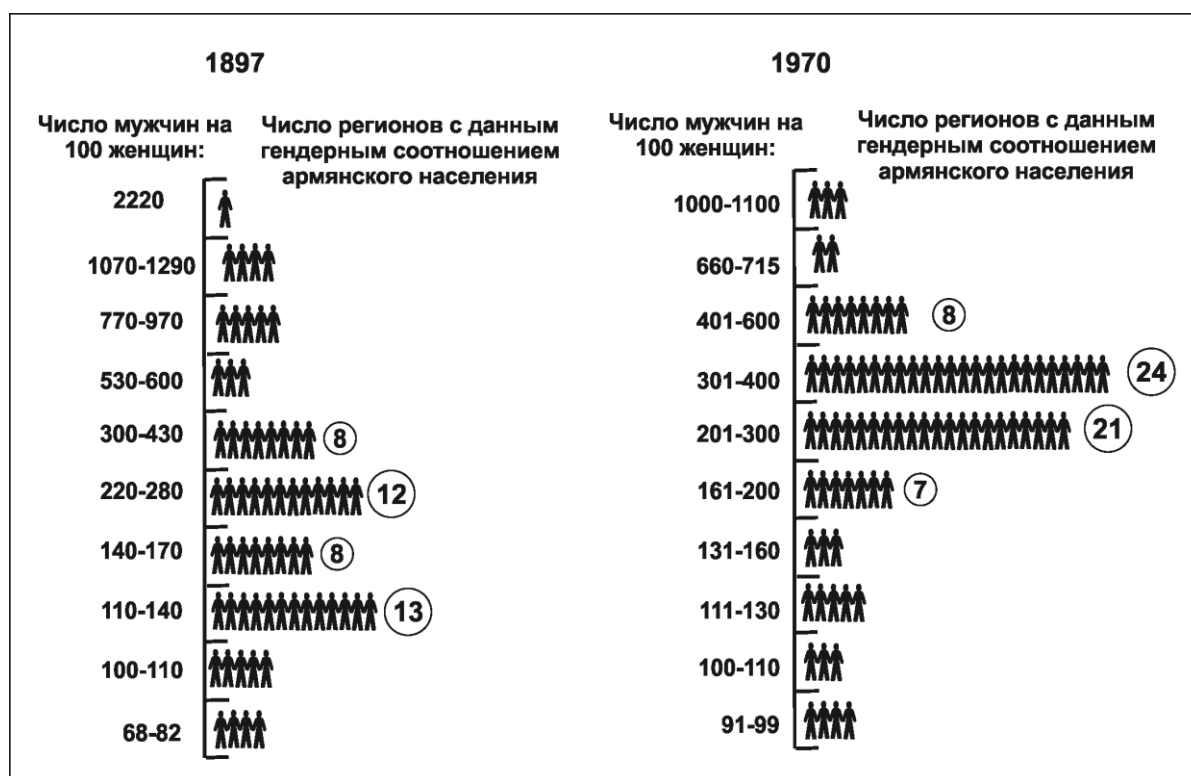

Рисунок 10. Уровень гендерной сбалансированности российских региональных групп армянского населения, 1897, 1970

В сравнении с началом XX века уровень гендерного дисбаланса мало изменился. К началу 1970-х годов в России за пределами ее южного макрорегиона по-прежнему преобладали территориальные группы армян с 2-4-кратным количественным перевесом мужчин. Иными словами, армянское население большой России, как и в межвоенный

период, было преимущественно представлено одинокими мужчинами молодого и среднего возраста – студентами вузов и техникумов, военнослужащими, трудовыми мигрантами, разного рода командировочными специалистами. Неудивительно, что такие территориальные этнические множества очень медленно трансформировались в полноценные региональные общины.

Положение ощутимо меняется только в последнее советское десятилетие. Стремительный количественный рост миграции армян в РСФСР, связанный с трагическими событиями в Закавказье, системным кризисом, а затем и распадом Советского Союза, существенно увеличивает российские территориальные группы. В 34 регионах России численность армян в 1980-е годы выросла более чем вдвое; еще в 28 – увеличилась на 50-100%. К концу советского периода в 58 российских регионах армянское население превышало тысячу человек (десятилетием раньше таких региональных групп было только 34; рисунок 11).

Эта миграционная волна в отличие от миграций предыдущих десятилетий уже не была столь отчетливо привязана к городской системе. Спешный, а иногда практически «эвакуационный», характер данного переселенческого потока определял вынужденную расселенческую неприхотливость новых мигрантов. Люди, убежавшие от войны и погромов, далеко не всегда имели материальные возможности для того, чтобы осесть в городах, жилье и проживание в которых были дороже, чем в сельской местности.

Как результат, уровень урбанизации армянского населения в 1980-е годы сократился почти в 60 российских регионах, причем в половине из них весьма ощутимо (на 10% и более). А сокращение доли горожан означало, что уровни этнического присутствия армян в городской и сельской местности РСФСР, столь ощутимо расходившиеся еще в начале – середине 1970-х годов, теперь существенно сблизились. По преимуществу вынужденный характер армянской миграции этого времени определил и серьезные сдвиги в гендерной структуре переселенцев. В отличие от стабильных 1960–1970-х годов, когда за пределы Кавказа на учебу и в поисках работы ехали в основном молодые одинокие мужчины, миграционный поток 1980-х в первую очередь формировался семьями, вынужденными оставлять место своего прежнего проживания навсегда.

Тем самым, мужской перевес в подавляющем большинстве российских территориальных групп сократился. Но главное, из территории временного пребывания (места получения образования, заработка, профессиональной реализации) регионы большой России начали превращаться для новых мигрантов в основное место жизни со всеми вытекающими последствиями, связанными с необходимостью плотно встраиваться в принявшую их социальную среду.

Планы и желания вынужденных мигрантов различались. Далеко не все приехавшие в российскую «глубинку» собирались навсегда укорениться в тех местах, куда их занесло в результате спешного отъезда из Закавказья. Однако именно то, что в этой новой среде они оказывались полными семьями, зачастую становилось центральным фактором, в конце концов определявшим их дальнейшую судьбу и существенно ускорявшим интеграцию мигрантов в принявшие их социумы.

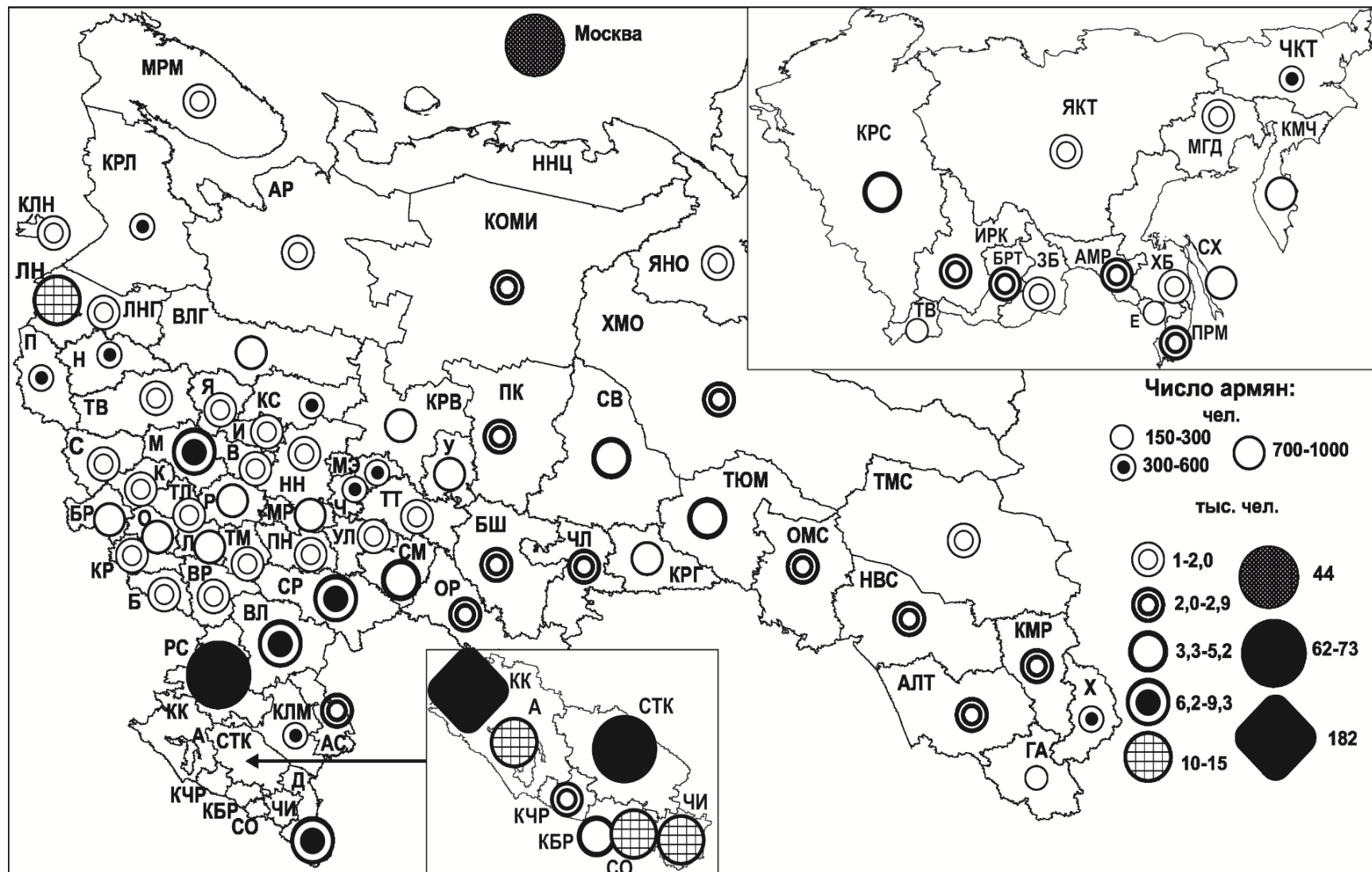

Рисунок 11. Региональные группы армянского населения в регионах РСФСР, 1989

Таким образом, одновременно в десятках регионов России начинается стихийный процесс перехода территориальных дисперсных множеств армян в региональные общины (т.е. трансформация преимущественно мужских, городских по форме расселения разрозненных групп населения с быстро сменяемым составом в хорошо структурированные, гендерно сбалансированные сообщества с высокой долей лиц постоянного проживания). Такие сообщества в значительно большей степени были расположены ко внутренней соорганизации и взаимодействию.

Речь идет о приобретении нового качества, позволяющего считать такие территориальные группы уже не просто множествами людей одной национальности, но полноценными региональными общинами. Повторимся, отдельные элементы этого системного перехода просматриваются в социальной и геодемографической динамике российских армян уже в 1960–1970-е годы. Но резкая активизация данного процесса приходится именно на середину – вторую половину 1980-х годов, продолжившись уже в постсоветский период (в значительном числе российских регионов этот процесс полностью не завершен и в настоящее время, растянувшись, таким образом, на многие десятилетия).

Первое постсоветское десятилетие было связано с еще более впечатляющим количественным ростом армянского населения России. За 1989-2002 гг. оно увеличилось с 0,53 млн до 1,14 млн человек, позволив армянам подняться в демографическом рейтинге народов РФ сразу на восемь позиций (с 15-й на 7-ю).

Почти в трех десятках регионов РФ рост территориальных групп в 1990-е годы оказался более чем трехкратным; еще в 26 численность армян выросла в 2–3 раза. В абсолютных цифрах, как и следовало ожидать, максимальное пополнение получили южнороссийские регионы, прежде всего, все три ведущие общины Предкавказья (кубанская, ставропольская и донская), общая численность которых выросла почти на четверть миллиона человек.

Однако впервые совокупный демографический рост армянского населения других макрорегионов России оказался выше. За 1989-2002 гг. армян в РФ, за пределами ее южного макрорегиона, стало больше в три с лишним раза (их число увеличилось со 167 тыс. до 514 тыс. человек). Тем самым параллельно ощутимому расширению географии армянского народа в России произошла серьезная территориальная «перецентрировка» его системы расселения.

Даже сохранив очевидное демографическое превосходство над другими территориями, Юг России заметно снизил степень своего доминирования, заключая в своих пределах лишь немногим более половины всех российских армян (рисунок 12). Зато существенно прибавили в своих удельных показателях центральная Россия и Поволжье: совокупная доля армянских общин двух федеральных округов (Центрального и Приволжского) выросла за 1989–2002 гг. с 18,6 до 29,5%. Увеличилась в общей структуре и доля уральских, а также сибирских территориальных групп.

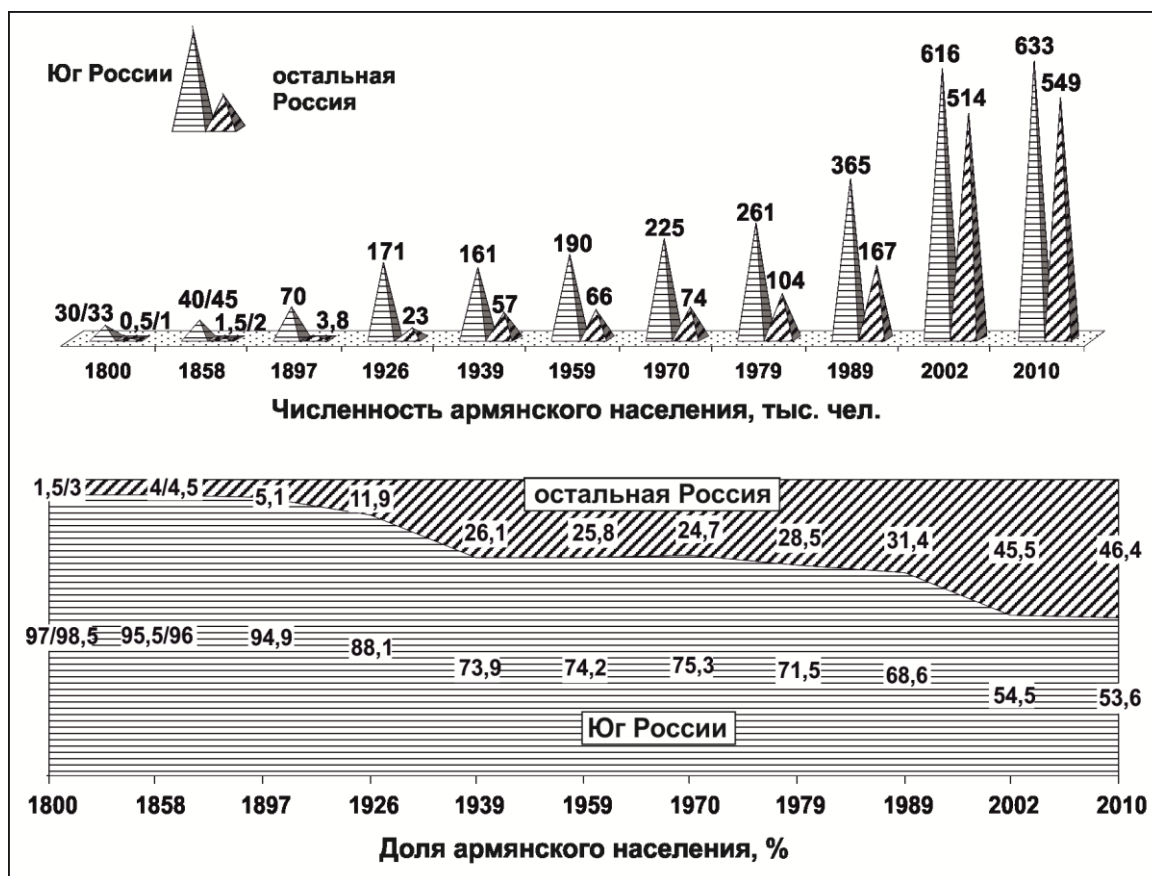

Рисунок 12. Соотношение армянского населения южного макрорегиона и остальной России, 1800-2010⁴

Столь стремительный демографический рост российской диаспоры позволил самым ощутимым образом увеличить удельное представительство армян не только в сотнях городов страны, но и на обширных сельских территориях. Продолжал выправляться и гендерный баланс: основную часть потока мигрантов, расхотившегося по всей российской провинции, составляли полные семьи, кардинальным образом менявшие половозрастную структуру местных территориальных групп армянского населения.

Первое десятилетие XXI века – период определенной количественной стабилизации и пространственной оптимизации российской диаспоры армян, связанной с внутри- и межрегиональным перетоком части постсоветских переселенцев. За 2002-2010 гг. число армян в РФ, согласно результатам последней российской переписи, вырастает только на 4,6%. Однако детальный анализ их геодемографической динамики в этот период позволяет предположить, что некоторая часть представителей диаспоры последней переписью учтена не была.

⁴ Данные по Югу России приведены без учета армян Крыма и потому несколько отличаются от показателей на рисунках 1-2, 5.

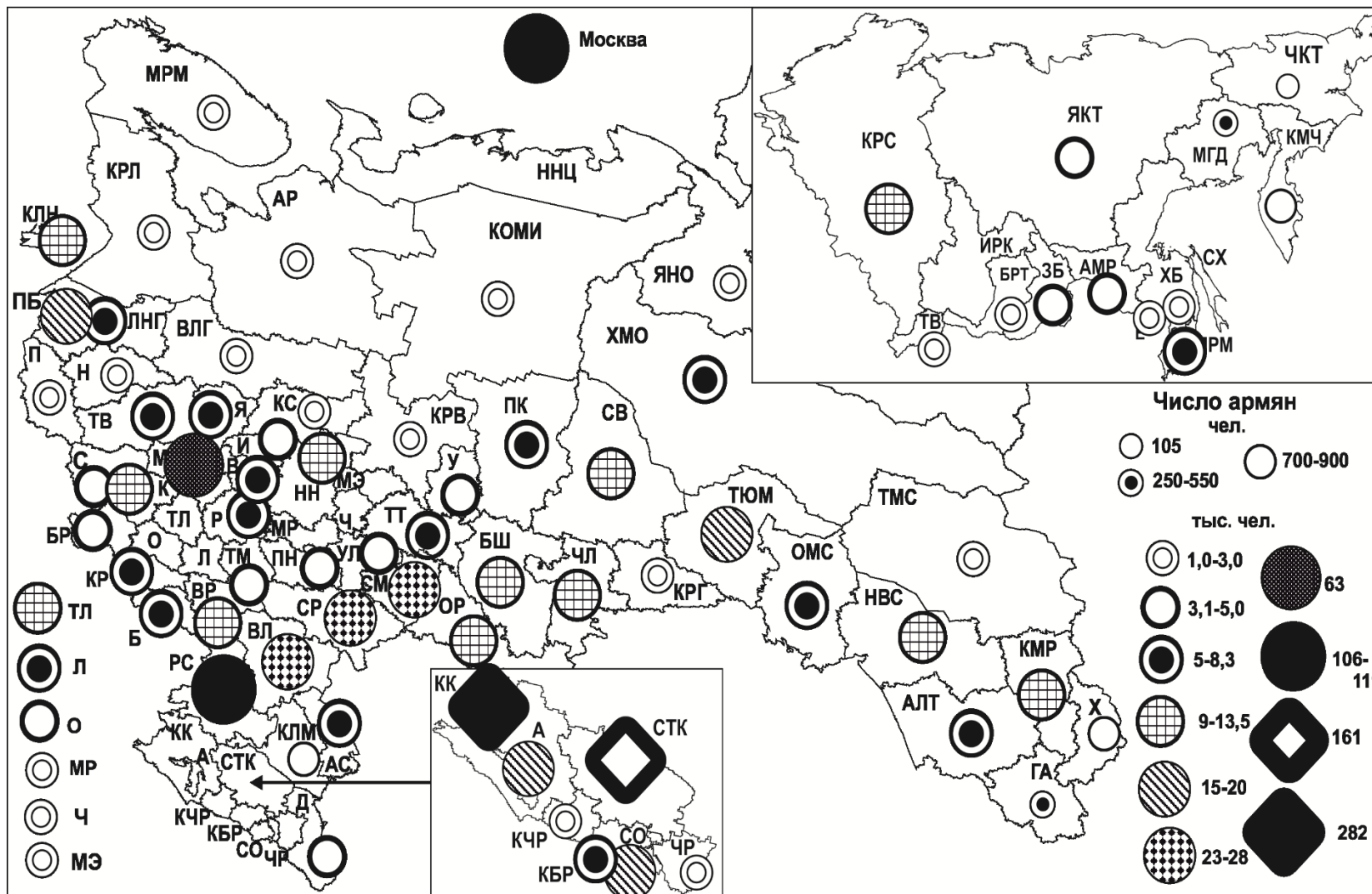

Рисунок 13. Региональные группы армянского населения в регионах России, 2010

Согласно нашим расчетам, наиболее вероятная численность армянского населения РФ в 2010 г. могла составлять 1,35–1,45 млн (т.е. была на 15–23% больше зафиксированного переписью). Иными словами, по своему демографическому потенциалу армяне были вполне сопоставимы с чувашами и чеченцами, занимавшими в это время соответственно 5-ю и 6-ю позиции в рейтинге наиболее крупных народов России.

Впрочем, данное предположение не отменяет раннее сделанного вывода о постепенной количественной и пространственной стабилизации армянской диаспоры РФ в начале XXI века, темпы роста которой в любом случае существенно упали. 2000-е годы – время внутренней оптимизации новой системы расселения армян, сложившейся в период их быстрого и стихийного демографического роста. Осваиваясь в принявших их российских регионах, переселенцы начинают искать более комфортные и приемлемые для себя центры (районы) проживания и трудовой деятельности. Происходит более или менее интенсивный меж- и внутрирегиональный переток армянского населения. Последняя перепись зафиксировала сокращение численности армян в 28 регионах РФ, а значительный рост (более чем на 20%) – только в 14 (еще в 12 регионах армянское население выросло на 10–20%).

Очевидно, что ресурсы дальнейшего пространственного расширения системы расселения армян в пределах России если не исчерпаны, то достаточно невелики. Климатически, этнокультурно, социально-экономически наиболее приемлемые/комфортные территории страны диаспорой уже демографически освоены. И дальнейшее серьезное расширение этой этнической географии маловероятно, а все другие ее изменения (в частности, межрегиональная демографическая «пересортировка») останутся поступательно-непрерывными процессами.

Иллюстрацией подобной «постепенности» является уже не раз упоминавшийся тренд на дальнейшую территориальную децентрализацию диаспоры, сокращение в ней удельного демографического веса южнороссийских общин. Данная тенденция сохранилась и в 2000-е годы. Однако за 2002–2010 гг. доля Юга России в общей численности российских армян снизилась менее чем на 1% (с 54,5 до 53,6%). Три из четырех крупнейших региональных общин размером более 100 тыс. человек по-прежнему относятся к Югу России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область), как и все шесть регионов, в которых армяне составляют более 1% местного населения.

Зато новой активизацией отметился в «нулевые» другой долговременный тренд – опережающий демографический рост столичной общины⁵. Общее число российских армян, проживающих в Москве и области, увеличилось в период между переписями со 135 тыс. до 170 тыс. (рост составил 26% против 4,5% у всей российской диаспоры). Симптоматичной была и другая его геодемографическая особенность. Впервые за всю историю развития московской территориальной группы на первый план вышло Подмоскovie, численность армян в котором в 2000-е годы выросло на 60% (максимальный показатель среди всех

⁵ Которая уже в 1970-е годы, наконец, выходит на позицию крупнейшей городской общины российских армян, опередив армянское население Ростова и Нахичевани-на-Дону, занимавшее это место на протяжении почти двух столетий (данные центры были объединены в начале 1920-х годов).

российских регионов). Очевидно, что речь идет о быстром формировании еще одного (следом за югом РФ) крупнейшего демографического средоточия системы расселения российских армян. И есть все основания полагать, что данный процесс будет продолжен, а значит, не только число, но и доля «столичных» армян продолжит увеличиваться в России опережающими темпами (только в 1989–2010 гг. она выросла с 10 до 14,4%).

Параллельно в постсоветский период ощутимо вырос удельный вес армян Поволжья (с 4,9 до 9,1%) и Центрального федерального округа (с 3,4 до 8,5%). Тем самым, продолжалась децентрализация системы расселения российской армянской диаспоры, взаимоувязанная с демографическим ростом значительного числа ранее периферийных территориальных групп. Этот процесс был напрямую связан и с увеличением уровня представленности армян в национальной структуре своих регионов. Если в 1989 г. в РФ имелось 40 регионов, в которых доля армян была меньше 0,1% от численности местного населения, то к 2010 г. таких осталось всего два (Чеченская республика и Ингушетия).

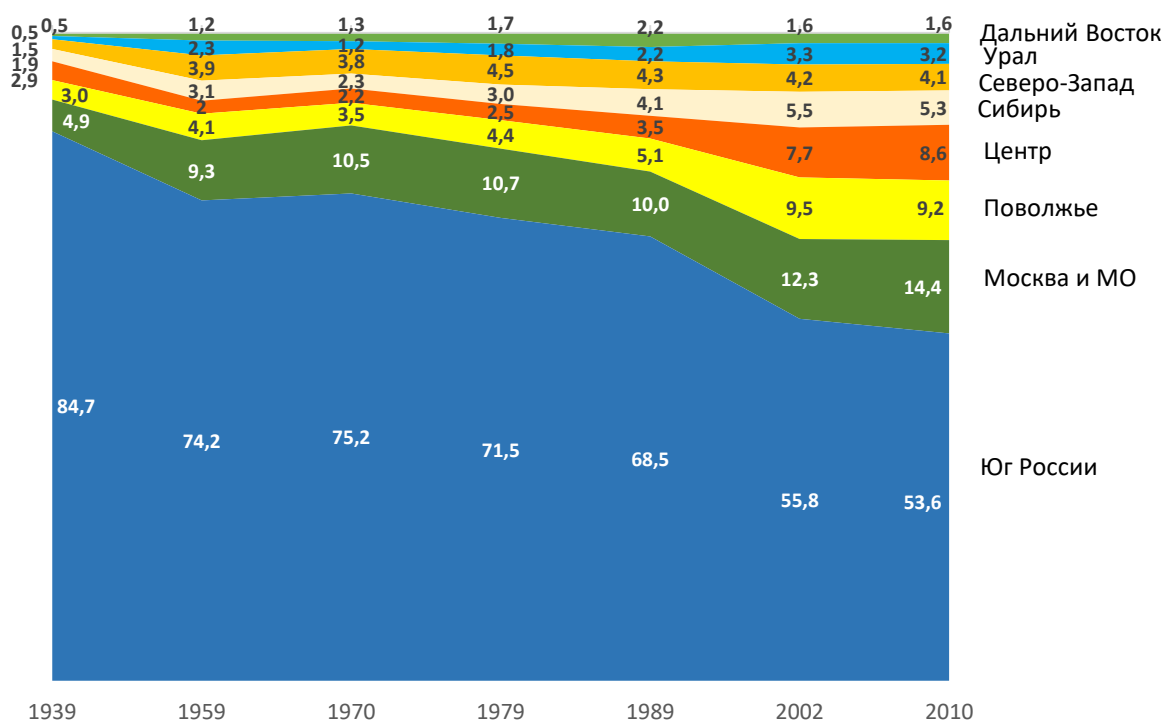

Рисунок 14. Доля макрорегионов в размещении армянского населения России, 1939-2010, %

Но более значимым для комплексного укоренения территориальных групп армян в принимающие региональные социумы являлись их внутренняя оптимизация и, прежде всего, дальнейшее сокращение гендерного дисбаланса. Если в 1989 г. в 37 российских регионах в структуре местного армянского населения количественный перевес мужчин над женщинами был более чем двукратным, то в 2010 г. таких регионов осталось только 3 (рисунок 15). При этом с 8 до 13 возросло число общин со сбалансированной гендерной структурой (отношение полов 1:1-1,2) – свидетельство постепенного повышения системной устойчивости территориальных групп армянского населения России.

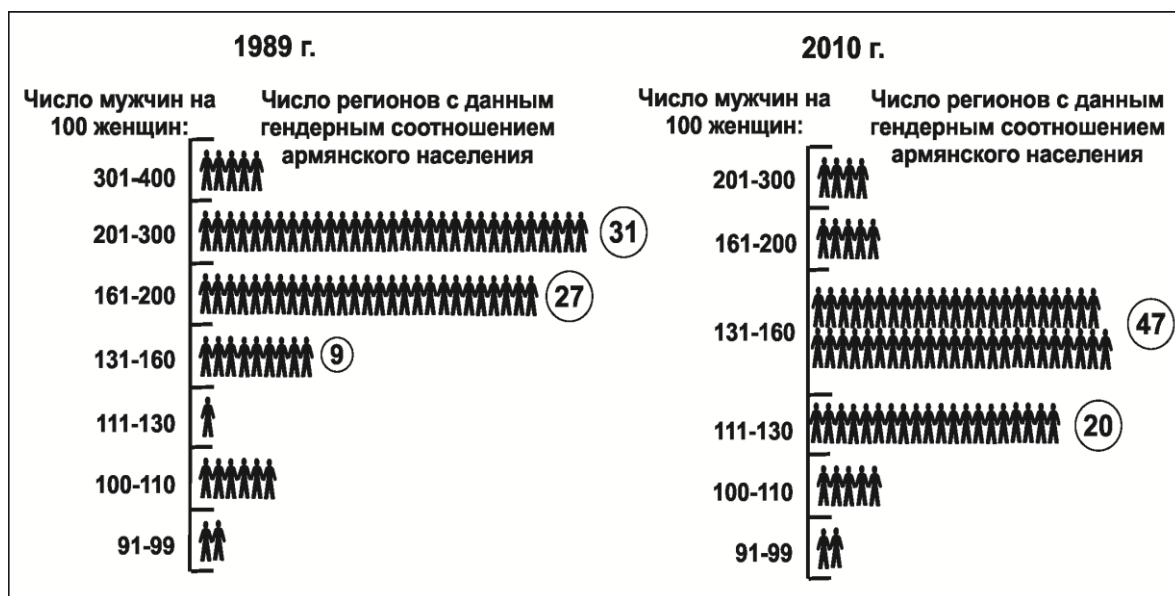

Рисунок 15. Уровень гендерной сбалансированности российских региональных групп армянского населения, 1989-2010

Существенно выросшая в постсоветский период сельская миграция снизила общий уровень урбанизации армян России. В 2010 г. он составлял 69% и был ниже, чем у всего населения РФ (73,7%). Но показательно, что в 70 субъектах РФ доля горожан у представителей местных армянских общин превосходила общерегиональные показатели урбанизированности населения. Что неудивительно, учитывая демографический «бум» многих армянских городских общин, в первую очередь, относящихся к административным столицам регионов. За 1989–2010 гг. число таких общин размером более тысячи человек в России выросло 2,4 раза (с 48 до 115). Причем большинство из них появилось вне пределов южного макрорегиона. И впервые в истории российской диаспоры общее число армянских городских общин в большой России превзошло их количество на Юге страны (61 против 53; рисунок 16).

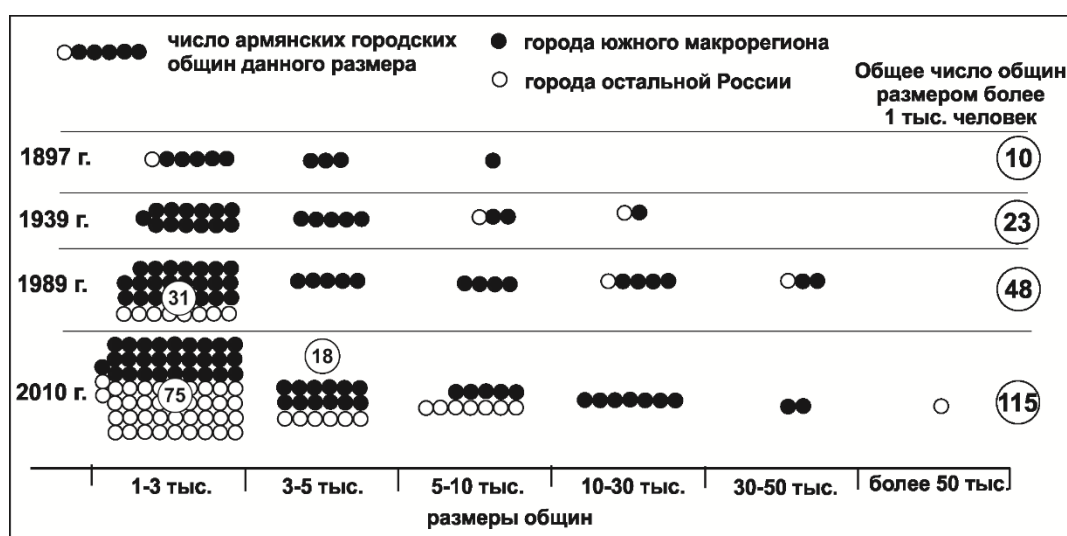

Рисунок 16. Динамика числа крупных (более тысячи человек) городских общин российских армян, 1897-2010

Выводы

Итак, «новая» история армянской диаспоры в России, начавшаяся в петербургский период, не просто продолжается уже на протяжении трех веков, но в последние десятилетия вышла на более высокий системный уровень, связанный не только со стремительно выросшим демографическим потенциалом (рисунок 17) и широкой географией, но и значительно более высоким уровнем внутренней организации большинства ее региональных средоточий. Начало XXI века российская диаспора встретила на системном подъеме, фиксируемом во всех сферах ее деятельности и закладывающем прочный фундамент для положительной геодемографической динамики на всю обозримую перспективу

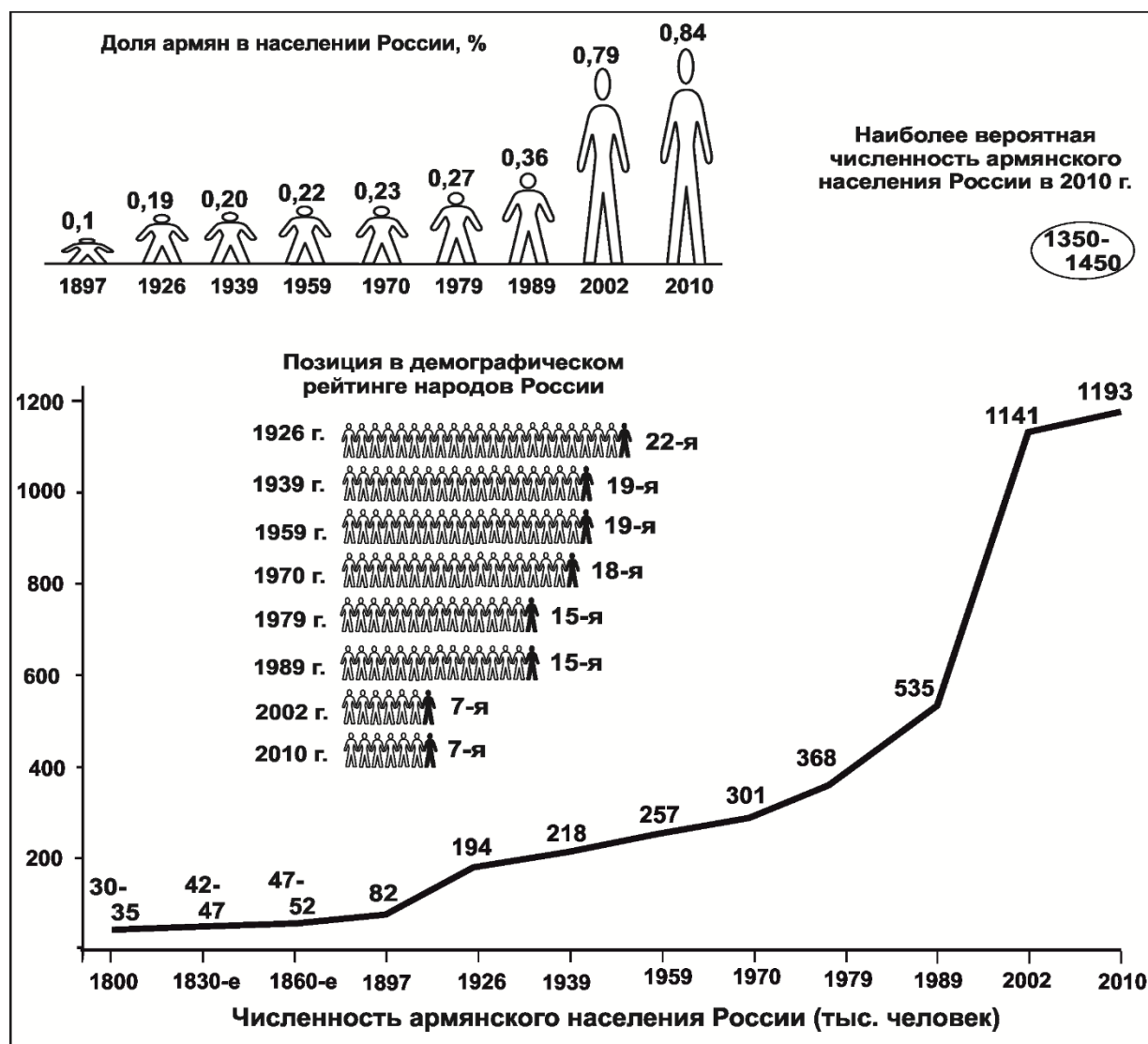

Рисунок 17. Динамика армянского населения России, 1800-2010

Проведенное исследование позволяет в первом приближении выделить в геодемографической истории российских армян три крупных периода, различающихся как по общей их численности в России, широте географии, так и по другим центральным социодемографическим характеристикам (в том числе форме расселения, уровню урбанизации, гендерному соотношению; рисунок 18).

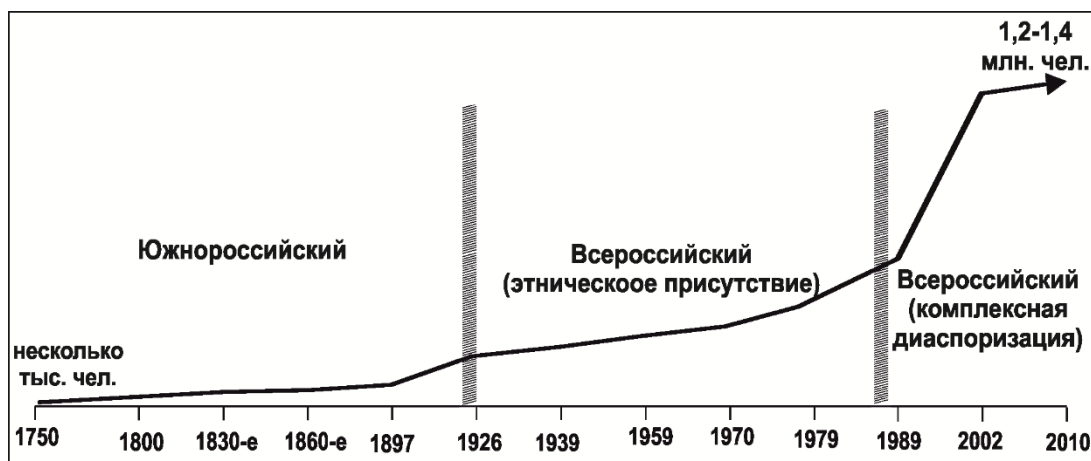

Рисунок 18. Крупные периоды исторической этапности геодемографической динамики армянской диаспоры России

Первый из этих периодов можно определить как «*южнороссийский*». Его начало относится ко второй трети XVIII века и связано с возникновением на юге России ряда крупных региональных общин/колоний. Данный период оказался наиболее длительным, растянувшись до второй четверти XX века. На всем его протяжении подавляющая часть армянского населения России (в ее современных пространственных контурах) концентрировалась в пределах южного макрорегиона, а еще точнее – в степном Предкавказье (нижний Дон, Кубань, Ставрополье). Во всей остальной России присутствие армян в это время остается минимальным (если не принимать в расчет двух столичных общин, впрочем, тоже весьма ограниченных по своему размеру).

Тем самым, к центральным характеристикам данного периода можно отнести:

- максимальную концентрацию (95% и более общей численности) российских армян в границах степного Предкавказья и других территорий Юга России;
- поступательный количественный рост и постепенное расширение географии армян в пределах данного макрорегиона;
- активное участие местных общин в процессе региональной урбанизации, в хозяйственной и культурной жизни южного макрорегиона; высокий уровень урбанизации большинства территориальных групп Юга и сбалансированную гендерную структуру;
- минимальное присутствие армян за пределами Юга России, представленных в других макрорегионах страны «одиночками» или локальными группами в несколько человек, состоящими преимущественно из мужчин, сосредоточенных в крупных городах.

Второй период геодемографической динамики российских армян можно условно обозначить как этап «*всероссийского этнического присутствия*». Данный этап почти полностью совместился с советской эпохой, закончившись в середине 1980-х годов. Основными его социодемографическими особенностями являются:

- постепенный рост числа региональных групп армянского населения за пределами Юга России и расширение их общероссийской географии;

- рост совокупного демографического потенциала армян большой России (и удельного веса в структуре местного населения) при сохранении общей количественной доминанты общин южного макрорегиона;
- высокий уровень урбанизированности большинства российских региональных групп;
- неустойчивый состав (постоянная «ротация» наличного населения) и значительный (зачастую многократный) перевес мужчин в территориальных группах армян за пределами Юга России – факторы, определявшие низкий уровень укорененности данных групп в основных сферах жизнедеятельности региональных социумов;
- низкий уровень внутренней соорганизованности, слабое развитие групповых (общинных) социальных структур в большинстве российских региональных групп, не представляющих в данное время диаспор/общин в полном смысле данного понятия.

Третий период начинается в середине-второй половине 1980-х годов и может быть определен как период *«всероссийской комплексной диаспоризации»* армянского населения РФ. Он характеризуется быстрым количественным ростом и пространственным расширением диаспоры; выправлением гендерного дисбаланса (сокращением мужского перевеса), активным социально-экономическим и социокультурным укоренением армян в десятках российских регионов.

К основным социодемографическим особенностям данного периода можно отнести:

- стремительный демографический рост и быстрое пространственное расширение большинства региональных групп армянского населения РФ;
- опережающие темпы геодемографической динамики армян большой России, нарастающую децентрализацию системы расселения российской диаспоры и осязаемое сокращение демографической доли общин южного макрорегиона;
- существенное снижение уровня мужского количественного доминирования в большинстве региональных групп; значительный рост в территориальных общинах доли семейного и постоянного населения;
- опережающий рост во многих российских регионах численности и удельного веса сельских армян, позволивший существенно повысить показатель их этнического присутствия в российской сельской «глубинке»;
- активное формирование общинных социальных структур и институтов; трансформацию многих дисперсных территориальных групп армянского населения в хорошо структурированные региональные общины;
- комплексную интеграцию общин в жизнедеятельные циклы принимающих территориальных социумов, их общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь;
- быстрый рост совокупного социально-экономического потенциала территориальных общин; расширение присутствия их представителей во всех статусных профессиональных сообществах и корпоративных иерархиях своих регионов.

Этап активной диаспоризации российских армян не завершен и, судя по всему, потребует еще значительного времени. Однако данная системная трансформация далеко не напрямую связана с демографической динамикой общины, которая зависит от трех

факторов: естественного прироста (убыли), направления и активности миграционных процессов; наконец, от масштаба ассимиляции.

Учитывая существующие параметры естественной динамики армянского населения РФ (в зависимости от региона – простое воспроизводство или минимальный прирост), а также стабильное миграционное пополнение и ограниченные масштабы ассимиляционных потерь, есть все основания прогнозировать дальнейший количественный рост армянской диаспоры в России.

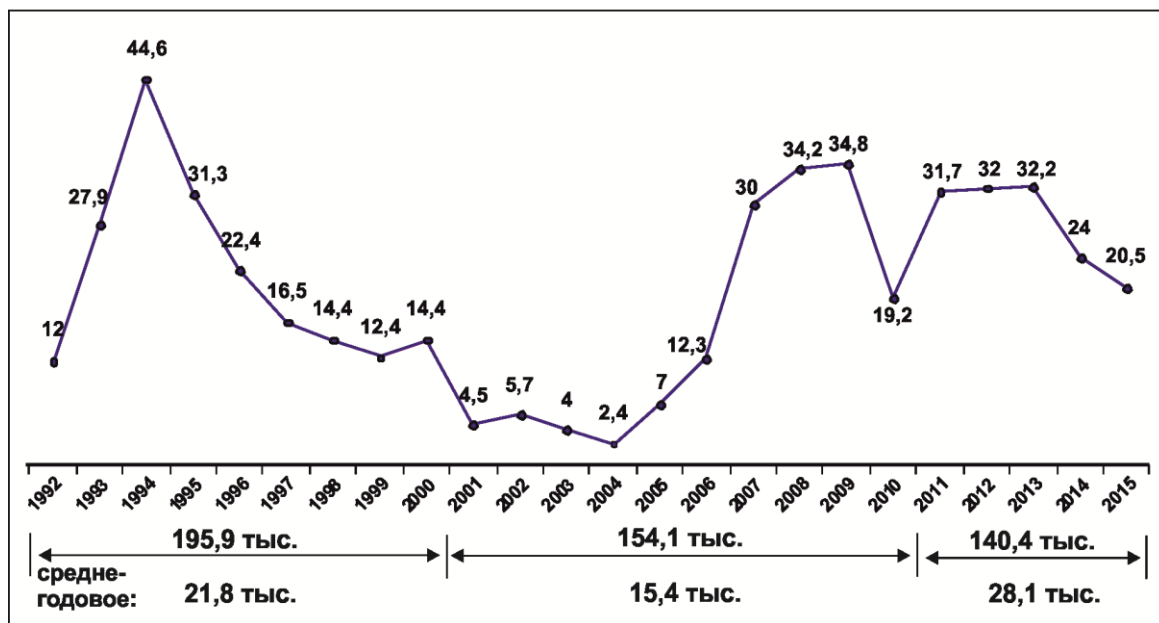

Рисунок 19. Чистый приток населения (сальдо миграции) из Армении в Россию, 1992-2015, тыс.⁶

Даже в «официальном» демографическом рейтинге народов РФ армяне в текущем десятилетии с большой вероятностью поднимутся на две позиции и войдут в пятерку крупнейших национальных сообществ России (рисунок 20). Это произойдет, даже если скрытая демографическая компонента армянской общины во время ближайших двух переписей не выйдет из тени. Если же эта компонента будет учтена, то российские армяне, число которых к 2030 г. может составить 1,85–1,95 млн, становятся реальными претендентами на место в тройке крупнейших народов России следом за русскими и татарами. В любом случае речь будет идти об очень сближенном демографическом показателе с чеченцами и башкирами, но прежде всего с первыми из них.

⁶ Для составления графика использовались данные из [Демографический ежегодник...2001, 2006, 2012, 2017].

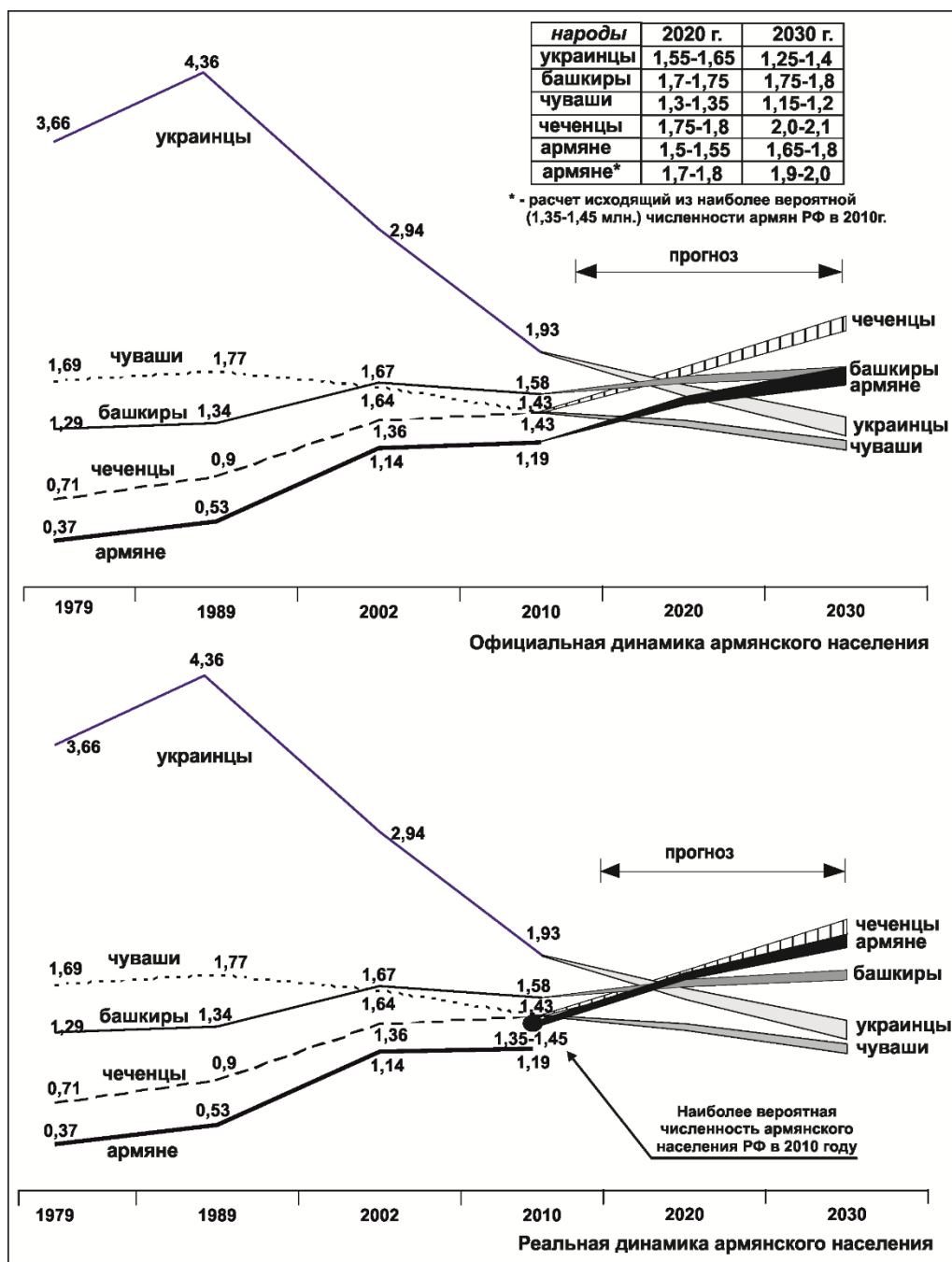

Рисунок 20. Наиболее вероятные варианты количественной динамики ряда ведущих народов РФ в ближайшей (2020 г.) и среднесрочной (2030 г.) перспективе, млн

При этом в пространственном отношении ожидать заметных сдвигов едва ли стоит – география центральных мест российской диаспоры в целом сформирована. Ведущим ее средоточием на всю обозримую перспективу останется юг России (степное Предкавказье), а также присоединившийся к нему в последние десятилетия столичный регион (Москва и область), на которые в настоящее время в сумме приходится около 60% российских армян (рисунок 21).

Рисунок 21. Центральные зоны системы расселения армян России

ЛИТЕРАТУРА

- Аваков П.А. (2012). Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону: Издательство УИФЦ РАН: 120–125.
- Аганесова Д.В., И.А Суздальцева. (2007). Армянские общины Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала. 244 с.
- Акопян В.З. (2005). Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск: ПГЛУ. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html> (дата обращения 17.03.2018).
- Аракелян Г.С. (1984). Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван: 43–130.
- Армяне (2012). Народы и культуры / Отв. ред. Л.М. Варданян, Г.С. Сарксян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука. 648 с.
- Волкова Н.Г. (1966). О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 3: 259–264.
- Демографический ежегодник России 2001 (2001). М.: Госкомстат: 336–339.
- Демографический ежегодник России 2006 (2006). М.: Росстат: 469–470.
- Демографический ежегодник России 2012 (2012). М.: Росстат: 452–455.
- Демографический ежегодник России 2017 (2017). М.: Росстат: 210–212.
- Кабузан В.М. (1990). Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука. 256 с.
- Кабузан В.М. (1996). Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. СПб.: Блиц. 224 с.
- Тер-Саркисянц А.Е. (1998). Армяне – история и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература. 397 с.
- Тер-Саркисянц А.Е. (2005). История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX века. М.: Восточная литература. 686 с.

ARMENIANS OF RUSSIA: GEO-DEMOGRAPHIC TRENDS OF THE PAST, MODERN REALITIES AND PROSPECTS

SERGEY SUSHCHIY

The article analyzes the quantitative growth, spatial dynamics, gender structure and form of resettlement of the Armenian population of Russia in the 18th-20th centuries. The demographic correlation of the largest regional communities at different stages of their development are studied, and the main historical periods of the geo-demographic dynamics of the Armenians of Russia determined.

The first stage can be designated as "South Russian" (second third of the 18th century – 1920s). At this time, the overwhelming majority of the Armenian population of Russia was concentrated within the southern macro-region. In the second stage (mid-1920s – first half of the 1980s), Armenians resettled almost throughout the entire territory of the RSFSR, but represented internally weakly connected ethnic groups. The third period (the second half of the 1980s – the present) is associated with the transformation of these groups into developed regional communities.

Three centuries of quantitative growth allowed Armenians to become one of the largest ethnic groups in the Russian Federation by the beginning of the 21st century. In the medium term (by 2030), with a favorable scenario of demographic dynamics, Armenians will be able to take the third position in the demographic rating of the peoples of Russia (after the Russians and Tatars).

Key words: *geo-demographic dynamics, Armenian population of Russia, regional diasporas, migration processes, resettlement system, gender balance.*

SERGEY SUSHCHIY (SS7707@mail.ru), SOUTHERN SCIENTIFIC CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

THE ARTICLE IS PERFORMED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PROJECT OF THE RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH "THE ARMENIAN COMMUNITY OF THE DON IN THE NEWEST PERIOD: HISTORY, INSTITUTIONS, IDENTITY" (18-59-05004).

DATE RECEIVED: MAY 2018.

REFERENCES

- Aganesova D.V., I.A. Suzdal'tseva (2007). Armyanskie obshchiny Dagestana v XVIII – nachale XIX vv. [Armenian communities of Dagestan in the XVIII - early XIX centuries]. Makhachkala. 244 p.
- Akopyan V.Z. (2005). Kratkiy ocherk po istorii armyanskikh poseleniy na Yuge Rossii [A short essay on the history of Armenian settlements in the South of Russia]. Pyatigorsk: PGLU. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html> (accessed: 18.02.2018).
- Arakelyan G.S. (1984). Cherkesogai (istoriko-etnograficheskoe issledovanie) [Cherkessogai (historical and ethnographic study)] // Kavkaz i Vizantiya [Caucasus and Byzantium]. Issue. 4. Yerevan: 43-130.
- Armyane [The Armenians] (2012). Narody i kul'tury [Peoples and cultures] / L.M. Vardanyan, G.S. Sarkisyan, A.Ye. Ter-Sarkisyants, eds. Moscow: Nauka. 648 p.
- Avakov P.A. (2012). Armyane na Donu v XVII–XVIII vv. (do 1779 g.) [Armenians on the Don in the XVII-XVIII centuries (before 1779)] // Armyane Yuga Rossii: istoriya, kul'tura, obshchee budushchee [Armenians of the South of Russia: history, culture, common future]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YUNTS RAN: 120-125.

- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2001 [Demographic yearbook of Russia 2001] (2001). Moscow: Goskomstat: 336-339.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2006 [Demographic yearbook of Russia 2006] (2006). Moscow: Goskomstat: 469-470.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2012 [Demographic yearbook of Russia 2012] (2012). Moscow: Goskomstat: 452-455.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2017 [Demographic yearbook of Russia 2017] (2017). Moscow: Goskomstat: 210-212.
- Kabuzan V.M. (1990). Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskii sostav [Peoples of Russia in the XVIII century. Number and ethnic composition]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Kabuzan V.M. (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX-XX vekakh [The population of the North Caucasus in the XIX-XX centuries]. St. Petersburg: Blits. 224 p.
- Ter-Sarkisyants A.Ye. (1998). Armyane – istoriya i etnokul'turnye traditsii [Armenians - history and ethno-cultural traditions]. Moscow: Vostochnaya literatura: 397 p.
- Ter-Sarkisyants A.Ye. (2005). Istoriya i kul'tura armyanskogo naroda s drevneyshikh vremen do nachala XIX veka [History and culture of the Armenian people from ancient times to the beginning of the nineteenth century]. Moscow: Vostochnaya literatura. 686 p.
- Volkova N.G. (1966). O rasselenii armyan na Severnom Kavkaze do nachala XX veka [On the resettlement of Armenians in the North Caucasus before the beginning of the XX century] // Istoriko-filologicheskii zhurnal [Historical and Philological Journal]. 3: 259-264.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Рецензия на книгу «Демографическое развитие постсоветского пространства»

СЕРГЕЙ ШУЛЬГИН

В рецензии анализируется сборник статей и аналитических материалов «Демографическое развитие постсоветского пространства», вышедший в 2018 г. на Экономическом факультете МГУ в Центре по изучению проблем народонаселения. Сборник посвящен демографическому развитию стран, возникших после распада СССР в конце 1991 г. Основной акцент сделан на исследовании демографических процессов в этих странах за последние 25 лет (с момента их возникновения). В сборнике анализируется динамика численности населения, процессы рождаемости и миграции, особенности расселения и урбанизации, демографическая политика и многое другое. Авторы сборника заглядывают как в советское прошлое в главах, посвященных истории миграционных процессов (с 1950-х годов), так и в будущее: через варианты демографического прогноза отдельных стран до 2030 г. В публикуемой рецензии затрагивается лишь часть обширных материалов сборника.

Ключевые слова: *постсоветские страны, СССР, демография, численность населения, рождаемость, миграция.*

Страны постсоветского пространства – сложный для понимания и при этом исключительно интересный для изучения объект исследования. С точки зрения демографа, это объект, в который входят как европейские страны со своими демографическими особенностями (высокой продолжительностью жизни, низкой рождаемостью, старением населения), так и среднеазиатские страны, которые находятся на другой стадии демографического развития (высокие темпы рождаемости, высокая смертность, структура населения, в которой преобладает население младших возрастных групп). На все это накладывается трансформационный спад, связанный с распадом Советского Союза, малочисленным поколением родившихся в 90-е годы, резким падением уровня жизни и её продолжительности в большинстве постсоветских стран, разрывом сложных экономических и социальных связей и др.

Для российского читателя демография постсоветского пространства особенно интересна, так как мы разделяем общий язык, общую экономику, науку, культуру и др. Часть этих связей постепенно исчезает (например, доля владеющих русским языком во многих постсоветских странах в более молодых поколениях существенно сокращается), но возникают и новые связи (например, интеграция в рамках ЕАЭС). Демография постсоветского пространства интересна, так как со странами постсоветского пространства Россия разделяет рынки труда, и процессы, происходящие на постсоветском пространстве, напрямую влияют и будут влиять на ситуацию в России.

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ШУЛЬГИН (sergey@shulgin.ru), РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ, РОССИЯ.

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В АВГУСТЕ 2018 Г.

Важная для понимания демографии постсоветского пространства идея, которую можно почерпнуть уже из введения книги, что текущее направление демографического развития, наблюдаемое в постсоветских странах, сформировалось ещё до распада СССР.

В первой главе анализируется численность населения, изменение её структуры в постсоветских странах с конца 1980-х годов по настоящее время. Авторы пишут, что после распада СССР из постсоветских стран прирост населения наблюдался в Средней Азии и Закавказье, но можно заметить, что численность населения выросла только в «мусульманских» странах: из Закавказья единственной страной, в которой выросло население, был Азербайджан, а в Грузии и Армении естественный прирост оказался меньше миграционного выбытия [Демографическое развитие... 2018: гл. 1: табл. 1, 2: 14-15]¹.

Интересно, что динамика естественного и миграционного движения в большинстве постсоветских стран оказывается противоположно направленной, т.е. отдельные страны продолжают быть частью общей системы, в которой миграционные потоки балансируют естественный прирост или убыль населения, сглаживая изменения численности населения в отдельных странах. Исключением являются страны Прибалтики, в которых миграционный отток в страны Европейского Союза в сочетании с естественной убылью привели к значительному сокращению численности населения.

Существующая возрастная структура населения в постсоветских странах также является прямым наследием механизмов воспроизводства населения, которые сформировались до распада СССР. Анализируя демографическую нагрузку на трудоспособное население, авторы отмечают, что во всех постсоветских странах наблюдается сопоставимый уровень: на 1000 человек трудоспособного населения во всех постсоветских странах приходится порядка 500-600 человек в возрастах младше или старше трудоспособного. Однако существенно различается природа этого показателя по регионам: в странах Средней Азии и Закавказья основная демографическая нагрузка возникает из-за высокой доли детей в структуре населения, а в европейской части бывшего Советского Союза – за счет высокой доли пенсионеров. Промежуточное положение занимают Молдавия и Грузия, в которых демографическая нагрузка на трудоспособное население оказывается равномерно распределена между детьми и пенсионерами [гл. 1: табл. 5: 25].

Анализируя динамику этнических процессов в постсоветских странах, авторы отмечают, что во всех странах (за одним исключением) увеличивается доля титульных (коренных) народов: 14 из 15 стран бывшего Советского Союза стали значительно более мононациональными [приложение А: табл. А2: 298-302; гл. 1: табл. 10: 39]. Единственным же исключением в этом общем процессе усиления мононациональности на постсоветском пространстве оказывается Россия. Значительную роль в этом сыграла миграция населения в Россию из остальных постсоветских стран. Среди уезжающих в Россию значительную долю составляет русское население (его доля снижается во всех постсоветских странах), а с точки зрения России миграционный поток прибывающих оказывается более этнически разнообразным, чем существующая структура населения. Доля русских среди прибывающих в Россию ниже, чем доля русских в составе населения страны. Так, в России

¹ Далее при цитировании или отсылке к этой книге будут даваться только номера страниц, глав, таблиц.

доля населения, относящего себя к русской национальности, сокращается с 81,5% (по переписи 1989 г.) до 77,7% (по данным переписи 2010 г.).

Вторая глава сборника посвящена анализу процессов рождаемости в постсоветских странах. После 1990 г. во всех без исключения странах бывшего Советского Союза рождаемость значительно упала (рисунок 1). На процесс сокращения рождаемости, который происходил в странах Средней Азии и Азербайджане, наложился трансформационный спад, затронувший все постсоветские страны. В некоторых странах, таких как Грузия и Казахстан, суммарный коэффициент рождаемости (СКР) к 2016 г. практически восстанавливается до уровней 1990-х годов.

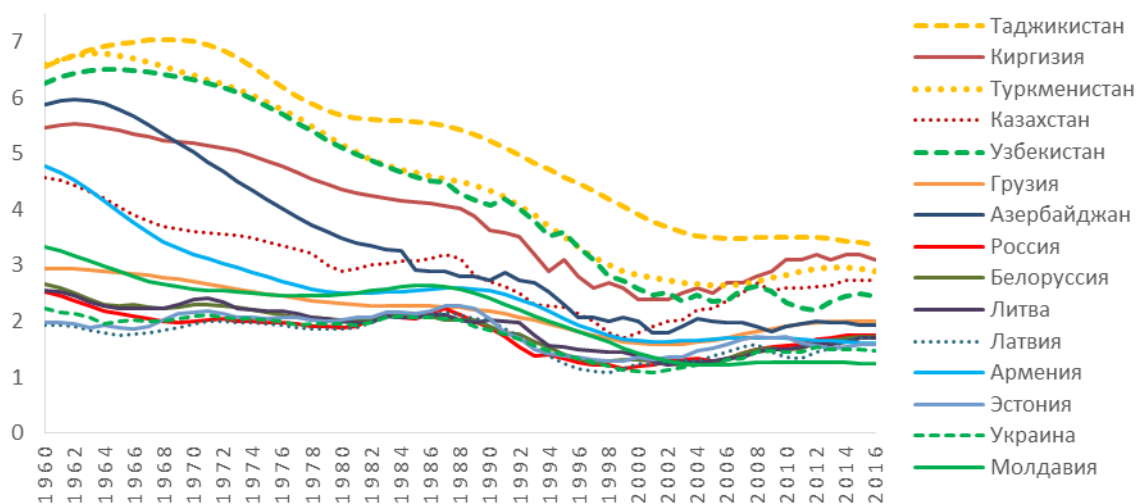

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости в постсоветских странах

Источник: Данные Всемирного банка. URL: <http://sergey.shulgin.ru/files/2018/tfr.2018.html> (дата обращения: 10.07.2018).

Во второй главе читатель сможет найти анализ процессов рождаемости с использованием данных по порядку рождений, возрастной модели рождаемости и её динамики, а также статистику рождаемости в реальных поколениях [гл. 2: табл. 6: 82-83].

По всем странам, по которым авторы смогли найти статистику возрастных коэффициентов рождаемости по порядку рождения, суммарный коэффициент рождаемости в условном поколении по первым рождениям в 1990 г. имеет значение около 1. К 2015 г. на этом уровне остались только страны Средней Азии и Азербайджан [гл. 2: табл. 2: 63]. В странах Балтии в конце 90-х годов СКР по первым рождениям падает до 0,6-0,65 и восстанавливается до уровней 0,7-0,8 к 2015 г. Авторы объясняют это изменением возрастной модели рождаемости и откладыванием первого ребенка на более поздние возраста. Похожие изменения происходили в России и Белоруссии (и, по всей видимости, на Украине, для которой не представлены ряды данных по порядку рождения). На примере возрастной модели рождаемости снова хорошо видны различия между европейской и среднеазиатской моделью. Интересно, что, несмотря на эти различия, соотношения между СКР по вторым рождениям к СКР по первым рождением во всех постсоветских странах (как с высокой, так и с низкой рождаемостью) оказываются более 80%. Для реальных поколений отношения СКР по порядку рождений в 80% можно было бы интерпретировать

как то, что 80% из тех, кто решил завести первого ребенка, заводят и второго (т.е. менее 20% женщин рожают лишь одного ребенка). В показателях, рассчитанных в условных поколениях, на эту интерпретацию накладываются тайминговые сдвиги и изменения в возрастной структуре рождаемости. Более того, в 2015 г. отношение СКР по вторым и первым рождениям даже выше, чем наблюдалось в 1990 г. (несмотря на сокращение СКР за эти годы в большинстве стран).

Приведенные данные и анализ позволяют сделать предварительный вывод о том, что в постсоветских странах не произошло переключение модели рождаемости с двухдетной семьи на однодетную. Доля тех, кто рождает второго ребенка, не сократилась с момента распада СССР. В основном сокращение рождаемости в европейской части бывшего СССР произошло за счет увеличения доли тех, кто отказывается заводить детей или откладывает первое рождение.

Третья и четвертая главы сборника также связаны с анализом процессов рождаемости и репродуктивным здоровьем. В третьей главе анализируется применимость модели факторов рождаемости Бонгаарта [Bongaarts 1978; Bongaarts, Potter 1983] к анализу процессов рождаемости в постсоветских странах. Автор главы анализирует факторы целенаправленного контроля над брачной рождаемостью (использование контрацепции и практика искусственных абортов) и их вклад в регулирование рождаемости. Распределение стран по этим показателям [гл. 3: рис. 1: 92] такое, что наиболее низкие показатели по вкладу искусственных абортов в регулирование рождаемости наблюдаются в странах Средней Азии и Балтии, в то время как наиболее высокие показатели по использованию искусственных абортов как способа регулирования рождаемости фиксируются в странах Закавказья, Молдавии, на Украине и в России.

Из четвертой главы можно узнать, что во всех странах бывшего Советского Союза вырос средний возраст вступления в брак [гл. 4: табл. 5: 104]. В наибольшей степени средний возраст вступления в брак увеличился в странах Балтии: на 5-7 лет с 1990 по 2015 г. В этих же странах в наибольшей степени увеличилась доля людей, никогда не состоявших в браке. Незначительно увеличился средний возраст вступления в брак в Азербайджане и Таджикистане, где прирост возраста вступления в брак за это время составил год с небольшим. Но что интересно, модели брачного поведения существенно различаются даже в странах с очень похожими статистическими показателями. Так, например, «в Эстонии доля браков, начинающихся сожителем, очень велика, в Латвии находится на среднем уровне, а в Литве одна из самых низких в Европе» (подробнее см. обзор работ [гл. 4: 128-132]).

В пятой главе [138-155] авторы представили варианты демографического прогноза до 2030 г., который они сделали для России и ещё пяти постсоветских стран (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан). Представлены 3 варианта прогноза: вероятный, низкий и высокий. В наиболее вероятном варианте прогноза общая численность населения России и Белоруссии остается примерно на текущем уровне [гл. 5: табл. 8: 152]. В среднеазиатских постсоветских странах и Азербайджане общая численность населения возрастает к 2030 г. во всех вариантах прогноза. В наиболее вероятном варианте прогноза наибольший прирост численности населения ожидается в Казахстане (увеличение почти на

3 млн человек). В Таджикистане при вероятном варианте прогноза продолжается очень быстрый прирост общей численности населения, и к 2030 г. оно становится более многочисленным, чем в Белоруссии и Азербайджане (таблица 1).

Таблица 1. Прогнозная динамика численности населения в вероятном варианте прогноза на период до 2030 г., тыс. чел.

Страны	Исходные данные на 1 января 2016	Вероятный сценарий			Изменения в 2030 г. относительно 2016 г.	
		2020	2025	2030	тыс.	%
Азербайджан	9 705,6	10 136,8	10 568,5	10 913,9	1 208,3	12,45
Белоруссия	9 498,3	9 561,7	9 594,3	9 567,2	68,9	0,73
Казахстан	17 417,7	18 380,9	19 414,1	20 342,3	2 924,6	16,79
Киргизия	6 019,5	6 383,3	6 776,1	7 126,1	1 106,6	18,38
Россия	146 544,7	147 324,4	147 079,8	145 947,1	-597,6	-0,41
Таджикистан	8 551,2	9 266,4	10 159,7	11 037,3	2 486,1	29,07

Источник: Построено по [табл. 8: 152].

Авторы предлагают читателю прогноз возрастной структуры населения анализируемых стран при различных сценариях [гл. 5: табл. 9: с. 154]. Конечно, хотелось бы увидеть прогнозы и оценки по всем 15 постсоветским странам, но даже прогноз возрастной структуры по 6 странам может рассказать о многом.

Потребность в таких оценках связана с тем, что в России идет быстрое сокращение численности населения в трудоспособных возрастах и это усиливает зависимость российского рынка труда от миграционных процессов. Прогноз возрастной структуры постсоветских стран позволяет оценить динамику численности трудоспособного населения в странах, с которыми тесно связан российский рынок труда. Если в странах, являющихся основными источниками трудовых мигрантов в Россию, будет существенно изменяться численность населения в трудоспособных возрастах, это напрямую будет отражаться на будущих миграционных тенденциях.

Используя оценки возрастной структуры для вероятного сценария [табл. 9: 154] и общую численность для вероятного сценария [табл. 8: 152], построим оценки численности населения в активных трудоспособных возрастах от 20 до 65 лет (таблица 2).

Таблица 2. Оценки изменения численности населения в возрастах от 20 до 64 лет в вероятном варианте прогноза на период до 2030 г., тыс. чел.

	Численность населения от 20 до 65 лет				Среднегодовое изменение численности (от 20 до 65 лет)		
	на 1 января 2016	2020	2025	2030	2016-2020	2020-2025	2025-2030
Азербайджан	6 231,0	6 467,3	6 499,6	6 515,6	59,1	6,5	3,2
Белоруссия	6 116,9	5 995,2	5 708,6	5 501,1	-30,4	-57,3	-41,5
Казахстан	10 433,2	10 716,1	10 891,3	11 249,3	70,7	35,0	71,6
Киргизия	3 334,8	3 561,9	3 767,5	4 033,4	56,8	41,1	53,2
Россия	94 521,3	90 899,2	86 335,8	83 481,7	-905,5	-912,7	-570,8
Таджикистан	4 472,3	4 994,6	5 496,4	6 081,6	130,6	100,4	117,0

Источник: Построено по [табл. 8: 152; табл. 9: 154].

Среднегодовые изменения численности показывают, как на определенном временном интервале будет изменяться численность населения в возрастах от 20 до 65 лет.

Как видно из таблицы 2, в России и Белоруссии из активных трудоспособных возрастов ежегодно выходит больше, чем входит в их состав (эта тенденция до 2030 г. наблюдается во всех сценариях и обусловлена текущей демографической структурой). Во всех странах ожидается провал в изменении численности трудоспособного населения в 2020-2025 гг. (связанный с падением рождаемости к 2000 г.) В Азербайджане после 2020 г. прирост численности населения в активных трудоспособных возрастах падает до нуля. В Казахстане – сокращается в 2 раза (с 70 до 35 тыс.). Даже в быстро растущих Таджикистане и Киргизии прирост в 2020-2025 гг. сокращается (хотя и остается существенным). В абсолютном значении 100-130 тыс. человек в год, дополнительно выходящих на рынок труда в Таджикистане, – это существенная величина. Но Таджикистан остается преимущественно сельским, и миграционный потенциал сельского населения Таджикистана (особенно для поколений, родившихся после распада СССР и зачастую уже не владеющих русским языком) для российского рынка труда будет ограниченным.

В следующих двух главах сборника [156-181] дается детальный обзор демографической политики России и постсоветских стран (за исключением стран Балтии).

Когда объектом изучения являются демографические процессы в 15 странах, исключительно важным становится изучение процессов миграции. Анализ миграционных процессов на постсоветском пространстве посвящены две главы сборника. Глава «Долгосрочная миграция между странами СНГ» [182-204] знакомит нас как с историей миграционных процессов в республиках СССР, так и с оценками миграционных потоков между странами бывшего СССР. Авторы анализируют тенденции и причины происходивших миграционных процессов и делятся с читателями своими количественными оценками миграционных потоков.

Общую миграционную картину Советского Союза с 1950 до 1989 г. можно узнать из [табл. 1: 183]. В сборнике представлены оценки миграционного прироста каждой из 15 республик бывшего СССР за 4 десятилетия. Россия являлась крупнейшим «донором» в 50-е и 60-е годы XX века для остальных союзных республик (отрицательный миграционный прирост 2,165 млн человек за 20 лет). В 70-е и 80-е годы у России положительное миграционное сальдо (в 1,892 млн человек), большая часть которого пришлась на 80-е годы XX века. Авторы приводят свои оценки чистых миграционных потоков между странами СНГ [табл. 6, 7, 8: 194-196], из которых можно увидеть структуру миграционных потоков за прошедшие с распада СССР годы.

Основной блок материалов сборника дополняют главы, посвященные отдельным странам. В главе «Демографический прогноз для Киргизии до 2050 г.» [214-244] кроме собственных вариантов прогноза анализируются варианты демографических прогнозов Отдела народонаселения ООН, Бюро цензов США, Центра Витгенштейна (Австрия). Последние три главы книги посвящены актуальным демографическим проблемам Азербайджана, Грузии и Молдавии.

* * *

В сборнике проведен комплексный анализ демографического развития постсоветских стран. В работе читатель сможет найти интересные данные, авторские

оценки, аналитику и демографические прогнозы. Издание может быть полезно всем, кто интересуется демографией России и постсоветских стран. Книга также будет интересна тем, кто интересуется социальной историей Советского Союза второй половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Демографическое развитие постсоветского пространства (2018). Сборник статей и аналитических материалов / Под редакцией М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова, Р.В. Дмитриева. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Экономический факультет. 367 с.
URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment> (дата обращения: 20.07.2018).
- Bongaarts J. (1978). A framework for analyzing the proximate determinants of fertility // Population and development review. 4(1): 105-132.
- Bongaarts J., G.R. Potter (1983). Fertility, Biology and Behavior: An Analysis of the Proximate determinants. New York: Academic press. 230 с.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE POST-SOVIET STATES

Review of the book “Demographic development of post-Soviet space”

SERGEY SHULGIN

This is a review of the book "Demographic Development of Post-Soviet Space", published in 2018 at the Centre for Population Studies, Faculty of Economics of Moscow State University. The book is devoted to the demographic development of countries that emerged after the collapse of the USSR in 1991. The main emphasis in the book is on the study of the demographic processes of the post-Soviet countries over the past 25 years. The monograph analyzes population changes, fertility and migration, settlement patterns and urbanization, demographic policy and much more. The monograph takes a look at both the Soviet past, in chapters about migration history (starting in the 1950s), and its future, through different possible demographic forecasts for certain post-soviet countries (up to 2030). This review touches upon only a part of the monograph's broad range of topics; for more details, readers are referred directly to the text of the monograph.

Key words: *post-Soviet states, USSR, demography, population changes, fertility, migration.*

SERGEY SHULGIN (sergey@shulgin.ru), RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION (RANEPA), RUSSIA.

DATE RECEIVED : AUGUST 2018.

REFERENCES

- Bongaarts J. (1978). A framework for analyzing the proximate determinants of fertility // Population and development review. 4(1): 105-132.
- Bongaarts J., G.R. Potter (1983). Fertility, Biology and Behavior: An Analysis of the Proximate determinants. New York: Academic press. 230 p.
- Demograficheskoe razvitie postsovetskogo prostranstva [Demographic development of Post-Soviet space] (2018). Sbornik statey i analiticheskikh materialov [Collection of articles and analytical materials] / M.B. Denisenko, V.V. Elizarov, R.V. Dmitriev, eds. Moscow: Lomonosov MSU. Ekonomicheskii fakul'tet. 367 p. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment> (accessed: 20.07.2018).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПУЛЬСАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рецензия на коллективную монографию «Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России»

НИКИТА МКРТЧЯН

Книга, основанная на анализе всех доступных на сегодняшний день данных о миграции в России, рассказывает о многообразии форм пространственных перемещений, не связанных со сменой постоянного места жительства. Где живет, работает и просто проводит время человек, формально не меняя адрес проживания, с чем связаны эти регулярные перемещения в пространстве, почему это не менее важно, чем традиционное рассмотрение миграции как «переезда» надолго или навсегда, для понимания жизни в стране, ее регионах и поселениях – таков далеко не полный перечень вопросов, поставленных коллективом авторов.

Ключевые слова: *пространственная мобильность населения, урбанизация, отходничество, дачный феномен, сельско-городской континуум.*

Название монографии, подготовленной коллективом российских географов ИГ РАН и Географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, как нельзя лучше указывает на пространство пульсаций населения в современной России. В этих пульсациях участвует огромное число людей, многие из них живут на два дома. Отходник или, как принято его называть сейчас, временный трудовой мигрант совершает регулярные поездки на работу между «главным» домом в селе, поселке или небольшом городе и временным жильем в крупном центре. В обратном направлении перемещается дачник, оставляя квартиру в городе и перемещаясь в пригородный дом/полудом/домик с брендовым названием «дача». Если поездки на работу или учебу совершаются ежедневно, дом, как бы он ни назывался, остается всего одним, его покидают утром и возвращаются вечером.

Книга содержит три части. Первая, небольшая по размеру, но весьма важная по своей теоретической значимости, посвящена характеристике процессов и концепций, которые рассматриваются авторами как «миграционный и поселенческий фон», на котором разворачиваются возвратные перемещения людей. Здесь читатель, если он еще до этого не был знаком с исторической эволюцией мобильности и расселения, получает представление о мобильном переходе У. Зелинского, теории стадияльной урбанизации Дж. Джибса, а также общей направленности миграции в конце XX – начале XXI века. Здесь же читатель знакомится с современным состоянием концепции сельско-городского континуума. Если теория урбанизации противопоставляет сельскую местность городу, крупные города малым, то концепция сельско-городского континуума показывает их тесную связность. В современной России конструкция континуума не только позволяет рассмотреть движение населения внутри него, но и, например, понять, почему мигранты извне выбирают для жительства сельскую местность вблизи городов, а сельские пригороды в результате прирастают населением быстрее, чем сами города.

Никита Владимирович Мкртчян (nmkrtchyan@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

РЕЦЕНЗИЯ ПОСТУПИЛА В РЕДАКЦИЮ В АВГУСТЕ 2018 Г.

Многое из того, что содержит первая часть книги, ее авторы А.И. Трейвиш и Т.Г. Нефедова уже представляли читателям в виде отдельных статей, но в книге это не просто «повторение пройденного». Посвящая книгу возвратной мобильности, авторы не могли не сказать и о безвозвратной, результатом которой, собственно, и стала современная урбанистическая структура населения России и сформировался сельско-городской континуум.

Вторая часть книги с емким названием «В город за работой» содержит, пожалуй, наиболее глубокий и всесторонний в нашей литературе анализ трудовой мобильности в России 2000-2010-х годов. Начинается она с экскурса в богатую и достаточно детально изученную историю отходничества в России, здесь авторы опираются преимущественно на вторичные источники. Но уже вторая глава этой части книги дает глубокое представление о предпосылках современного отходничества, понять которые, наверное, невозможно без детального знания географии России не на уровне регионов, а на уровне всего множества городов и территорий страны, которые близки к локальным рынкам труда. Особую весомость изысканиям временной трудовой миграции придает то, что они базируются не только и не столько на камеральных, но и на полевых исследованиях, методика которых в общих чертах изложена в отдельном параграфе.

Подробнейший анализ всей доступной (на дату подготовки публикации) статистики миграции на региональном и муниципальном уровнях приводятся в параграфах, подготовленных Т.Г. Нефедовой и Е.В. Антоновым. Опять же, здесь не обходится без привлечения статистики долговременной миграции, которая разрабатывается и публикуется более подробно, чем данные о временных трудовых перемещениях. Е.В. Антонов проделал огромную работу по визуализации и анализу данных Всероссийской переписи населения 2010 г. – единственному доступному источнику, позволяющему изучать направления отходничества в современной России на муниципальном уровне. Результат – уникальные карты, демонстрирующие:

1. распространенность трудовой мобильности в пригородах крупных городов и на внутренней периферии. Единственная проблема – данные переписи не позволяют отделить суточную (маятниковую) миграцию от других форм мобильности, прежде всего – от временной трудовой миграции. Суточная миграция, по числу участвующих в ней существенно превосходит отходничество и концентрируется преимущественно в пригородных зонах. Хочется надеяться, что в переписи 2020 г. эти виды трудовой мобильности удастся разделить, но для этого в ее программу надо добавить вопрос о частоте посещений дома;
2. географию «сбора» трудовых мигрантов крупнейшими центрами: Москвой, Санкт-Петербургом, тюменскими «Северами» и др. Только перепись с ее всеобщим охватом населения позволяет вести такие расчеты, и поклон Росстату, что он предоставил свободный доступ к ее детальным пространственным данным.

Вообще исследователи ИГ РАН традиционно больше внимания уделяют изучению Европейской части страны, в чем нельзя их упрекнуть: за Урал не дотянулся своей исследовательской дланью даже В.П. Семенов-Тянь-Шанский в нетленной работе «Город и деревня в Европейской России». Тем более ценно, что в книге «Между домом и... домом»,

а еще ранее в своей диссертации Е.В. Антонов представил анализ городских рынков труда и трудовой мобильности на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

А.Г. Махрова и П.Л. Кириллов продолжают изучение маятниковой миграции в Московской агломерации по данным сотовых операторов, что не часто встречается в российских исследованиях не только в силу затрудненного доступа к этим данным, но и ввиду чрезвычайной трудоемкости работы с ними. Результат этого исследования состоит не только в изучении непосредственно суточной трудовой мобильности, но и углублении наших представлений о границах агломерации, взаимосвязи мобильности с транспортной сетью. Последнюю, кстати, на примере в основном все той же столичной агломерации всесторонне анализирует А.С. Неретин. Обе части работы имеют, на мой взгляд, огромный потенциал для применения на практике.

Завершающие главы К.В. Аверкиевой и Т.Г. Нефедовой, посвященные трудовой мобильности в сельской местности, в основном базируются на данных полевых исследований. Чтобы подойти к этой проблеме, авторы на примере территорий-ключей (13 муниципальных районов 5 регионов Нечерноземья и села в Ставрополье) изучают экономику, рынки труда и лишь затем – возвратную мобильность. Читатель, помимо анализа пространственной мобильности, узнает, что в селе Нечерноземья уже мало кто занят сельским хозяйством, а на юге страны бурное развитие зерноводства привело к «бегству» вчерашних крестьян в города и в отход.

Третья часть книги «Дачи, дачники и дачеведение» тоже про мобильность, но в обратном направлении. Несмотря на то, что с дачеведением усилиями его основоположников (А.И. Трейвиша, Т.Г. Нефедовой и А.Г. Махровой) заинтересованный читатель уже в какой-то мере знаком, в книге собраны и переосмыслены все прежние теоретические наработки, приведен достаточно подробный экскурс в историю. Приведен подробный анализ методов исследования дач и дачников, включая новейшие: использование данных сотовых операторов, дешифрирование космоснимков (при технической и интеллектуальной поддержке А.А. Медведева) и др.

По давно сложившемуся разделению многолетних исследовательских интересов трансформацию традиционных дач в коттеджные субурбии в пригородах Москвы и Санкт-Петербурга представляет читателю А.Г. Махрова. Т.Г. Нефедова расширяет границы дачной России за пределы пристоличных областей и не только в Нечерноземье, но и, например, на Ставрополье. Дальние дачи москвичей и петербуржцев – пример реосвоения глубинной России, смены ее хозяйственной специализации с сельскохозяйственной на преимущественно рекреационную. Отметим, что авторы книги – сами «практикующие» дачники, много лет на собственном примере и примере коллег изучающие горожан в костромской глубинке.

«Дачная» часть книги изобилует не только и не столько статистическими данными, сколько анализом личных визуальных наблюдений по следам многочисленных поездок, картами, фотоматериалами. Все многообразие российских дач, наверное, данная книга все равно не вместила, в ней, например, не получила развития тема «дачной деградации», с которой, возможно, столкнется Россия в ближайшие десятилетия. Но, что неоспоримо, о «втором» доме горожанина читатель получит исчерпывающее представление.

Книга дает максимально полную картину движения населения, не описываемого данными статистики. Этим возвратных движений много больше, чем мы можем видеть из регулярных публикаций Росстата. Чем кратковременней поездки «между домом и домом», тем меньше их расстояние, тем больше «мобилей», участвующих в них и тем неуловимее они для камеральных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / Под редакцией Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 504 с.

SPATIAL PULSATIONS OF THE POPULATION OF MODERN RUSSIA

Review of the book «Between home and... home. Recurrent spatial mobility of the population in Russia»

NIKITA MKRTCHYAN

The book, based on an analysis of all currently available data on migration in Russia, tells the reader about all the diversity of forms of spatial displacements that are not related to a change of permanent residence. Where does a person live, work and just spend time, without changing his address of residence? What is the reason for these regular movements in space? Why is it no less important than the traditional understanding of migration as "moving" for a long time or for all time, to understand life in the country, its regions and settlements? This is a far from complete list of the questions posed by the team of authors.

Key words: *spatial mobility of population, urbanization, otkhodnichestvo (seasonal labor migration), dacha phenomenon, rural-urban continuum.*

NIKITA MKRTCHYAN (nmkrtchyan@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED : AUGUST 2018.

REFERENCES

Mezhdu domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between home and... home. Recurrent spatial mobility of the population in Russia] (2016) / T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova, eds. Moscow: Novyy khronograf. 504 p.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий, Анна Бурмистрова, Никита Ганжа,
Ирина Замищак, Галина Манькова, Вадим Хрюков

- *Balistreri K.S., K. Joyner, G. Kao. Trading Youth for Citizenship? The Spousal Age Gap in Cross-Border Marriages.*
- *Kolk M., M. Hällsten. Demographic and Educational Success of Lineages in Northern Sweden.*
- *Monnet E., C. Wolf. Demographic cycles, migration and housing investment.*
- *Lee R., Y. Zhou. Does Fertility or Mortality Drive Contemporary Population Aging? The Revisionist View Revisited.*
- *Cahill K.E., M.D. Giandrea, J.F. Quinn. To What Extent is Gradual Retirement a Product of Financial Necessity?*
- *Damman M., R. Van Duijn. Intergenerational Support in the Transition From Work to Retirement.*
- *DeWaard J., J.T. Ha, J. Raymer, A. Wiśniowski. Migration from New-Accession Countries and Duration Expectancy in the EU-15: 2002–2008.*
- *Vidal S., J. Huinink, M. Feldhaus. Fertility Intentions and Residential Relocations.*
- *Schlaffer J.S. Financing Public Education Facilities: The Role of Elderly Populations and Geographic Mobility.*
- *Grow A., C. Schnor, J. Van Bavel. The reversal of the gender gap in education and relative divorce risks: A matter of alternatives in partner choice?*
- *Zarulli V., J.A.B. Jones, A. Okszyan, R. Lindahl-Jacobsen, K. Christensen, J.W. Vaupel. Women live longer than men even during severe famines and epidemics.*
- *Kashnitsky I., J. Schöley. Regional population structures at a glance.*

TRADING YOUTH FOR CITIZENSHIP? THE SPOUSAL AGE GAP IN CROSS-BORDER MARRIAGES

[Balistreri K.S., K. Joyner, G. Kao (2017). Trading Youth for Citizenship? The Spousal Age Gap in Cross-Border Marriages // Population and Development Review. 43(3): 443–466. <https://doi.org/10.1111/padr.12072>]

В последние десятилетия неуклонно растет доля межэтнических и межнациональных браков. Большинство исследований, выполненных в Азии и Европе, рисуют интегральный образ подобной пары примерно так: муж – коренной житель страны, зачастую значительно старше жены-иммигрантки. Однако какова ситуация в США, которые на протяжении многих лет остаются одной из самых привлекательных для иммиграции стран мира? Таким вопросом задались Келли Балистрери, Кара Джойнер и Грейс Као.

Илья Савельевич Кашницкий (ilya.kashnitsky@gmail.com), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Анна Бурмистрова, Никита Ганжа, Ирина Замищак, Галина Манькова, Вадим Хрюков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ОБЗОР ПОСТУПИЛ В РЕДАКЦИЮ В АВГУСТЕ 2018 Г.

Помимо того, что научных работ, рассматривающих связь между иммиграцией и браками в США, немного, в проведенных исследованиях часто предполагается, что такие браки заключаются либо до приезда иммигранта в США (такие случаи вообще не входят в сферу исследований по смешанным бракам), либо некоторое время спустя (такие браки рассматриваются как показатель ассимиляции различных расовых и этнических групп). Однако, как показывают практика и результаты некоторых журналистских отчетов, многие коренные американцы, являющиеся приверженцами традиционных (патриархальных) взглядов на роль женщины в семье, предпочитают рассматривать в качестве потенциальных спутниц женщин из других стран. Интересно, что последние, в свою очередь, получив воспитание в строгом традиционном стиле, воспринимают гражданина США в качестве мужа как возможность сформировать равноправную семью, в которой мужчина и женщина будут в равной степени разделять все обязанности и одинаково владеть правом голоса. Более того, США – страна с самой крупной экономикой в мире, которая ежегодно принимает десятки тысяч трудовых мигрантов, но в то же время страна, в которой не так просто получить гражданство, предоставляющее значительные социальные и экономические преференции.

Авторы статьи указывают на важность рассмотрения роста доли браков между американцами и представителями других национальностей, а также изучения различий в возрасте между супругами, не столько в этническом контексте, сколько с точки зрения обладания статусом гражданина США. Брак с гражданином США многими рассматривается как возможность в значительно упрощенной форме и за менее длительный период ожидания получить американское гражданство.

На основе данных за период с 2010 по 2014 г., полученных из Американского исследования общества (ежегодный опрос жителей США, включающий такие вопросы как год, в который Вы вышли замуж/женились в последний раз, текущий семейный статус и др.), авторы показывают ярко выраженную связь между переездом в США и созданием семьи с обладателем американского гражданства у женщин (рисунок 1): 29% женщин-иммигрантов, вышедших замуж за коренного жителя США, и 27% женщин, вышедших замуж за натурализованного гражданина США, вступили в брак в тот же год, в который мигрировали в Штаты, – и менее заметную связь у мужчин (рисунок 2).

Также крайне любопытно и показательно, что разница в возрасте очень существенная, когда муж – обладатель американского гражданства, а бракосочетание имеет место до переезда в США. Например, если жена – иммигрантка из России, а муж – коренной американец, то можно ожидать, что жена будет моложе на 9 лет. Совсем иная картина наблюдается в случае, когда иммигрирует муж. Так, если муж – россиянин и бракосочетание предшествует его переезду в США, то ожидаемая разница в возрасте составит лишь 0,5 года.

Размышляя над полученными результатами, авторы отмечают, что значительная разница в возрасте между мужем – гражданином США и женой-иммигранткой является закономерным и взаимовыгодным обменом. Если совсем упрощать, что авторы и сделали в претенциозном названии статьи, молодые иммигрантки продают свою молодость за те преференции и стабильность, которые открывают американское гражданство и союз со

зрелым состоявшимся человеком. Тем не менее авторы отмечают необходимость понимать культурные особенности каждого региона. Возможны случаи, в которых существенная разница в возрасте между супругами в отдельно взятой стране или культуре является нормой.

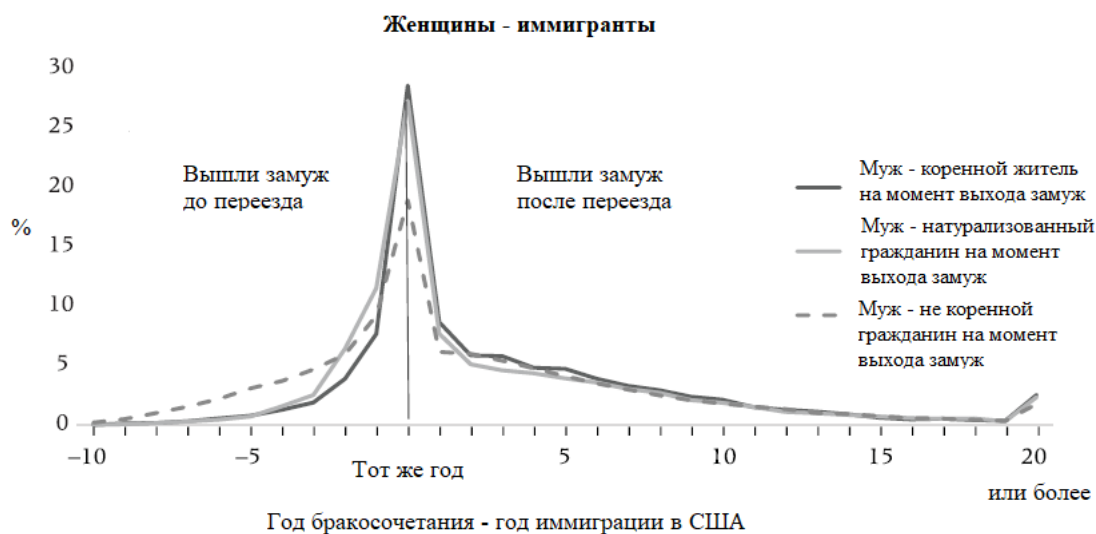

Рисунок 1. Взаимосвязь между годом бракосочетания и годом иммиграции жены в США

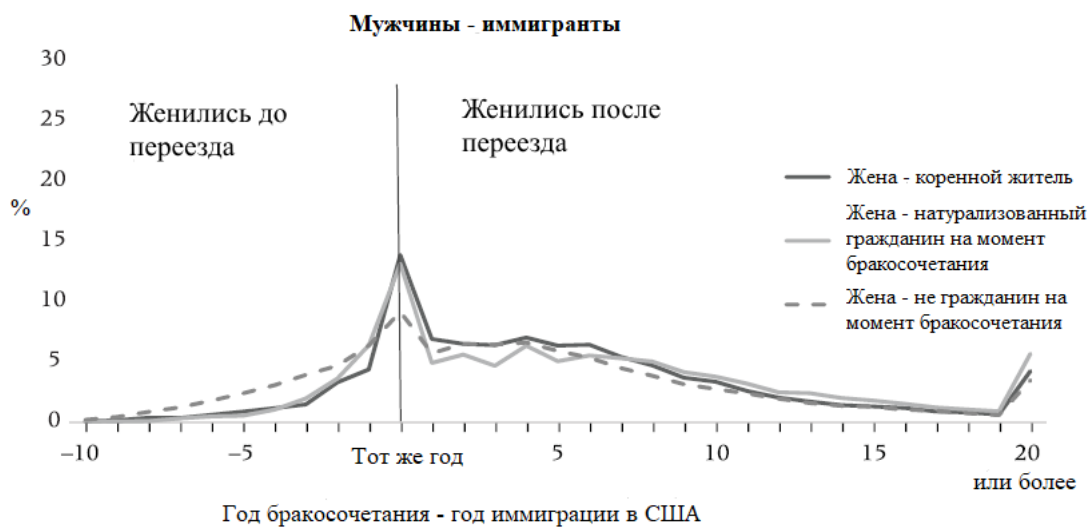

Рисунок 2. Взаимосвязь между годом бракосочетания и годом иммиграции мужа в США

DEMOGRAPHIC AND EDUCATIONAL SUCCESS OF LINEAGES IN NORTHERN SWEDEN

[Kolk M., M. Hällsten (2017). *Demographic and Educational Success of Lineages in Northern Sweden // Population and Development Review*. 43(3): 491–512. <https://doi.org/10.1111/padr.12091>]

Мартин Колк и Мартин Халльстен провели исследование, в котором выяснили, как уровень образования предков влияет на уровень рождаемости и успехи в образовании их потомков. Они использовали уникальный набор данных о жителях региона Шеллефтео в Северной Швеции, для которых доступны индивидуальные данные о каждом жителе с 1860 г. Это исследование уникально в том, что отвечает на крайне актуальные демографические вопросы, рассматривая социальное воспроизводство населения в контексте демографического перехода.

Наблюдаемое сегодня снижение рождаемости является следствием социальных, экономических, культурных и медицинских инноваций, которые в свою очередь позволили при планировании семьи «перейти от количества к качеству» и значительно увеличить ВВП на душу населения. Увеличение родителями инвестиций в детей позволило расширить возможности социальной мобильности и создало задел для еще большего увеличения душевого дохода в последующие годы.

Число детей в семье обратно пропорционально их успехам в учебе и производительности труда. Большое число детей часто не позволяет родителям в должной мере финансировать их образование, что значительно снижает шансы на экономический успех в будущем.

Авторы анализируют показатели четырех поколений шведов, живших в Шеллефтео с конца XIX века. Они разделяют представителей первого поколения (прабабушки и прадедушки) на 4 группы: фермеры, владевшие собственной землей (57% жителей), сельскохозяйственные рабочие без земли в собственности (29%), другие сельскохозяйственные работники (6%) и государственные служащие (1%). Информацию о роде деятельности оставшихся 8% жителей найти не удалось.

На рисунке 3 показано, что уровень рождаемости в Швеции неуклонно снижался с начала XX века и закрепился чуть ниже уровня простого воспроизводства на рубеже XX-XXI веков.

Потомки профессионально привилегированного первого поколения шведов, в среднем, получили лучшее образование. Ученые связывают это с прочным социально-экономическим статусом привилегированного населения. При этом крайне важно понимать, как проводится сравнение поколений: в абсолютном или относительном выражении. Дело в том, что резкое снижение рождаемости быстрее проистекало в привилегированных слоях общества. Поэтому, когда мы сравниваем «среднего потомка» со «средним предком», образовательное преимущество изначально привилегированных оказывается очень большим. Если же смотреть на абсолютные изменения в образовательном составе населения, то различия не столь значительны за счет того, что менее образованные предки оставляли более многочисленное потомство.

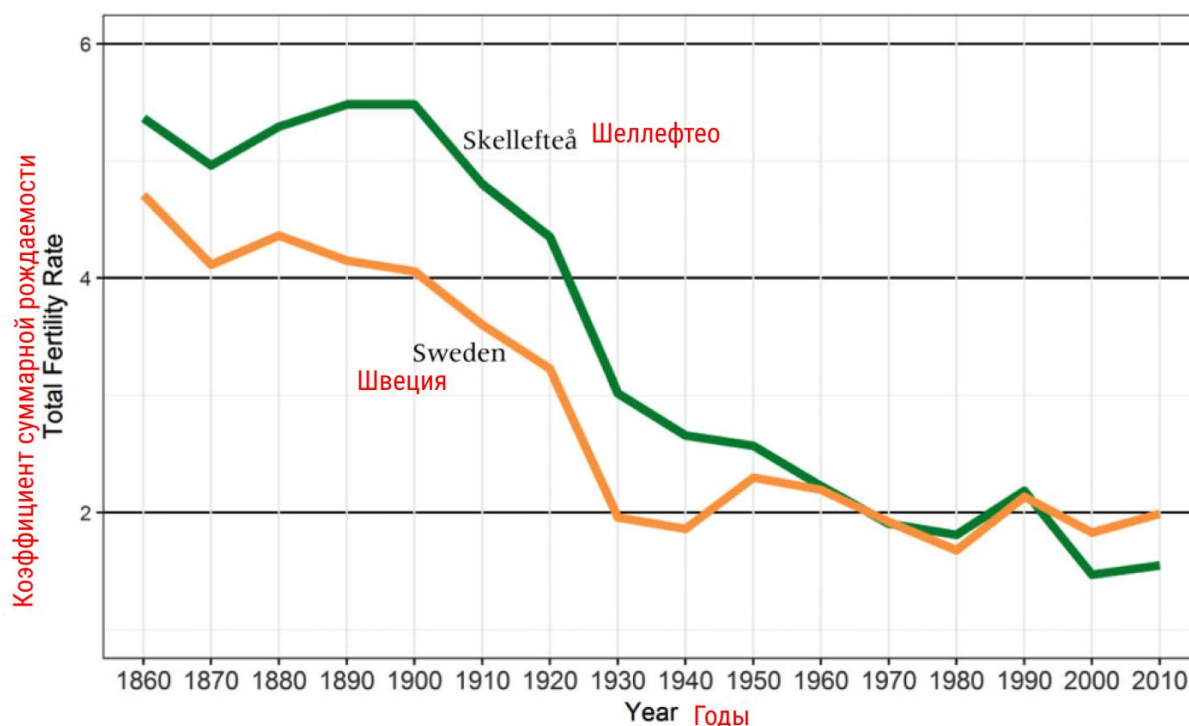

Рисунок 3. Коэффициент суммарной рождаемости в графстве Шеллефтео и в Швеции, 1860-2010

DEMOGRAPHIC CYCLES, MIGRATION AND HOUSING INVESTMENT

[Monnet E., C. Wolf (2017). Demographic cycles, migration and housing investment // *Journal of Housing Economics*. 38: 38–49. <https://doi.org/10.1016/j.jhe.2017.09.001>]

В отличие от прочих секторов экономики инвестиции в жилищное строительство подвержены отчетливым циклическим флуктуациям, что позволяет говорить о жилищном строительстве как о бизнес-цикле. Поэтому представляется важной теоретической и практической задачей определить основные факторы, влияющие на долю жилищных инвестиций в ВВП.

Эрик Моннэ и Клара Вольф изучают влияние демографических факторов на динамику инвестиций в жильё. На примере 20 стран-членов ОЭСР они изучают влияние изменения численности трёх групп населения (в возрасте 0-19 лет, 20-49 лет, 50 лет и старше) на изменение инвестиций в жилищное строительство во временном промежутке с 1980 по 2014 г. В качестве контрольных переменных исследователи берут рост реального личного располагаемого дохода, рост реальных цен на жильё, реальную долгосрочную процентную ставку, изменение безработицы и рост реального кредита частного нефинансового сектора. Исследование подтверждает первоначальную гипотезу: наибольшая теснота взаимосвязи наблюдается между изменением жилищных инвестиций и изменением численности «молодых взрослых» (населения в возрасте от 20 до 49 лет), так как именно в этом возрасте, как правило, создаются семьи, что ведёт увеличению количества домохозяйств и следовательно – росту спроса на жилплощадь (рисунок 4).

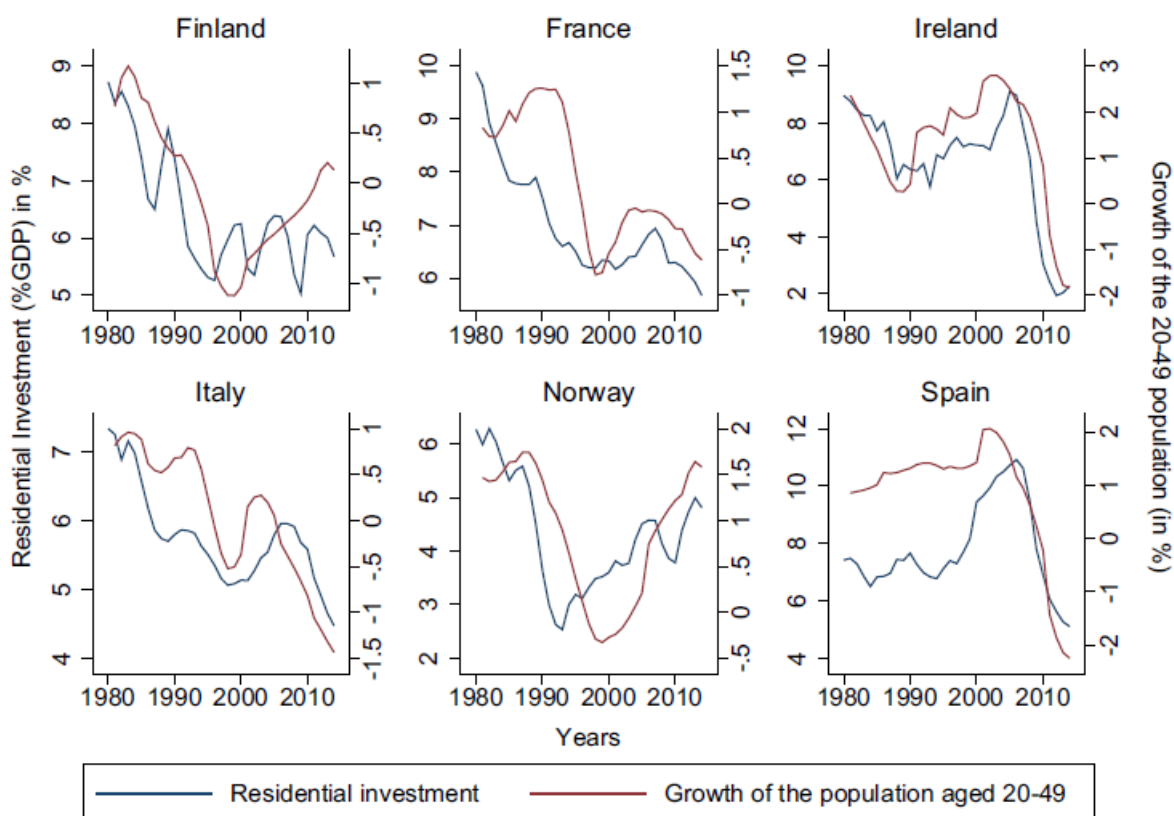

Рисунок 4. Доля инвестиций в жильё и рост населения в возрасте 20-49 лет для некоторых исследуемых стран

Таким образом, темп роста численности населения в возрасте 20-49 лет экзогенен по отношению к инвестициям в жильё. Вместе с тем нельзя отрицать положительную зависимость притока иммигрантов от состояния жилищного сектора в принимающей стране. Поскольку большинство иммигрантов на момент приезда в принимающую страну являются «молодыми взрослыми», возникает проблема эндогенности темпа роста населения в возрасте 20-49 лет относительно жилищных инвестиций. Чтобы её решить, авторы заменяют темп роста данной возрастной группы в каждый исследуемый год на темп роста населения в возрасте от 0 до 29 лет, наблюдавшийся за 20 лет до исследуемого года. Это означает, что теперь оценивается не фактический, а ожидаемый прирост населения и исключается влияние миграционного притока на численность «молодых взрослых». На данном этапе возникает необходимость разделить изучаемые 20 стран на две группы: страны с незначительным притоком иммигрантов (Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Франция, Япония, Нидерланды, Швеция, США) и страны с существенным притоком иммигрантов (Финляндия, Греция, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Португалия, Швейцария, Великобритания). Для первой указанной группы стран описанная выше замена переменных практически не изменяет влияние роста возрастной группы на рост инвестиций в жилищное строительство, однако для второй группы стран это влияние становится заниженным, так как с исключением иммигрантов ожидаемый прирост населения становится гораздо меньше фактического. Из этого следует, что миграционные потоки действительно являются фактором, от которого в ряде стран зависят жилищные инвестиции, но, как выясняют в дальнейшем исследователи, данная зависимость практически целиком обусловлена экзогенными эффектами миграции на рост инвестиций

в жильё. Поэтому авторы делают вывод, что проблема обратной причинно-следственной связи темпа роста населения в возрасте 20-49 лет и инвестиций в жилищное строительство несущественна.

В заключение, опираясь на средний вариант прогноза темпов роста населения в возрасте 20-49 лет ООН, исследователи прогнозируют изменения средней доли жилищных инвестиций в ВВП исследуемых стран до 2050 г. включительно (рисунок 5).

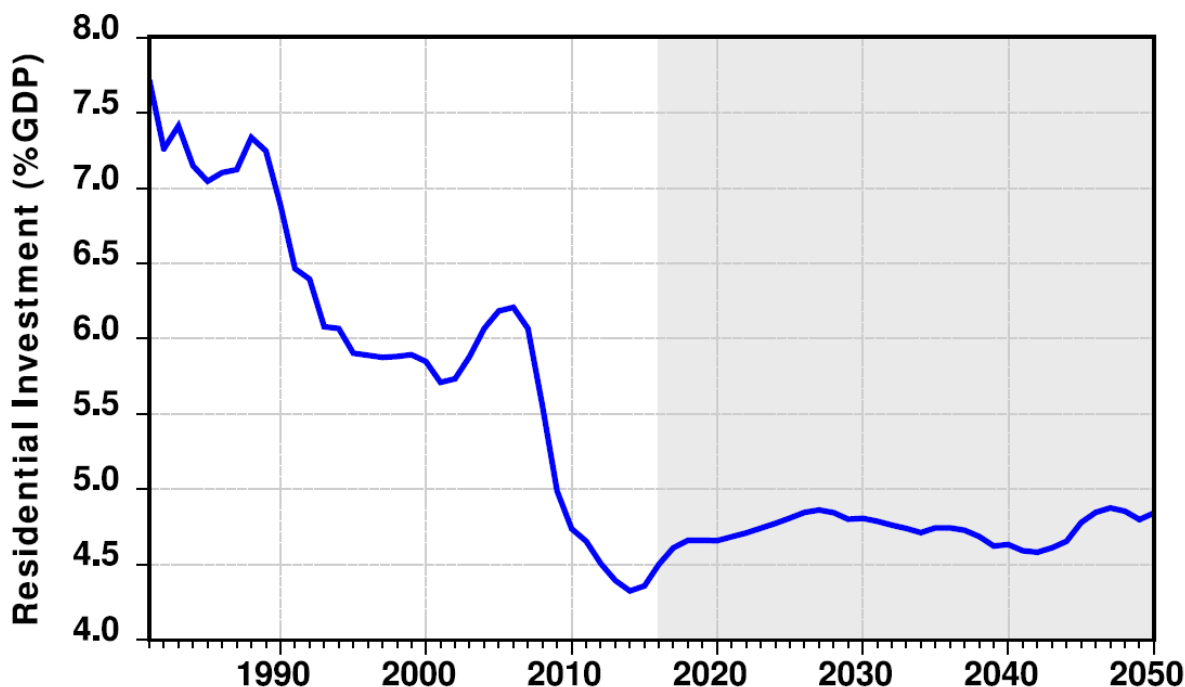

Рисунок 5. Прогноз инвестиций в жильё (как доли в ВВП)

Примечание: Прогнозируется средняя величина инвестиций в жильё (% ВВП) для каждой из исследуемых стран.

Достигнув исторического минимума в 2010-х годах (что во многом обусловлено завершением демографического перехода и снижением спроса на жильё), инвестиции в жилищное строительство останутся на достаточно низком уровне в ближайшие десятилетия. Малые объемы традиционно значимого сектора реальной экономики оказывают значительное негативное давление на темпы экономического развития.

DOES FERTILITY OR MORTALITY DRIVE CONTEMPORARY POPULATION AGING? THE REVISIONIST VIEW REVISITED

[Lee R., Y. Zhou (2017). *Does Fertility or Mortality Drive Contemporary Population Aging? The Revisionist View Revisited* // *Population and Development Review*. 43(2): 285–301. <https://doi.org/10.1111/padr.12062>]

Почему население развитых странах значительно старше сегодня, нежели век назад? Почему общество в развитых государствах продолжает стареть и почему та же участь ожидает население во многих развивающихся странах в XXI веке? Является ли снижение уровня смертности и увеличение продолжительности жизни основной причиной данного

тренда или же следует искать корень проблемы в падении уровня рождаемости и темпов прироста населения? Рональд Ли и И Зу постарались ответить на эти вопросы.

Ученые освещают несколько разных подходов к анализу проблемы старения населения. Приверженцы классического подхода (сравнения с моделью стабильного населения) утверждают, что основная причина старения заключена в падении уровня рождаемости и в меньшей степени – в снижении уровня смертности. Для иллюстрации данного подхода авторы приводят динамику демографических показателей в Европе и их влияние на показатель демографической нагрузки пожилым населением (OADR – old-age dependency ratio = $\text{Pop}(65+)/\text{Pop}(20-64)$) (рисунок 6).

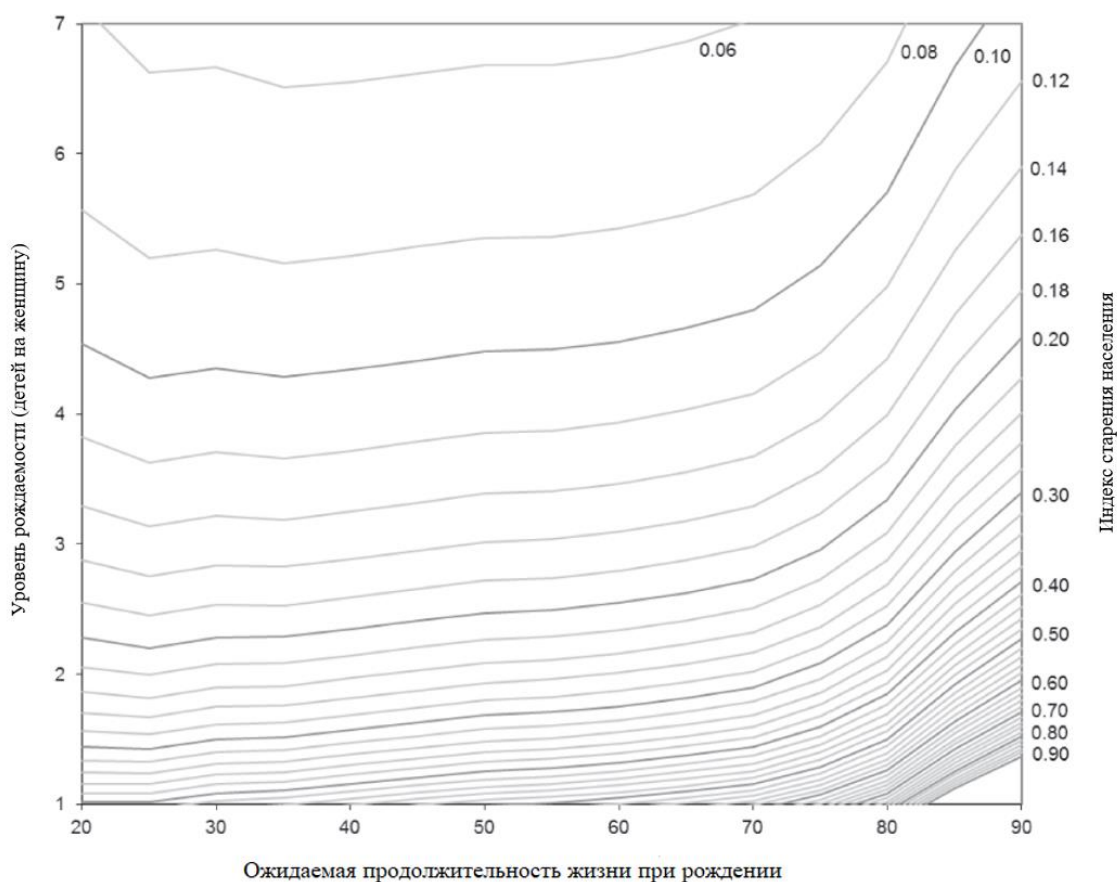

Рисунок 6. Комбинации рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни

В середине XIX века в Европе одна женщина в течении жизни, в среднем, рожала 5 детей при ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 35 лет. Это обеспечивало значение показателя OADR около 0,08 или 8 человек преклонного возраста на 100 человек в трудоспособном возрасте. Если продолжительность жизни оставить неизменной, а рождаемость зафиксировать на уровне последних десятилетий (1,6), то OADR окажется равен 0,28, т.е. вырастет на 0,2. Если же уровень рождаемости оставить равным 5 детям, а продолжительность жизни привести к сегодняшнему дню – 78 лет, то изокванты графика приведут нас к значению OADR, равному 0,11, т.е. рост индекса составит лишь 0,03 пункта. Таким образом, уровень рождаемости оказывает большее влияние на старение населения в сравнении с уровнем смертности согласно классическому подходу.

Однако авторы отмечают несовершенство классического подхода, который ничего не говорит нам о переходном периоде наций от одного устойчивого состояния к другому. Данный недостаток подхода был отмечен многими исследователями, которые в ряде работ выдвигали и доказывали гипотезу о том, что старение населения в большей степени связано с уровнем смертности. В частности, Престон и Стоукс в статье «Источники старения населения в более и менее развитых странах»¹ привели математическое доказательство того, что за период с 1980 г. старение населения преимущественно вызвано снижением смертности. Ли и Зу отмечают, что, несмотря на точность, лаконичность и нестандартность математической модели, выводы работы вызывают сомнения, и, вероятно, являются неверной интерпретацией математических результатов, так как данный подход не учитывает не прямое влияние смертности на уровень рождаемости.

Выявив недочеты в существующих подходах, Ли и Зу пришли к выводу о необходимости проведения исследования, в основу которого будет заложена аналитическая симуляция. Что это означает? Имея исторические данные (с 1900 по 2005 г.), ученые определили, как изменился бы средний возраст населения Индии с 2005 по 2010 г. в случае, если:

1. зафиксировать темп рождаемости на уровне 1900 г. при реальном уровне смертности;
2. зафиксировать смертность на значении 1900 г. при реальном уровне рождаемости.

Симуляция показала, что в результате изменения рождаемости при постоянной смертности средний возраст населения Индии с 2005 по 2010 г. вырос бы на 1 год, а при динамическом уровне смертности и постоянной рождаемости с 1900 г. средний возраст населения Индии упал бы на 0,1 года. Авторы утверждают, что снижение рождаемости оказывает значительно большее влияние на уровень старения населения, нежели снижение смертности.

В завершении исследования Ли и Зу подчеркивают, что для эффективной борьбы с постепенным старением населения действующие государственные деятели должны понимать, что падение рождаемости – ключевой фактор старения населения страны. Это наиболее актуально для стран, пребывающих на ранних стадиях демографического перехода, например, для большинства стран Африки.

TO WHAT EXTENT IS GRADUAL RETIREMENT A PRODUCT OF FINANCIAL NECESSITY?

[Cahill K.E., M.D. Giandrea, J.F. Quinn (2017). To What Extent is Gradual Retirement a Product of Financial Necessity? // Work, Aging and Retirement. 3(1): 25–54. <https://doi.org/10.1093/workar/waw027>]

Гибкость американского рынка труда позволяет пенсионерам оставаться занятыми после выхода на пенсию, комбинируя различные формы трудоустройства. Тот факт, что в США

¹ Preston S.H., A. Stokes (2012). Sources of population aging in more and less developed countries // Population and Development Review. 38(2): 221–236.

53% пенсионеров и 42% занятых старше 45 лет не имеют существенных пенсионных накоплений, объясняет, почему американцы пытаются снизить риски финансовой нестабильности после выхода на пенсию. Существует несколько типичных вариантов занятости для пожилых работников. Например, все более популярными становятся переходные позиции (bridge employment), когда сотрудники перед выходом на пенсию еще несколько лет работают с меньшей нагрузкой. Этот переход может осуществляться в несколько четко прописанных этапов, тогда принято говорить о поэтапном выходе на пенсию (phased retirement). Часто подобный тип занятости подразумевает заключение специального контракта, по которому сотрудник работает в режиме неполного рабочего дня после официального выхода на пенсию, либо через привлечение для выполнения сезонных или иных временных работ. Достаточно распространенной практикой оказывается и возвращение недавно вышедших на пенсию сотрудников на новых условиях.

Но что движет пожилыми работниками, решающими отложить выход на пенсию? В какой степени материальный статус влияет на решение работать после достижения пенсионного возраста? На этот вопрос попытались ответить Кейн Кэйхил, Майкл Ждиандреа и Джозеф Куин. Дополнительно они рассмотрели, какие формы переходной занятости являются предпочтительными для американских пенсионеров (работа «на себя» или по контракту неполный день) и какую роль оказывают на выбор демографические и экономические факторы.

Ученые провели лонгитюдное исследование, рассмотрев три когорты пенсионеров, которым исполнилось 51-56 лет (61 год для 1992 г.) в 1992, 1998 и 2004 г. соответственно. Данные о респондентах были взяты из базы исследования по вопросам состояния здоровья и выхода на пенсию (Health and Retirement Study), где собрана информация по изменению трудового статуса опрашиваемых и о причинах, в том числе финансовых, повлиявших на принятие соответствующего решения.

Результаты могут значительно варьироваться в зависимости от того, что считать благосостоянием. Ученые провели анализ, используя три категории богатства: 1) общая стоимость всех финансовых активов; 2) общая стоимость всех финансовых активов, за исключением первичной и вторичной недвижимости; 3) чистая стоимость всех финансовых активов. Изменение в благосостоянии в рассматриваемом временном промежутке от первого интервью (с 1992 по 2012 г.) исчисляли в процентах. Отдельно в каждой категории были выделены 5 уровней благосостояния, которым респонденты владели на момент интервью: 0\$, 1-24999\$, 25000-99000\$, 100000-499999\$, 500000+\$. С помощью регрессионного анализа удалось выяснить, как с течением времени изменялись предпочтения по трудоустройству после выхода на пенсию среди трех выбранных когорт в зависимости от уровня благосостояния и гендера респондентов.

Исследование показало, что переходная занятость является преобладающей формой независимо от дохода и оказывается значительно популярнее среди мужчин с высоким доходом и женщин с доходом ниже среднего. Кроме того, выбирая между самозанятостью и контрактом по найму после выхода на пенсию, мужчины более склонны работать «на себя», нежели женщины (14-18 и 9-11% соответственно). Интересно, что трудовые предпочтения слабо зависят от изменения в накоплениях в ходе времени: корреляция между

сокращением занятости и ростом богатства видна только в отношении роста общей стоимости всех финансовых активов (1) и только для когорты 1992 г.

Анализ продолжительности рабочего дня на переходной позиции показывает, что для мужчин, чье благосостояние сократилось с момента первого интервью, полный рабочий день по контракту является предпочтительнее самозанятости. В то же время для женщин ключевую роль играет не изменение в доходе, а его общий уровень – среди наиболее обеспеченных категорий выше вероятность работать меньшее количество часов по сравнению с владеющими средним или низким доходом.

Заметно, что гендерные различия определяют факторы, влияющие на выбор переходной позиции: для мужчин когорты 1992 г. таковыми стали семейное положение, трудовой статус супруги, а также состояние здоровья. В отношении женщин подобная связь неочевидна.

В завершение исследователи предупреждают, что, несмотря на то, что переходная занятость оказывает существенную поддержку тем, кто стремится снизить риски финансовой нестабильности после выхода на пенсию, она является лишь временным решением и не может устранить всех проблем, связанных с тем, что значительная часть населения оказывается неспособной обеспечить благополучную старость. Наименее обеспеченные из возрастных работников вынуждены продолжать работать на полую занятость, что зачастую негативно отражается на их здоровье. В результате с повсеместным распространением занятости пенсионеров повышаются риски для наиболее уязвимых категорий, которые не могут работать вследствие проблем со здоровьем или иных причин. Среди них – наиболее возрастные подгруппы, одинокие, инвалиды либо живущие нерегулярными приработками, которым политика поощрения занятости не может гарантировать приемлемый уровень благосостояния.

INTERGENERATIONAL SUPPORT IN THE TRANSITION FROM WORK TO RETIREMENT

[Damman M., R. Van Duijn (2017). Intergenerational Support in the Transition From Work to Retirement // Work, Aging and Retirement. 3(1): 66–76. <https://doi.org/10.1093/workar/waw023>]

Марлен Дамман и Розмарин Ван Дуджин исследовали, в какой степени дети поддерживают своих родителей во время выхода на пенсию и как можно объяснить различия в объеме оказываемой поддержки. В научной литературе на данный момент существует два объяснения принципа оказания подобной поддержки: альтруистический и основанный на обмене.

Из 697 опрошенных Нидерландских пенсионеров меньше половины сообщили, что получали поддержку от детей во время выхода на пенсию. Как правило, поддержку от детей получали одинокие, находящиеся в тяжелой финансовой ситуации люди. Это соотносится с альтруистическим принципом, который подразумевает готовность членов семьи помогать друг другу. Предыдущие исследования показали, что хорошее здоровье, финансовая состоятельность и наличие партнера благоприятно влияют на удовлетворение от выхода на

пенсию. Люди же, в недостаточной степени располагающие этими ресурсами, испытывают больше трудностей при выходе на пенсию и поэтому нуждаются в большей поддержке. Авторы предположили, что люди, работавшие больше часов в неделю или отправленные недобровольно в отставку, хуже справляются со стрессом от выхода на пенсию. Но у них есть больше шансов получить поддержку от детей.

Исследование показало, что пенсионеры, которые помогали своим детям, чаще получали поддержку, что иллюстрирует принцип обмена. То есть «издержки» на оказание помощи детям будут компенсированы ими в будущем. Чем больше родители делают для своих детей сейчас, тем выше их уверенность, что у них будет надежная опора потом. Примечателен тот статистически выясненный факт, что наличие детей, финансово зависящих от родителей, снижает вероятность раннего выхода на пенсию. Но тем не менее дети могут служить стимулом к выходу на пенсию родителей для высвобождения времени, необходимого для оказания им поддержки.

В ходе исследования был проведен эксперимент, в котором одним и тем же работающим людям в возрасте 50-64 года 4 раза высылали опросники. В первую волну в 2001 г. ответило 62% респондентов, во вторую и третью волны (2006-2007 гг.) ответило 75%, а в четвертую волну (2011 г.) – 78%. В последнем опросе их попросили оценить степень поддержки, оказываемой детьми, в процессе выхода на пенсию, степень интенсивности обсуждения с детьми вопроса их выхода на пенсию и степень, в которой они признают своих детей источником поддержки в течение этого непростого периода.

Вдобавок испытуемых попросили охарактеризовать при помощи пятибалльной шкалы свое здоровье, семейное положение, финансовое благосостояние, количество рабочих часов, степень добровольности выхода на пенсию, социальные контакты вне работы, социальный статус, частоту помощи детям по уходу за внуками и поддержки детей, наличие финансово зависимых детей.

Таблица 1. Показатели измерения получаемой поддержки от детей во время выхода на пенсию, %. N=697

Показатель	Совершенно не согласен	Не согласен	Ни согласен, ни не согласен	Согласен	Совершенно согласен
Я много говорил со своими детьми о моей жизни после выхода на пенсию	18,8	46,1	25,0	9,6	0,6
Мои дети часто спрашивают меня, каково это – перестать работать	15,5	41,0	30,3	12,8	0,4
Мои дети являются такой надежной опорой для меня, что я могу больше не работать	11,6	22,2	43,9	19,1	3,2
Если бы у меня не было детей, то моя жизнь на пенсии была бы куда более сложной	23,7	29,7	26,5	16,6	3,4

Результаты эксперимента показали, что лишь меньшинство респондентов получало поддержку детей во время выхода на пенсию. Около 10% часто говорили с детьми о выходе на пенсию. 22% отметили отличную поддержку со стороны детей. 20% сказали, что жизнь

на пенсии была бы куда сложнее при отсутствии детей. Не больше 6% (совершенно) согласны со всеми четырьмя высказываниями из таблицы 1. И около 61% заявило, что они не получали никакой поддержки при выходе на пенсию. По результатам опроса, одинокие пожилые люди, люди с низким финансовым благосостоянием и озабоченные своим социальным статусом получали больше поддержки от детей. А количество отработанных в неделю часов и состояние здоровья, социальные контакты оказались статистически незначимыми в вопросе получения поддержки. Помощь в уходе за внуками или с работой по дому положительно влияла на объем возвратной поддержки от детей. Люди, часто помогавшие детям с уходом за внуками или вообще не имеющие внуков, получали больше поддержки, чем те, кто никогда не занимался ими. Наличие финансово зависимых детей снижало степень получаемой поддержки.

Результаты этого эмпирического исследования в некоторой степени подтверждают справедливость обеих объяснительных моделей: как альтруистической, так и обменной. У исследования есть некоторые ограничения. Например, уровень поддержки был измерен только со стороны родителей. Так, их впечатления могут не совпадать с объективным уровнем оказанной поддержки. Более того, в вопросах не указан точный вид помощи. Поэтому не все виды поддержки могли быть учтены. Тем не менее авторы полагают, что, несмотря на ограничения, их исследование проливает свет на важную и актуальную тему баланса взаимопомощи между родителями, покидающими рынок труда, и их детьми.

MIGRATION FROM NEW-ACCESSION COUNTRIES AND DURATION EXPECTANCY IN THE EU-15: 2002–2008

[DeWaard J., J.T. Ha, J. Raymer, A. Wiśniowski (2017). Migration from New-Accession Countries and Duration Expectancy in the EU-15: 2002–2008 // European Journal of Population. 33(1): 33–53. <https://doi.org/10.1007/s10680-016-9383-3>]

После расширения Европейского союза в 2004 и 2007 гг. существенно увеличился приток иммигрантов из 12 новых стран ЕС в 15 стран, состоявших в Евросоюзе до 2004 г. (далее ЕС-15). Для изучения влияния этого процесса на экономику и социальную структуру стран-членов ЕС необходимо по возможности точно представлять масштабы явления.

Джек ДеВаард, Джасмин Чан Ха, Джеймс Рэймер и Аркадиуш Вишнёвски предлагают новый изящный метод косвенной оценки общего объема миграционного обмена. Они предлагают оценивать «полную» продолжительность проживания в странах ЕС-15 иммигранта из страны, вступившей в ЕС в 2004 или 2007 г. («Полная» продолжительность проживания в отличие от «текущей» учитывает не только долгосрочную миграцию, но и циклическую, например сезонную.) Но поскольку в отсутствие детальных и надежных данных о миграции осуществить точный подсчёт «полной» продолжительности проживания не представляется возможным, авторы прибегают к косвенному оцениванию с помощью мультистатусных таблиц смертности с разделением населения по миграционному статусу. Таким образом, оценивается ожидаемая продолжительность пребывания мигранта из новых стран ЕС в ЕС-15. Этот показатель считается из ожидаемой продолжительности жизни при рождении (которая складывается из ожидаемой продолжительности жизни внутри родной страны и вне её). Авторы находят

ожидаемую продолжительность пребывания в стране ЕС-15 в каждом году (с 2002 по 2008 г.) для каждой пары изучаемых стран, между которыми возникают миграционные потоки (рисунок 7).

Проанализировав полученные данные, исследователи находят общие тенденции для всех стран – новых членов ЕС:

1. в течение рассматриваемого временного промежутка ожидаемая продолжительность жизни при рождении растёт;
2. несмотря на это, сокращается ожидаемая продолжительность пребывания индивида в родной стране;
3. увеличивается ожидаемая продолжительность пребывания индивида вне родной страны (в частности, для стран ЕС-15 этот показатель вырос в среднем на 7,89 года за рассматриваемый период);
4. наибольшая ожидаемая продолжительность пребывания мигрантов из стран – новых членов ЕС наблюдается в Германии (4,20 года), Великобритании (3,08 года) и Италии (2,76 года).

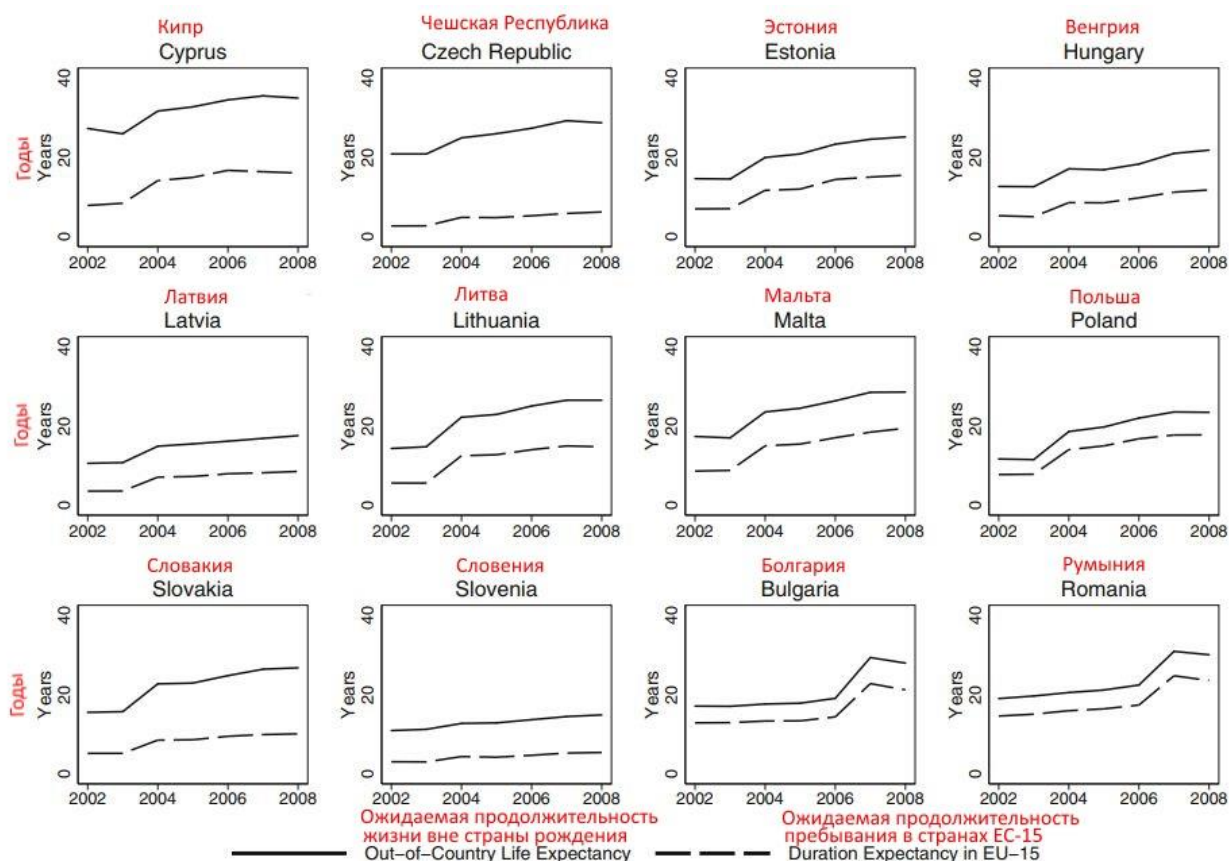

Рисунок 7. Ожидаемая продолжительность жизни мигрантов из новых стран ЕС вне родной страны вообще и в странах ЕС-15 в частности: страны – новые члены ЕС, 2002-2008

Также в результатах анализа отчетливо прослеживаются различия между двумя группами стран – новых членов ЕС: вступивших в Евросоюз в 2004 и в 2007 г. Уроженцы первой группы стран увеличили своё пребывание в странах ЕС-15 на 7,53 года, а уроженцы

второй группы – на 8,81 года (рисунок 8). Для индивидов, родившихся в странах – членах ЕС с 2004 г., приоритетная страна пребывания (помимо вышеперечисленных) – Франция, а для родившихся в странах – членах ЕС с 2007 г. – Испания.

Авторы статьи осознают, что их подход к оценке миграционных процессов подвержен серьезным колебаниям вследствие использования периодных таблиц смертности и может не всегда давать точные и устойчивые во времени результаты из-за резких скачков в определенные годы. Так, исследуемый промежуток заканчивается в 2008 г., в год начала мирового экономического кризиса, следовательно, не учитывается влияние кризиса на результаты, что особенно важно для анализа следующих временных промежутков. Однако исследователи убеждены, что в дальнейшем эти ограничения будут устранены, и надеются, что ожидаемая продолжительность проживания будет использоваться в качестве характеристики миграционных процессов повсеместно.

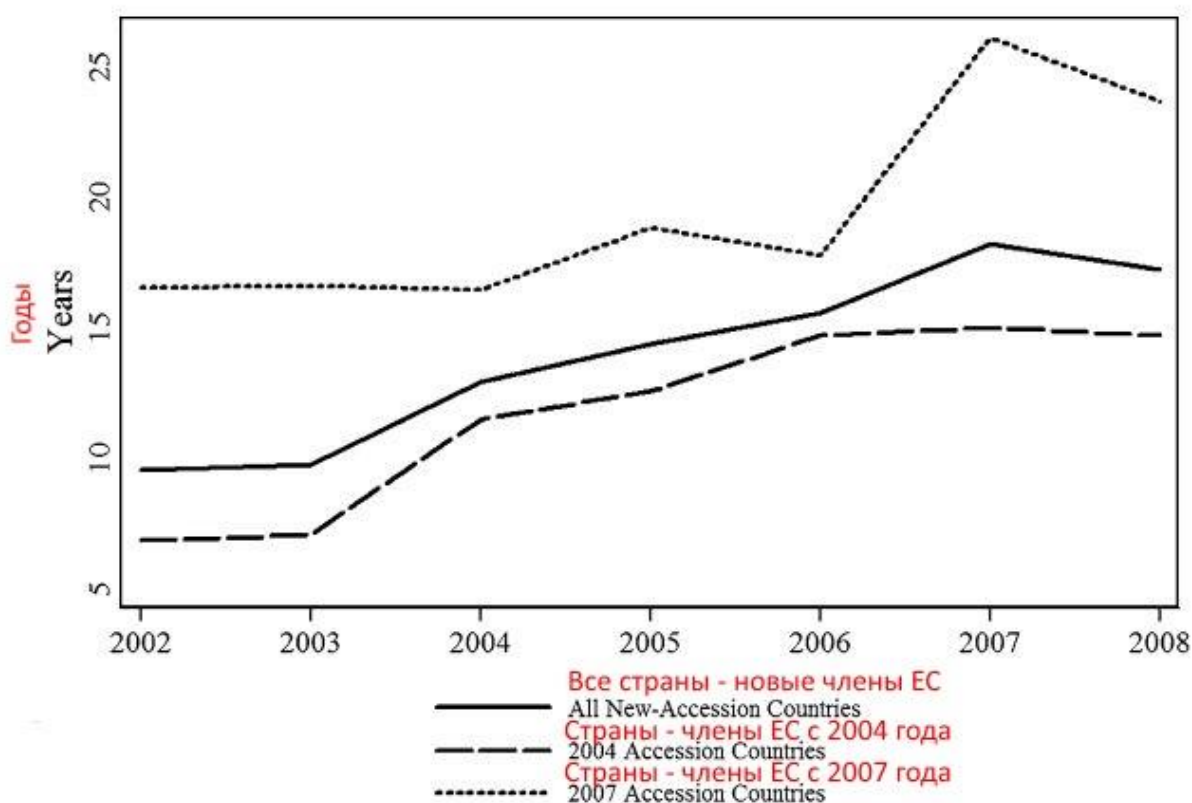

Рисунок 8. Ожидаемая продолжительность проживания в странах ЕС-15: все страны – новые члены ЕС по дате присоединения, 2002-2008

FERTILITY INTENTIONS AND RESIDENTIAL RELOCATIONS

[Vidal S., J. Huinink, M. Feldhaus (2017). *Fertility Intentions and Residential Relocations* // *Demography*. 54(4): 1305–1330. <https://doi.org/10.1007/s13524-017-0592-0>]

В настоящее время появляется все больше эмпирических подтверждений существования тесной связи между планированием рождения детей и сменой места жительства. В отсутствие подходящего жилья или дружественной для детей окружающей среды пара,

желающая завести детей, либо переезжает, либо отказывается от пополнения. Однако переезд часто происходит и непосредственно после рождения ребенка. Серджи Видал, Йоханнес Хьюнинг и Майкл Фелдхауз постарались ответить на вопрос: является ли смена места жительства результатом планирования беременности или следствием появления детей.

В основном предыдущие исследования по данной теме показали, что смена места проживания и рождаемость сильно взаимосвязаны. В этих работах акцент был сделан на изучении механизма «регулировки» (смена места проживания в связи с планированием пополнения семьи), которые рассматривались как основной стимул к переезду. Однако направление взаимосвязи вполне может быть и обратным, когда переезд, связанный с расширением семьи, случается после зачатия или уже после рождения ребенка.

В своей работе авторы сначала выдвигают гипотезу о том, что намерение завести ребенка стимулирует смену места жительства. Подобное утверждение было обусловлено тем, что смена места жительства до зачатия ребенка снижает уровень стресса будущих родителей. Например, они могут быть уверены, что им доступны инфраструктура, необходимая для ребенка, или помощь родственников.

Однако результаты исследования не в полной мере подтвердили гипотезу: положительная зависимость между намерением завести ребенка и сменой места жительства оказывается незначительной, но сильно меняется в зависимости от возраста и родительского статуса. Ключевыми факторами оказались степень срочности «регулировки» и доступность ресурсов, необходимых для переезда. Таким образом, переезд представляет собой необходимую меру поддержания должного уровня жизни семьи. Но, вне зависимости от срочности переезда, отсутствие ресурсов может заставить пару отсрочить смену места жительства.

Для подтверждения гипотезы были использованы данные исследования взаимоотношений и семейных соглашений German Family Panel (2008-2013 гг.). В этой научной работе были собраны в шесть волн ответы одних и тех же респондентов трех когорт рождения (1971-1973, 1981-1983, 1991-1993 гг.).

Авторы сравнивали участников в возрасте 24-28 и 34-38 лет. В исследовании различались три типа смены места жительства: переезд внутри города, перемещение на малые расстояния за территорию города (но не более 50 км) и перемещение на большие расстояния (более 50 км). Каждый год участников опроса спрашивали, намереваются ли они стать отцом или матерью (снова) в течение следующих двух лет. Более того, учитывались и другие индикаторы. Например, статус беременности, родительский статус, возраст, разница между числом проживающих в доме и количеством комнат, время, необходимое, чтобы доехать до работы и родителей, семейное положение, уровень образования, число детей, доходы и др. Также был проведен ряд испытаний для выявления наличия обратного влияния места жительства на намерение завести ребенка. Так, отсутствие жилья или ощущение стресса, связанного с переездом, могут негативно повлиять на планы женщины завести ребенка.

Результаты показывают, что люди предпочитают переезжать чаще в рамках территории города, чем перемещаться за его пределы. Также, переезжая за пределы города, испытуемые чаще совершали перемещения на малые расстояния, чем на большие. Переезды внутри города или на малые расстояния являются наиболее частотными в течение беременности и на стадии ее планирования. Переезды на большие расстояния наиболее часто происходят на стадии планирования ребенка, после которого пара больше не собирается заводить детей.

Группа респондентов когорты рождения 1981-1983 гг. (возраст 24-28 лет) характеризуется более высокой частотой переездов, чем группа респондентов когорты рождения 1971-1973 гг. (возраст 34-38 лет), при условии отсутствия в планах расширения семьи. Примечателен также тот факт, что планирование первого ребенка стимулирует переезд на дальние расстояния среди респондентов в возрасте 34-38 лет (старшая группа) и снижает стимулы к переезду на малые и дальние расстояния для группы респондентов 24-28 лет (младшая группа). После зачатия, ведущего к рождению первого ребенка, характерны переезды на малые дистанции как для старшей, так и для младшей группы участников. После зачатия, ведущего к появлению еще одного ребенка, переезды внутри города и на большие расстояния значительно выше для респондентов старшей группы. Таким образом, смена места жительства чаще наблюдается как на стадии планирования беременности, так и при ее течении, однако, тип переезда зависит от возраста и родительского статуса.

Вдобавок оказалось, что взаимосвязь между намерениями иметь детей и разными типами переездов статистически незначима. А беременность и переезды на малые расстояния находятся в положительной зависимости. В ходе анализа была выявлена отрицательная зависимость между наличием детей и переездами за город. К тому же члены старшей группы показали себя менее мобильными и менее склонными к переездам всех трех типов.

Ключевые результаты исследования:

1. выявлено, что респонденты, намеревающиеся завести детей переезжали чаще, чем те, кто не намеревался;
2. возраст и родительский статус оказывают большое влияние на взаимосвязь между намерениями завести детей и переездами;
3. возникает частичная взаимосвязь из-за разной степени срочности смены жилья.

Таким образом, данное исследование во многом прояснило вопрос о наличии взаимосвязи между планированием расширения семьи и сменой места жительства. В дальнейших работах авторы планируют рассмотреть влияние на эту взаимосвязь гендерных различий.

FINANCING PUBLIC EDUCATION FACILITIES: THE ROLE OF ELDERLY POPULATIONS AND GEOGRAPHIC MOBILITY

[Schlaffer J.S. (2018). *Financing Public Education Facilities: The Role of Elderly Populations and Geographic Mobility* // *Social Science Quarterly*. 99(1): 118–135]

Исследование Джеймса Шлаффера – достаточно редкая попытка проверить гипотезу столкновения поколений на эмпирических данных. Ускоряющееся старение населения вместе с неизменными институтами голосования увеличивает риск принятия решений, учитывающих преимущественно интересы пожилых. Одним из ключевых дискуссионных вопросов этой гипотезы оказывается механизм финансирования образования. Образование молодых поколений для пожилых – инвестиция, не подразумевающая прямой отдачи. Предыдущие исследования не складываются в непротиворечивую картину: некоторые обнаруживают ожидаемую негативную взаимосвязь между долей пожилого населения и финансированием образования, другие, наоборот, находят положительную ассоциацию. Шлаффер утверждает, что корень противоречий в предыдущих исследованиях – неучтенная неоднородность пожилого населения.

Главная гипотеза данного исследования заключается в том, что меньшая социальная вовлеченность пожилых людей должна негативно отражаться на их готовности направлять общественные финансы на образование. Чтобы «пощупать» такое ускользающее понятие, как социальная привязанность к месту проживания, автор использует данные о миграции пожилых людей. Предполагается, что пожилые люди, недавно переехавшие на новое место жительства, будут меньше связаны с местным сообществом. В отличие от единственного предыдущего похожего исследования Шлаффер решил анализировать общие затраты местных сообществ на образовательную инфраструктуру, а не затраты в среднем на ученика, которые подвержены выравниванию на уровне штатов. Исследование проведено на данных Калифорнии, которая традиционно принимает достаточно много пожилых переселенцев, перебирающихся на старости лет в теплые края.

Результаты подтверждают главную гипотезу: те районы, в которых зафиксирована сравнительно большая доля недавно приехавших пожилых людей, менее склонны тратить общественные деньги на школы. Этот результат имеет важнейшее прикладное значение. Его можно трактовать так, что пожилые люди не склонны финансировать образование не вообще, а лишь тогда, когда не чувствуют себя в достаточной степени частью местного сообщества, на будущее которого планируется тратить общие деньги. Таким образом, логично предположить, что меры, нацеленные на вовлечение пожилого населения в социальную жизнь местного сообщества, окажутся эффективным противоядием против «седой угрозы» (Grey Peril).

THE REVERSAL OF THE GENDER GAP IN EDUCATION AND RELATIVE DIVORCE RISKS: A MATTER OF ALTERNATIVES IN PARTNER CHOICE?

[Grow A., C. Schnor, J. Van Bavel (2017). *The reversal of the gender gap in education and relative divorce risks: A matter of alternatives in partner choice?* // *Population Studies*. 71(sup1): 15–34. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1371477>]

Традиционно получение образования, особенно высшего, считалось привилегией мужчин. По этой причине нормой оказывались гипергамные браки, в которых муж имеет более высокий уровень образования, чем жена. Однако за последние полвека гендерный разрыв в уровне образования значительно сократился: всё больше и больше женщин стали получать высшее образование и, следовательно, выросло количество гипогамных браков – союзов, в которых женщина образованней своего супруга. Андрэ Гроу, Кристин Шнор и Ян Ван Бавел в своей статье изучают влияние этого социальной инверсии на риски развода. В качестве объекта исследования учёные взяли гетеросексуальные пары из 12 европейских стран, вступившие в брак в период с 1950 по 2004 г. (рисунок 9).

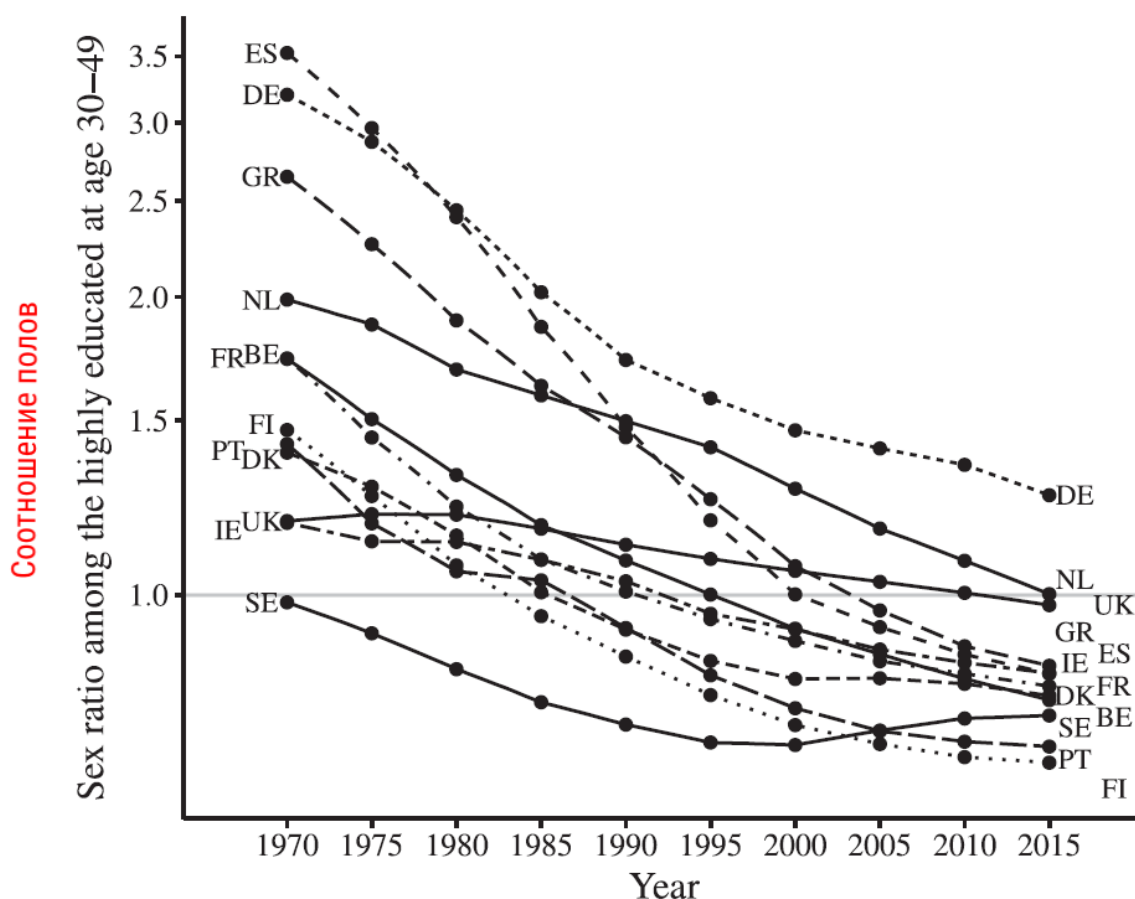

Рисунок 9. Соотношение полов (число мужчин на 1 женщину) среди, имеющих высшее образование, в возрасте 30-49 лет в 12 европейских странах, 1970-2015

Примечание: BE - Бельгия, DE - Германия, DK - Дания, ES - Испания, FI - Финляндия, FR - Франция, GR - Греция, IE - Ирландия, NL - Нидерланды, PT - Португалия, SE - Швеция, UK - Великобритания.

Для начала авторы дают описание нескольких важных макроструктурных закономерностей, касающихся рисков развода. Так, они указывают, что риск развода напрямую зависит от количества более привлекательных альтернатив (индивидов противоположного пола) на брачном рынке. Вероятность развода снижается с увеличением числа лет, проведённых в браке, так как с течением времени растут инвестиции в партнёра (общие дети, совместно нажитое имущество). Также на вероятность развода влияют такие факторы, как уровень общественного неприятия развода и брачное законодательство. Модель поиска партнёра индивидом выглядит следующим образом: индивид приходит на брачный рынок в возрасте 16 лет и остаётся там на протяжении жизни (авторы статьи берут 110 лет за максимальную продолжительность жизни), независимо от того, состоит ли он в каких-либо отношениях или нет. Индивид старается завязать отношения с наиболее привлекательным для себя партнёром. Привлекательность определяется:

1. возрастом: насколько близок возраст потенциального партнёра к идеальному для конкретного индивида (для мужчины идеальный возраст супруги – 24 года, для женщины идеальный возраст супруга больше её собственного на 2,5 года);
2. величиной возможного дохода потенциального партнёра;
3. уровнем образования потенциального партнёра: он должен быть либо таким же, как у выбирающего индивида (что предполагает схожие интересы, ценности и нормы поведения), либо выше (что предполагает более высокий уровень дохода потенциального партнёра).

Важно, что каждая из указанных выше детерминант привлекательности имеет разное значение для представителей разного пола. Также вероятность того, что индивид вступит в новые отношения, обратно пропорциональна продолжительности текущих отношений и прямо пропорциональна возрасту (при условии отсутствия текущих отношений) и желанию потенциального партнёра встречаться с индивидом или создать с ним семью.

Существенное дополнение авторов статьи к описываемой модели – учёт реальных показателей рождаемости и смертности для определения численности половых и возрастных групп индивидов для каждого исследуемого года.

Авторы рассчитывают относительные риски развода гипогамных пар по сравнению с гипергамными (R), а также показатель, определяющий преимущество женщин в образовании (вероятность того, что случайно выбранная женщина будет образованнее случайно выбранного мужчины, F). Оказывается, с течением времени R уменьшается, поскольку одновременно уменьшается риск развода гипогамных пар и растёт риск развода гипергамных пар (рисунки 10).

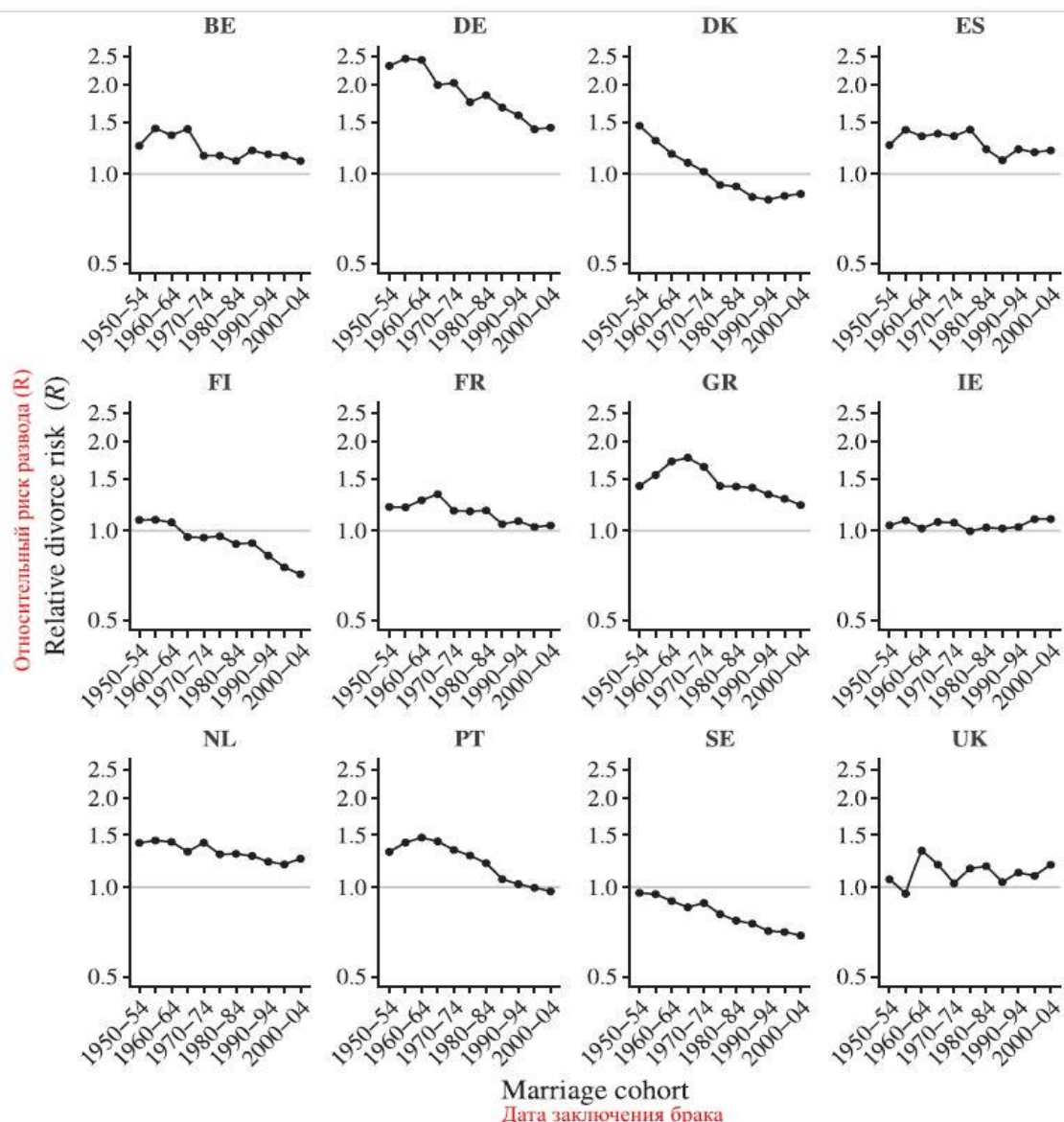

Рисунок 10. Относительный риск развода (R) гипогамных пар по отношению к гипергамным по дате заключения брака

Примечание: BE - Бельгия, DE - Германия, DK - Дания, ES - Испания, FI - Финляндия, FR - Франция, GR - Греция, IE - Ирландия, NL - Нидерланды, PT - Португалия, SE - Швеция, UK - Великобритания.

Однако указанное снижение R сопровождается ростом F (т.е. женщины становятся образованнее, чем мужчины), из чего можно сделать вывод, что сокращение гендерного разрыва в уровне образования ведёт к появлению на брачном рынке большого числа высокообразованных женщин. Это в свою очередь обуславливает рост числа привлекательных альтернатив для мужчин и сокращение числа привлекательных альтернатив для женщин, что объясняет указанные тенденции изменения R (рисунки 11, 12).

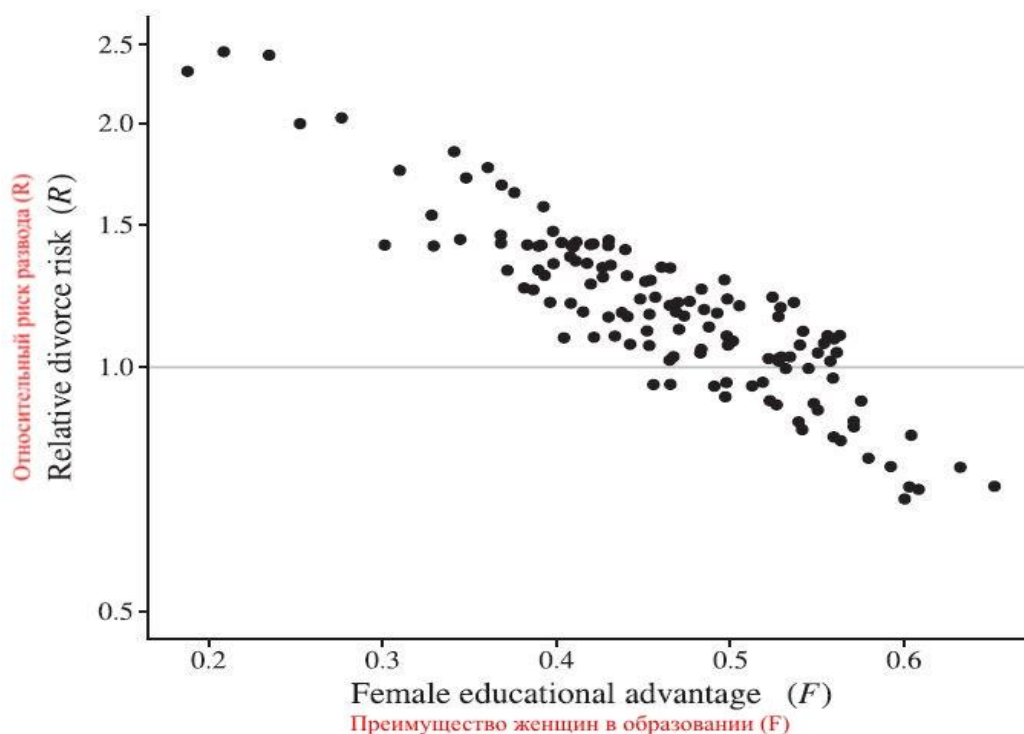

Рисунок 11. Относительный риск развода (R) гипогамных пар по отношению к гипергамным и преимущество женщин в образовании (F-показатель)

Примечание: Смоделировано для 12 европейских стран и 11 брачных групп.

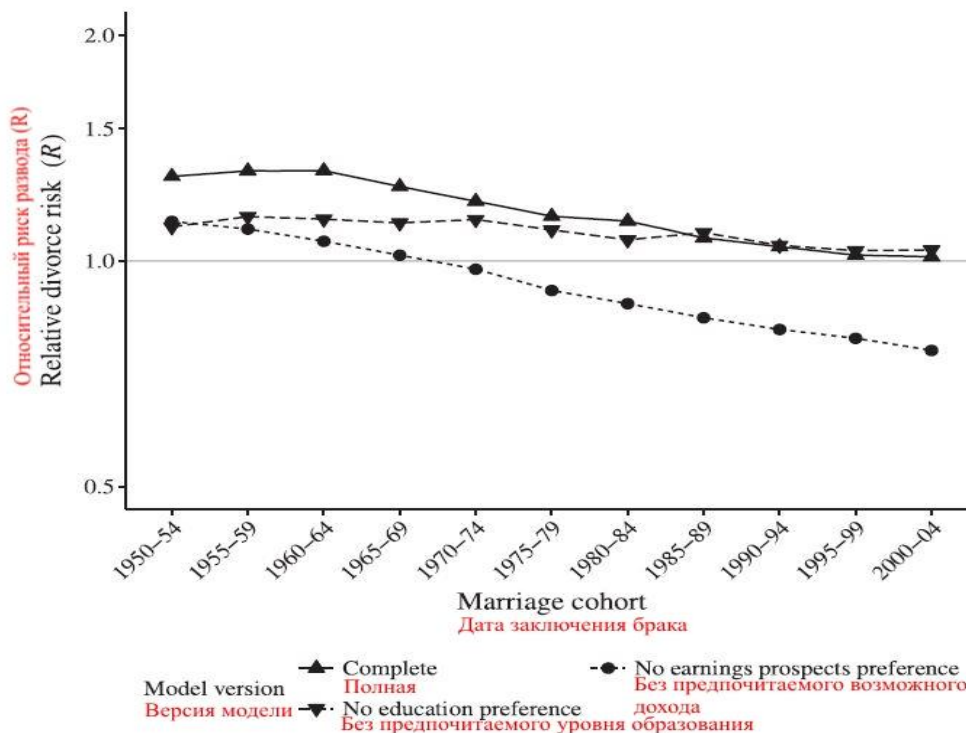

Рисунок 12. Относительные риски развода (R) гипогамных пар по отношению к гипергамным

Примечание: смоделировано для 12 европейских стран, по дате заключения брака и по версии модели.

Для авторов статьи принципиально, что изменение норм и ценностей (в частности, принятие обществом гипогамных браков) не является ключевой причиной описываемого процесса, как предполагали их предшественники.

В заключение авторы приводят ещё несколько важных результатов:

1. если бы для индивидов не был важен возможный доход потенциального партнёра, то снижение R было бы гораздо существеннее наблюдаемого;
2. если бы для индивидов не имели значения интересы, ценности и нормы поведения потенциального партнёра, то снижение R не сильно отличалось бы от наблюдаемого.

WOMEN LIVE LONGER THAN MEN EVEN DURING SEVERE FAMINES AND EPIDEMICS

[Zarulli V., J.A.B. Jones, A. Oksuzyan, R. Lindahl-Jacobsen, K. Christensen, K., J.W. Vaupel (2018). Women live longer than men even during severe famines and epidemics // Proceedings of the National Academy of Sciences. 201701535. <https://doi.org/10.1073/pnas.1701535115>]

Исследование Вирджинии Зарулли и соавторов, опубликованное в престижном журнале Национальной академии наук (США), широко освещалось в международной прессе – видимо, из-за очень простого, казалось бы, ключевого вывода: женщины – сильный пол.

Женщины живут дольше мужчин. Во всех развитых человеческих сообществах. По большому счету, универсального и бесспорного объяснения этого феномена нет. Существующие объяснения опираются как на биологические различия, так и на многочисленные социальные нормы и поведенческие различия. Известно, что в некоторых исторических популяциях людей смертность женщин могла быть очень высокой в репродуктивных возрастах. Но качественных данных мало. Авторы данного исследования решили проверить, сохраняется ли преимущество женщин в условиях катастрофически высокой смертности. В статье анализируются различия в смертности между мужчинами и женщинами в считанных случаях, когда человеческие популяции, подверженные невероятно высокой смертности, оказываются неплохо задокументированными статистически. Удалось найти лишь 7 подобных случаев: освобожденные рабы в Либерии в 1820-1843 гг., рабы на плантациях Тринидада в 1813-1816 гг., голодомор на Украине в 1933 г., голод в Швеции в 1772-1773 гг., эпидемии в Исландии в 1846 и 1882 г. и голод в Ирландии в 1845-1849 гг. Во всех этих случаях, смертность женщин оказывалась ниже смертности мужчин (рисунок 13).

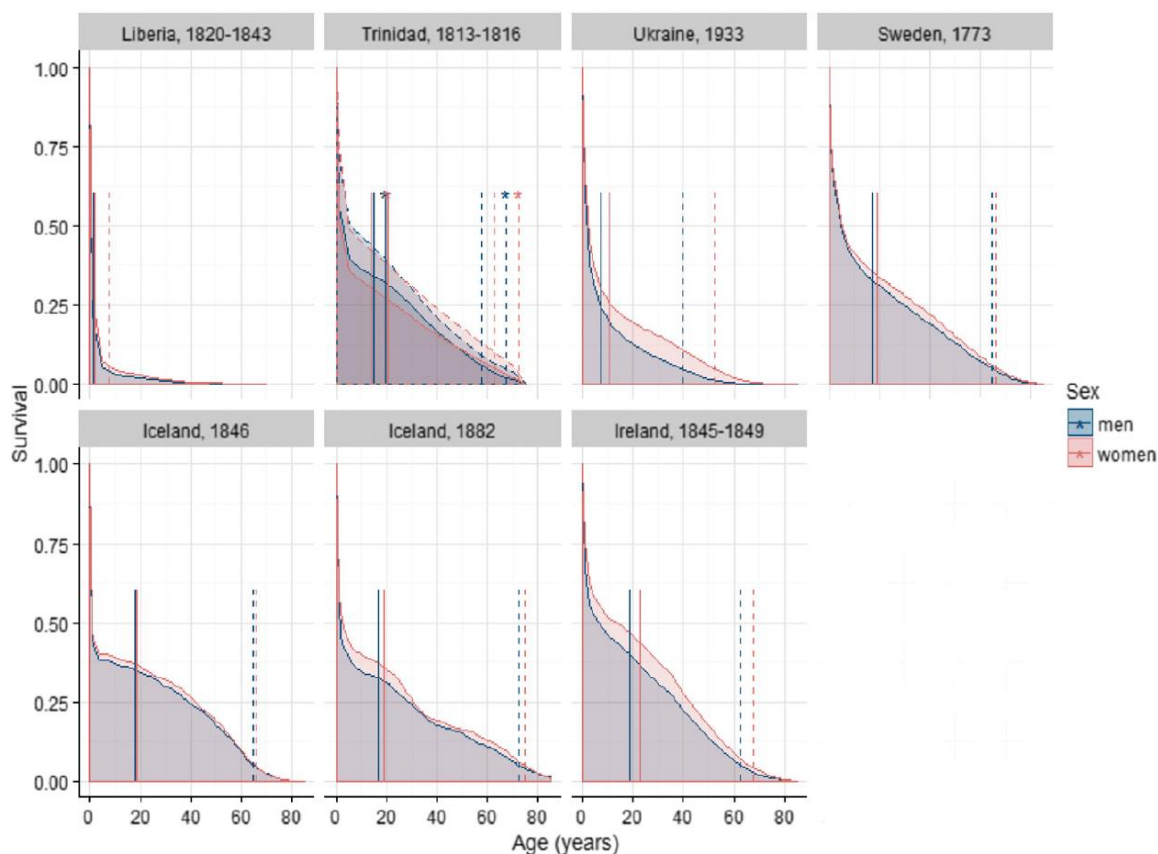

Рисунок 13. Модельные кривые дожития мужчин и женщин в популяциях, подверженных экстремально высокой смертности. Вертикальными сплошными линиями отмечены оценки ожидаемой продолжительности жизни, пунктирными линиями – доверительные интервалы оценок

По мнению авторов, результаты, в первую очередь, подтверждают гипотезы о биологических причинах превосходства женщин в дожитии. Социальные факторы лишь усиливают дисбаланс.

REGIONAL POPULATION STRUCTURES AT A GLANCE

[Kashnitsky I., J. Schöley (2018). Regional population structures at a glance // The Lancet. 392(10143): 209–210. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31194-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31194-2)]

С большим удовольствием представляю вам свою карту (рисунок 14) и небольшое пояснение к ней, которые опубликованы в журнале The Lancet.

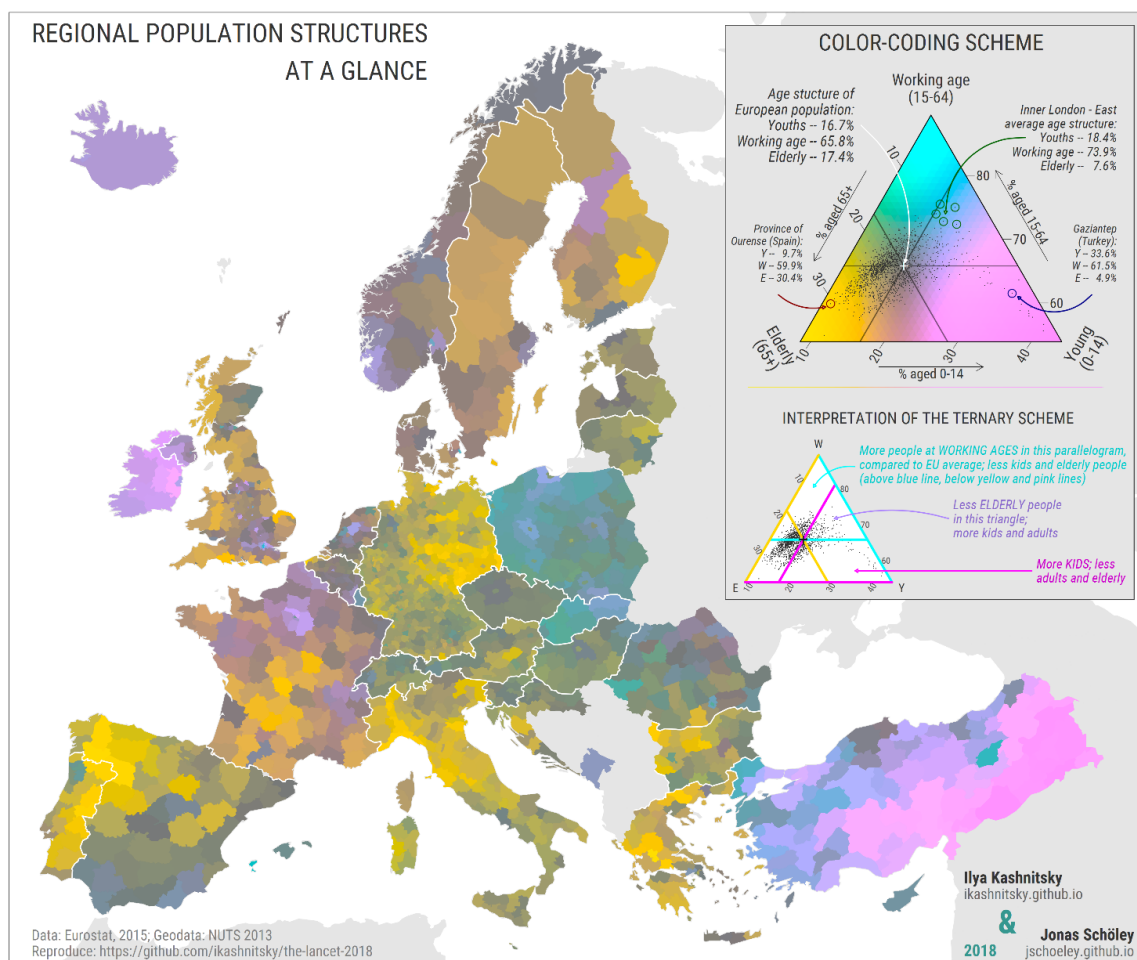

Рисунок 14. Возрастная структура населения европейских регионов NUTS-3, закодированная цветом

Эта карта представляет собой «моментальный снимок» региональных возрастных структур населения в современной Европе. Соотношения детей, взрослых и пожилых в населении каждого из регионов закодировано цветом – данные «сами создают цвета». Возрастной структуре населения Европы соответствует серый цвет, который получается смешиванием в равных пропорциях розового, голубого и желтого. Чем больше возрастная структура населения региона отличается от среднеевропейской, тем больше доминирует один из трех цветов: желтый – если в населении преобладают пожилые, розовый – дети, голубой – люди трудоспособного возраста. Одна карта может поведать нам бесконечное количество демографических историй. Курдистан, юго-восточная часть Турции, еще не завершил демографический переход, Восточная Европа переживает последние годы демографического дивиденда, в то время как западная Европа стремительно стареет. Столичные регионы стягивают население трудоспособного возраста, пристоличные регионы – молодые семьи с детьми, а в провинции остаются доживать старики. Приблизите карту, и Вы увидите явственную границу между двумя Бельгиями – Фландрией и Валлонией. А знаете, что это за яркое сиреневое пятно в Финляндии? Оказывается, там живут лестадианцы, крайне традиционные протестанты, предпочитающие в вопросах планирования семьи благочестивую позицию «сколько Бог пошлет», – рассказали мне финские демографы на Европейской конференции по изучению народонаселения. А посмотрите на Испанию, береговые регионы которой вместе со столичным регионом

получили в нулевые годы невероятный приток международной миграции – в отличие от внутренней периферии страны.

Цвета созданы с помощью R-пакета `tricolore`. Этот пакет, как мы надеемся, позволит исследователям из разных областей науки с легкостью отображать цветом троичные композиции данных. Вы, дорогой читатель, можете воспроизвести карту точь-в-точь за несколько минут, детали тут: <https://github.com/ikashnitsky/the-lancet-2018>.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY, ANNA BURMISTROVA, NIKITA GANZHA, GALINA MANKOVA, AND VADIM KHRUKOV

- *Balistreri K.S., K. Joyner, G. Kao. Trading Youth for Citizenship? The Spousal Age Gap in Cross-Border Marriages.*
- *Kolk M., M. Hällsten. Demographic and Educational Success of Lineages in Northern Sweden.*
- *Monnet E., C. Wolf. Demographic cycles, migration and housing investment.*
- *Lee R., Y. Zhou. Does Fertility or Mortality Drive Contemporary Population Aging? The Revisionist View Revisited.*
- *Cahill K.E., M.D. Giandrea, J.F. Quinn. To What Extent is Gradual Retirement a Product of Financial Necessity?*
- *Damman M., R. Van Duijn. Intergenerational Support in the Transition From Work to Retirement.*
- *DeWaard J., J.T. Ha, J. Raymer, A. Wiśniowski. Migration from New-Accession Countries and Duration Expectancy in the EU-15: 2002–2008.*
- *Vidal S., J. Huinink, M. Feldhaus. Fertility Intentions and Residential Relocations.*
- *Schlaffer J.S. Financing Public Education Facilities: The Role of Elderly Populations and Geographic Mobility.*
- *Grow A., C. Schnor, J. Van Bavel. The reversal of the gender gap in education and relative divorce risks: A matter of alternatives in partner choice?*
- *Zarulli V., J.A.B. Jones, A. Oksuzyan, R. Lindahl-Jacobsen, K. Christensen, J.W. Vaupel. Women live longer than men even during severe famines and epidemics.*
- *Kashnitsky I., J. Schöley. Regional population structures at a glance.*

ILYA S. KASHNITSKY (ilya.kashnitsky@gmail.com), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

ANNA BURMISTROVA, NIKITA GANZHA, GALINA MANKOVA, VADIM KHRUKOV, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

DATE RECEIVED: AUGUSTE 2018.